

СОДЕРЖАНИЕ

4 | ОТ РЕДАКЦИИ

РУССКИЙ ЯЗЫК
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

6 | ШИПУЛИНА Г.И.

Принципы составления
«Словаря языка “Героя нашего времени”»

14 | КАЗАЧУК И.Г., САХАУТДИНОВА Р.Н.

Лексико-семантические группы существительных,
номинариующих мужчин в русских сказках

16 | КАЗАЧУК И.Г., ТУБОЛЬЦЕВА Н.О.

Жанрообразующая функция прилагательных в загадках

19 | ЩЕРБАХО Н.В.

Темпоральность как средство самопрезентации
в письмах императора Александра II

22 | СУХОВА Е.А.

Восстановление траектории движения лексики
этимологического гнезда как способ выявления комплекса
исторических причин, ведущих к связанности корня

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК:
ДИНАМИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

26 | ПОМЫКАЛОВА Т.Е.

Фразеологический признак в текстах по искусству
(материалы по живописи): специфика семантики

32 | ГАШЕВА Л.П., СВИРИДОВА А.В.

Концепт «Мысль», вербализованный процессуальными
фразеологизмами русского языка

38 | ШИГАНОВА Г.А.

Формирование семантики производных предлогов
современного русского языка как динамический
процесс

41 | ПРОКОЛОВ Д.В.

Индивидуально-авторская метафора как
доминирующий стилистический прием художественного
текста (на материале повести Ю.К. Олеси «Зависть»)

Научно-популярный журнал
Метеор-Сити
Сетевое издание

№1, 2016

Специальный выпуск, посвященный
конференции «Проблемы
филологических исследований»

Свидетельство регистрации СМИ
Эл № ФС77-63802 от 27.11.2015 г.

Учредитель:

Обжорин А.М., кандидат филологических
наук

Главный редактор:

Омельченко Е.В., кандидат
педагогических наук, доцент

**Организационный комитет
конференции:**

Председатель:

Садырин В.В., ректор ЧГПУ, кандидат
педагогических наук, доцент

Зам. председателя:

Саламатов А.А., проректор по научной
работе ЧГПУ, доктор педагогических наук,
профессор

Члены оргкомитета:

Гашева Л.П., профессор кафедры
русского языка и МОРЯ ЧГПУ, доктор
филологических наук, профессор
Глухих Н.В., зав. кафедрой русского языка
и МОРЯ ЧГПУ, доктор филологических
наук, доцент

Казачук И.Г., профессор кафедры
русского языка и МОРЯ ЧГПУ, доктор
филологических наук, доцент

Миронова А.А., профессор кафедры
русского языка и МОРЯ ЧГПУ, доктор
филологических наук, доцент

Чередниченко А.П., декан
филологического факультета ЧГПУ,
кандидат филологических наук, доцент
Чунослова И.А., ст. лаборант кафедры
русского языка и МОРЯ ЧГПУ

Технический редактор: Рыбакова А.С.

Дизайн и верстка: Крылова И.Н.

Периодичность — каждые 2 месяца
Адрес в Интернете: www.meteor-city.top
E-mail: info@meteor-city.top
Выпуск размещается в РИНЦ, КиберЛенинке

44 | ГУБАЙДУЛЛИНА Н.Ю.

Расширение как один из приемов структурно-семантических преобразований фразеологических единиц (на материале художественных текстов различных жанров)

47 | МАТАШ К.А.

Фразеологизмы признака — репрезентанты общей положительной оценки облика субъекта (на материале произведений Б. Акунина)

51 | ПОЧИТАЛКИНА Н.Е.

Синонимические отношения фразеологических единиц признака эмоционального состояния лица или живого существа

55 | ПАТАШКОВА Е.С.

Диктумно-модусная организация предложений со словами с семантикой состояния

59 | БАГАПОВ Д.Ф., ГАШЕВА Л.П.

Научные подходы отечественных и зарубежных лингвистов к пониманию и определению афоризма

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ**64 | АДАЕВА О.Б.**

Идеографические исследования как лингвистическая основа развития речи школьников

68 | МУСТАКИМОВА Г.В.

Веб-семинар как одна из форм диалогового обучения в вузе

**СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ****72 | ИВАНЕНКО Г.С.**

Оскорбление как полидискурсивный и полифункциональный феномен

75 | ОМЕЛЬЧЕНКО Е.В.

Фрактальность как фасцинативное средство (на примере поэзии И. Бродского)

82 | ГОЛУБЕВА О.Ю.

Семантика фразеологизмов признака в рекламном тексте

86 | СЕМАКОВ А.С.

Использование лексических и стилистических приемов в рекламе для достижения превосходства над конкурентами

РЕЧЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**90 | СТРУГОВА Г.С.**

Градация как стилистический прием художественной речи

94 | ИВАНЕНКО Г.С., ЦЫКУНОВА О.С.

Структурные, семантические и функциональные признаки метафоры в рассказе Дины Рубиной «Адам и Мирьям»

99 | БЕВЗО Е.А.

Функционирование фразеологизмов в поэтических текстах Риммы Казаковой

104 | ГАБИТОВА У.У.

Фразеосемантическое поле «человек говорящий» в языковой картине мира Л.Е. Улицкой

109 | АЛЕКСЕЕВА М.И.

Понятие лексико-семантической картины речевой ситуации в современной русской лингвистической науке

112 | ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ**113 | ТРЕБОВАНИЯ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ**

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели! Перед вами — первый выпуск научно-популярного журнала Метеор-Сити, созданного как журнал нового формата.

Ежемесячно в России проводится около 500 конференций разного уровня, издается около 9 тыс. научных журналов, за прошлый год защищено около 12 тыс. диссертаций. Однако большинство интереснейших научных открытий остается без внимания. Почему?

Научная информация — «знание в чистом виде» — как любая другая информация в современном мире, должна быть привлекательной для читателя. Так родилась идея создания научного журнала, способного заслужить внимание и широкий резонанс публики. Журнала, который обладает тремя **принципиальными качествами**: интерес, доступность, современность.

Во-первых, журнал содержит материалы, **интересные** широкому кругу людей. Мы не начинаем абстрактной диалог: ученый — ученый. Мы открываем границы для всех, кто стремится к получению знания, — ценного и глубокого и одновременно увлекательного и живого.

Во-вторых, журнал **доступен** большому количеству людей. Сейчас печатные журналы читаются редко, сборники конференций, к большому сожалению, простаивают на полках библиотек. Доступность информации сегодня — это её доступность в Интернете.

Для того, чтобы идея стала популярной, ее нужно преподнести в **современной** форме. Текста научной статьи сегодня недостаточно — сотни, тысячи интересных, удивительных материалов остаются без внимания. Сегодня, кроме текста, людям нужны инфографика, схемы, видео, презентации... Современный научный журнал — это современные формы представления информации. И это также воплотилось в сетевом научно-популярном журнале «Метеор-Сити».

Для достижения названных выше задач выпуск размещается в Научной электронной библиотеке (РИНЦ), а также постатейно на сайте журнала (www.meteor-city.top).

По материалам статей, отмеченных экспертами журнала, подготавливаются презентации, инфографика и видеосюжеты. Материалы размещаются на новостных каналах журнала (youtube, vk, facebook, twitter, slideshare, google+ и др.), становясь доступными для широкой аудитории.

Журнал ориентирован, в первую очередь, на массового читателя, поэтому мы стремимся преподносить глубокие идеи в доступной форме. Форме, понятной людям, не включенным в «большую науку». Тексты статей, лекций сопровождаются презентациями и видео, что **делает "Метеор-Сити" читаемым журналом**.

Направления журнала: эффективное общение (устное и письменное), развитие мышления и памяти, воли и способностей, умение работать с информацией, использовать Интернет и программы в работе и образовании, творческое решение сложных задач, успешная профессиональная деятельность и другое.

Первый выпуск — специальный — создан из материалов интернет-конференции с международным участием **«Проблемы филологических исследований»**, проведенной кафедрой русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета в феврале 2016 года.

Выпуск посвящен исследованию актуальных проблем в лингвистике. Несмотря на широту знаний и научных интересов авторов публикаций, их объединяет одно — направленность на человека, его духовный мир, сознание, язык; способность к углубленному прочтению текстов и пониманию лингвокультурных явлений; умение остановить взгляд на предмете исследования и, углубляя мысль, представить его в объеме, говоря современным языком, 3D.

В этом выпуске мы будем говорить о том, что мыслим (Л.П. Гашева, А.В. Свиридова — Концепт «мысль» в русском языке), попробуем разобраться — оскорбили или похвалили (Г.С. Иваненко — Оскорбление в лингвоэкспертизе), узнаем, как говорил Лермонтов (Г.И. Шипулина — Словарь языка «Героя нашего времени»), проследим восхождение цесаревича до императора (Н.В. Щербахо — Анализ писем Александра II), увидим Бесконечность смыслов в тексте (Е.В. Омельченко — Фрактальность), рассмотрим инновационные способы обучения школьников (О.Б. Адаева — Развитие речи школьников) и студентов (Г.В. Мустакимова — Веб-семинар в вузе), вместе с представителями челябинской фразеологической школы исследуем форму и содержание фразеологизмов в текстах по искусству (Т.Е. Помыкалова), рекламных текстах (О.Ю. Голубева), художественных текстах различных жанров (Ю.Ю. Губайдуллина), узнаем о том, как формируется их значение (Г.А. Шиганова — Семантика производных предлогов). Кроме того, заново откроем произведения Бориса Акунина (К.А. Маташ), Дины Рубиной (Г.С. Иваненко, О.С. Цыкунова), Риммы Казаковой (Е.А. Бевзо), Людмилы Улицкой (У.У. Габитова) и Юрия Карловича Олеси (Д.В. Проколов).

Идеи статей выпуска соответствуют концепции нашего журнала — связь научных открытий с практикой развивающегося языка, живой речи, современной коммуникации. Все публикации журнала можно объединить мыслью о безграничности, безмерности, неисчерпаемой сложности и красоте родного языка.

Внизу каждой статьи находится ссылка на страницу с данной статьей на сайте, где вы можете поделиться своим мнением, комментировать материал. Надеемся, что знакомство с выпуском, в котором собрана полезная информация, доставит вам удовольствие восприятия и познания, увлечет новизной научных открытий, вдохновит на творческий поиск.

РУССКИЙ ЯЗЫК В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

ШИПУЛИНА ГАЛИНА ИВАНОВНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры Общего и русского языкознания Бакинского славянского университета, г. Баку, Азербайджан

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ «СЛОВАРЯ ЯЗЫКА «ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»»

Аннотация. Авторская лексикография на современном этапе — одно из самых перспективных направлений лингвистики. Статья посвящена выработанным в процессе работы над семитомным «Словарем языка Есенина» и примененным к созданию «Словаря языка «Героя нашего времени»» принципам составления авторского словаря. Показаны принципиальные возможности использования приемов и методов лексикографического описания языковых особенностей романа М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»). Основные принципы построения Словаря — тезаурусный подход; двухчастная форма — сам Словарь и четыре Приложения к нему; частотная характеристика каждой анализируемой единицы, указание на стилистическую и грамматическую маркированность лексем. Описываются принципы лексико-семантического и частотного анализа основных приемов и методов создания двухтомного «Словаря языка «Героя нашего времени»».

Ключевые слова: авторская лексикография, тезаурус, словарная статья, частотность, заголовочная единица, алфавитный и частотный словники, словники частеречной принадлежности, стилистической и грамматической маркированности лексем.

Вот книга, которой суждено никогда не стариться, потому что, при самом рождении ее, она была вспрыснута живою водою поэзии! Эта старая книга всегда будет нова... Перечитывая вновь «Героя нашего времени», невольно удивляешься, как все в нем просто, легко, обыкновенно и в то же время так проникнуто жизнью, мыслию, так широко, глубоко, возвышенно...
В.Г. Белинский

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется как ярко выраженной теоретической направленностью, так и практическим решением многих прикладных проблем. Одним из наиболее активно развивающихся в последние десятилетия направлений является **авторская лексикография** — «теория и практика

составления словарей языка отдельных авторов или групп авторов, а также изучение таких словарей и выявление возможностей их использования» [5, с. 16], в которой, на наш взгляд, наиболее полно сливаются теория и практика лингвистического исследования: описание авторского идиолекта предполагает выработку определенных приемов

и методов, позволяющих, путем анализа каждой конкретной лексемы, дать максимально полную характеристику лексикона отдельного автора или его произведения.

Опыт создания семитомного «Словаря языка Есенина» (2012–2015; первые пять томов — язык поэзии, последние два тома — язык художественной прозы) [6] позволил не только отобрать лучшие приемы и методы описания авторского лексикона, но и выработать, как нам представляется, общие принципы создания авторского словаря-тезауруса, включающего **описание всех, без единого исключения, лексем, составляющих авторский текст всего творчества**, или произведений определенного жанра, или отдельного произведения любого конкретного автора.

Нами подготовлен к печати двухтомный «Словарь языка “Героя нашего времени”», в котором описана вся лексика романа — 6072 единицы (более 1700 компьют. стр.). Роман М.Ю. Лермонтова — одно из лучших произведений русской классической литературы, поэтому вполне естествен и необходим не просто интерес к его языку, а его максимально полное лексикографическое описание. В настоящее время существует лишь «Частотный словарь языка Лермонтова» как приложение в Лермонтовской энциклопедии [2].

Реферируемый в статье **«Словарь» состоит из двух частей**: (I) собственно Словаря, в котором в алфавитном порядке представлены все единицы, отобранные методом сплошной выборки, и (II) Приложения, включающего четыре Словника. Предлагаемая форма авторского словаря, впервые использованная при создании «Словаря языка Есенина», отмечалась рецензентами как оптимальный принцип лексикографирования литературного произведения.

I. Сам «Словарь языка «Героя нашего времени» представляет собой полный толково-стилистический объяснительный тезаурус алфавитного типа с частотной характеристикой всех анализируемых лексем. В основе построения анализируемого Словаря лежит тезис Л.В. Щербы: «...словари писателей должны быть сделаны по типу thesaurus, так как <...>, только располагая всей полнотой цитации, можно строить какие-либо предположения и выводы» [7, с. 286].

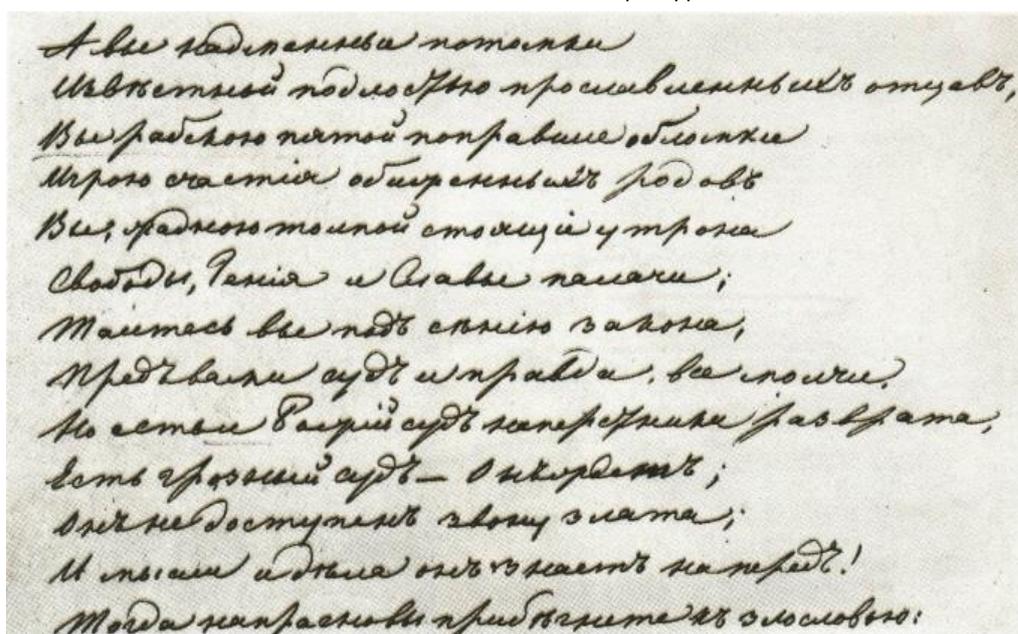
Идея тезауруса в наибольшей степени применима именно к авторским словарям, имеющим дело с законченными текстами. Говоря о характерной особенности тезаурусов, ученый отмечает, что «в них приводятся все решительно слова, встретившиеся в данном языке хотя бы один раз <...>, и что под каждым словом приводятся решительно все цитаты из имеющихся на данном языке текстов» [7, с. 281].

Именно этот принцип стал концептуальной основой «Словаря языка «Героя нашего времени»: в нем описаны слова всех частей речи, включая производные наречия со всеми их значениями (без отсылки к соответствующим прилагательным, как обычно принято в толковых словарях), междометия, причастия, деепричастия и вводные слова. Все они образуют самостоятельные словарные статьи.

Исходя из анализа типологии авторских словарей [5, с. 55–58], мы определяем наш Словарь как **лингвистический, монографический, регистрирующий, многопараметровый, полный словарь авторского языка, со словом (реже — словосочетанием) в качестве основной заголовочной единицы, алфавитный, одноязычный, исторический (словарь языка писателя первой половины XIX в.), научно-описательный, книгопечатный** (параллельно подготовлена электронная версия Словаря, отличающаяся лишь количеством иллюстративных примеров).

В основу определения всех лексем, образующих Словарь, положены, как это принято в авторской лексикографии, **данные наиболее авторитетных толковых словарей русского языка**, которые приводят значения большинства общеупотребительных слов [3; 4]. Определенная часть значений слов и словосочетаний, использованных М.Ю. Лермонтовым в романе, полностью совпадает со значениями, указанными в этих словарях, поэтому совпадают и их дефиниции. Необходимо отметить, что самый большой (из доступных нам) академический словарь русского языка [3] очень часто в качестве иллюстраций при определении значений использует примеры из романа М.Ю. Лермонтова. К сожалению, остальные толковые словари [4] нечасто обращаются к лермонтовскому тексту.

Безусловно, наибольший интерес для лексикографирования представляют те лексемы, значение которых лишь частично совпадает с определениями толковых словарей, или вовсе отсутствует в них. Однако в романе такие случаи единичны. Следует отметить значительное количество заимствований, многие из которых, по нашим предположениям, впервые использованы М.Ю. Лермонтовым в художественном произведении. Все они получили в Словаре этимологическое толкование. **Это тоже принципиальное отличие нашего словаря от других авторских словарей.** Количество устаревших слов, как показал анализ, невелико (198 лексем, $\approx 3,5\%$), а об окказионализмах говорить вообще не приходится — нами выделено всего два: *белопарусник* и *сладостно-усыпительный*. Это свидетельство удивительной чистоты и точности литературного языка писателя.

Рукопись
М.Ю. Лермонтова,
«На смерть поэта»,
1837 г.

Частотный анализ языка романа показал удивительную картину: из общего количества — 6072 лексем — 2995 (т.е. почти 50%) употреблены по одному разу; 1002 лексемы — дважды, что в целом составляет чуть менее 66% лексикона романа. Преобладание одно-, двукратно употребленных лексем свидетельствует о богатстве словарного запаса автора, позволяющего, не повторяясь, использовать все новые слова.

В Словарь включены словарные статьи, количество которых соответствует общему числу анализируемых лексем — 6072. Они дают характеристику слова (словосочетания) с количественной и качественной сторон.

Словарные статьи располагаются в алфавитном порядке. После каждой буквы алфавита, предваряющей список начинающихся с нее лексем, в скобках

указано общее количество словарных единиц на эту букву. Это количество различно: минимальное число словарных статей на буквы **Ю** (9), **Э** и **Я** (по 22), **Ц** (21), максимальное — на буквы **П** (1171), **С** (622), **В** (468). Сами словарные статьи также различаются объемом, который зависит от реального языкового материала.

Словарная статья включает: заголовок, частотность употребления слова, грамматические и стилистические пометы, все выделенные значения слова и примеры, иллюстрирующие каждое значение.

В качестве заголовочных слов выступают имена (существительное, прилагательное, числительное), местоимения, глаголы в форме инфинитива, причастия и неизменяемые слова (деепричастие, наречие, предлог, союз, частица, междометие, вводное слово). Каждое слово, образующее словарную статью, определяется само по себе, без системы отсылок к другим словам (значение глагола одного вида не определяется через другой вид, что распространено в обычных толковых словарях, значение наречия не соотносится с мотивирующим прилагательным).

В качестве самостоятельных статей выделяются причастия и деепричастия: несмотря на их отсылку к мотивирующему глаголу, дефиниции устанавливаются в зависимости от контекста и не всегда совпадают со значением глагола. Наряду с полными страдательными причастиями самостоятельные словарные статьи образуют и краткие, которые встречаются в лермонтовских текстах так же часто, как и полные (то же в полной мере относится и к прилагательным — полным и кратким).

Язык романа подтверждает мнение о том, что в художественной литературе причастия и деепричастия более самостоятельны, чем в общелитературном языке [5, с. 73].

Как заголовочные единицы — по первому компоненту — выступают и билексемы, которые в целом нетипичны для языка романа: *осетин-извозчик* (2), *сладостно-усыпительный* (1), *соловей-разбойник* (1).

Отдельные словарные статьи образуют и словосочетания, устойчивый характер которых позволяет воспринимать их как самостоятельные единицы, обозначающие нерасчлененное понятие:

Аполексический удар (1), *Ваше благородие* (4), *Здравия желаю* (1), *Эолова арфа* (1) и др.

Достаточно широко представлены в Словаре омонимичные лексемы, относящиеся к одной или к разным частям речи: *вон-1* (нареч.), *вон-2* — част.; *добро-1* (сущ.), *добро-2* (нареч.); *чай-1* (сущ.), *чай-2* (вводн. сл.). Они снабжаются цифровыми указателями и разрабатываются в разных словарных статьях.

Большое место в романе М.Ю. Лермонтова занимают **онимы**, каждый из которых образует самостоятельную словарную статью и выступает как заголовочное слово. В романе выделяются следующие типы онимов: антропонимы (официальные фамилии, имена, отчества, разговорные и уменьшительно-ласкательные наименования и др.), зоонимы (клички животных); топонимы (названия стран, континентов, городов); хрематонимы (названия художественный произведений, песен и др.).

Частотность заголовочного слова дается в круглых скобках: степень употребительности каждой лексемы определялась путем подсчета всех словоупотреблений; при большом количестве иллюстраций на каждое значение многозначного слова приводилось несколько примеров, а остальные давались в зоне шифров (см. ниже) и затем суммировались в общей частотности лексемы.

После указания частотности в словарной статье отмечаются:

а) грамматические пометы (указание части речи и ее основных признаков: род, число для имени; вид, время, переходность для глагола). Особенности употребления слова, характерные для того или иного его значения, даются под знаком | с указанием на эту особенность (безл., собир., в знач. какой части речи, степени сравнения и др.): | в сравнит. степ.: *Подарки подействовали только вполнину: она стала ласковее, доверчивее — да и только* (Бэла; с. 27).

После примеров, имеющих грамматические пометы, под знаком ◊ помещаются устойчивые сочетания: афоризмы, крылатые фразы: ◊ плохо **лежит** что — о том, что легко можно украсть, присвоить: *Помилуйте, да эти черкесы известный воровской народ: что плохо **лежит**, не могут не стянуть* (Бэла; с. 41); ◊ **лежать** на сердце — быть предметом постоянных забот, тревоги, размышлений: *Какая бы горесть ни **лежала** на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеется* (КМ; с. 87).

б) стилистические пометы традиционны для лексикографической практики: обл., разг., прост., устар., окказ., книжн., высок., спец. и др. Они чаще относятся не к слову в целом, а к одному из его значений; в этом случае частотность стилистических помет конкретного значения и слова в целом не совпадает. К числу стилистических помет добавлена одна помета малоросс. (в примерах из повести «Тамань»): *Никуды* (1) — нареч.: малорос.: *никуда: ни в какое место, ни в каком направлении; Якой* (1) — мест. вопросит.: малорос.: *вопрос о качестве, свойстве чего-либо: Вдруг мой слепой заплакал, закричал, заохал: «Куды я ходив?.. **Никуды** не ходив... с узлом? **Яким** узлом?»* (Тамань; с. 61).

Интересен факт наличия нескольких стилистических помет к одной лексеме: *Ласкать* (3) — **перен.**, устар., поэт.: с удовольствием, отрадой предаваться какому-либо чувству, мысли; оберегать,

лелеять что-либо: *Я любил **ласкать** попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мне беспокойное и жадное воображение* (Фатал.; с. 151).

Толкования слов даются обычным шрифтом со строчной буквы. При наличии у лексемы нескольких значений они обозначаются строчными буквами русского алфавита с абзаца: сначала толкуются прямые значения, затем их оттенки. Смысловые оттенки значения обозначаются знаком ||: *Ласкать* — || нежить, миловать — о влюбленных: *Кроме того, что он половину дня проводил на охоте, его обращение стало холодно, **ласкал** он ее редко, и она заметно начинала сохнуть* (Бэла; с. 37).

При наличии соответствующих примеров в словарных статьях выделяются еще три группы значений в рубриках: **перен.**, **метафора**, **в сравнении**: **Наслаждение** (7) — имя сущ. ср. р.: высшая степень удовольствия: **перен.**: *Не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою* (Фатал.; с. 151); **Огонь** (12) — имя сущ. м. р.: раскаленные светящиеся газы вокруг горящего предмета; пламя: **метафора**: *Конечно, они готовят, располагают ее сердце к принятию священного огня — а все-таки первое прикосновение решает дело* (КМ; с. 105); **в сравнении**: *Любовь, как огонь, — без пищи гаснет* (КМ; с. 111).

Нередки случаи наличия у слова больше одного переносного значения: **Рисовать** — **перен.**: 1) изображать, описывать в словесной форме: *Ему просто было весело **рисовать** современного человека, каким он его понимает, и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал* (Пред.; с. 8); 2) мысленно представлять в каких-либо образах, формах: *Я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые **рисовало** мне беспокойное и жадное воображение* (Фатал.; с. 151).

Особенностью языка романа следует считать употребление одной лексемы одновременно в переносном значении и в сравнении: **Нырнуть — перен. + в сравнении:** *Как птица нырнул он между ветвями* (Бэла; с. 18); *Уздени его отстали, — это было в сумерки, — он ехал задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала свалил его наземь, схватил поводья — и был таков* (Бэла; с. 28).

В любом словаре особую роль играет иллюстративная зона (зона контекстов), предусматривающая обязательное контекстное сопровождение каждого выделяемого значения слова или его оттенка. При анализе авторских словарей неоднократно отмечалась роль цитаты не только для подтверждения каких-то признаков, входящих в художественное значение, но и для дополнения и углубления значения, которое не всегда можно передать в кратком толковании.

Иллюстративные примеры подаются следующим образом: все лермонтовские тексты даются курсивом, дополнительно полужирным шрифтом выделяется иллюстрируемая лексема. Орфография и пунктуация текста (за исключением явных типографских ошибок) соответствуют тексту романа [1, с. 7-158].

В иллюстративной зоне обязательной является зона шифров, сопровождающая каждый контекст: в круглых скобках указывается название повестей, образующих роман, в полном или сокращенном виде (список сокращений приводится в начале словаря: *Пред. /Предисловие/, Бэла, ММ /Максим Максимыч/, Тамань, КМ /Княжна Мери/, Фатал. /Фаталист/*) и ссылка на страницу источника. Дефиниции всех лексем, представленных в Словаре, фиксируют лишь те значения, которые проявляются в контекстах романа.

Рисунок М.Ю. Лермонтова, 1840 г.

Понимая, что подбор иллюстраций в идеале должен быть максимально полным, мы, тем не менее, по техническим причинам, вынуждены сократить, за отдельными исключениями, приводимые контексты до 2–7 на каждое значение многозначного слова. Все остальные примеры приводятся в зоне шифров после слов, набранных курсивом полужирным шрифтом: **а также**: далее дается название каждой повести и перечисление всех страниц, на которых употреблена конкретная лексема.

Приводимые в Словаре иллюстрации, как правило, представляют собой часть предложения, достаточную для понимания смысла, в первую очередь, заголовочного слова (многие предложения в романе состоят из нескольких десятков слов). Сокращаемая часть текста заменяется многоточием в ломаных скобках.

II. Вторая часть Словаря — Приложения —

представляется нам принципиально важной и абсолютно необходимой для авторского словаря. Это четыре вспомогательных указателя-словника, формирование которых определяется целевой установкой и типологическими характеристиками Словаря. Словники содержат перечень лексем из основного корпуса Словаря, упорядоченных по определенным критериям.

1. Алфавитный словарь включает все представленные в основном корпусе Словаря слова и словосочетания, встречающиеся в романе, с указанием частеречной принадлежности и частотности лексем. Этот словарь позволяет, без обращения к Словарю, установить наличие/отсутствие словарной статьи на конкретную лексему, ее частеречную и частотную характеристику. Алфавитный словарь дает возможность, без лишней траты времени, подобрать слова любых лексико-семантических или тематических групп, слова с общими грамматическими и стилистическими признаками и т.д. для их дальнейшего описания.

2. Частотный словарь — это перечень всех лексем, расположенных не в алфавитном порядке, а по степени убывания частоты использования — от максимально частотных лексем — местоимения **я** (1765), союза **и-1** (1298) до однократно использованных 2995 лексем. Лексем с одинаковой частотностью располагаются в алфавитном порядке. Этот словарь позволяет установить частотную характеристику слов одной части речи; выделить наиболее/наименее частотные лексем в романе, группировать и анализировать их по конкретным критериям. С помощью частотного словаря можно будет сравнивать (когда появятся аналогичные словари языка других авторов) частотность конкретных лексем, встречающихся в романе Лермонтова, с аналогичными лексемами у других писателей.

3. В словнике частеречной принадлежности лексем выделены **подгруппы** существительных (нарицательных и собственных), прилагательных; числительных; местоимений; глаголов; причастий; деепричастий; наречий; предлогов; союзов; частиц; междометий; вводных слов, словосочетаний. Для подгрупп знаменательных частей речи отмечены грамматические признаки лексем.

4. Словник стилистически и грамматически маркированных единиц — это расположенные в алфавитном порядке лексем, имеющие грамматическую (собр., безл. и др.) или стилистическую (устар., разг., прост., обл. и др.) маркированность. Каждая лексема имеет соответствующую характеристику. При минимальной затрате усилий и времени словарь позволит выделить все лексем, имеющие одну из указанных помет. При каждой помете отмечается ее частотность применительно к конкретной языковой единице.

«Словарь языка «Героя нашего времени» — это не только первый опыт полного лексикографического описания языка лучшего прозаического произведения М.Ю. Лермонтова, но и научный справочник (особенно в области стилистически маркированной лексики),

необходимый как специалисту-филологу, так и любому человеку, любящему русскую литературу. Хочется надеяться, что Словарь станет источником углубленного исследования языка одного из лучших русских классических романов.

Библиографический список

1. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. Проза. Письма; под общ. ред. И.Л. Андронникова, Д.Д. Благого, Ю.Г. Оксмана; Подготовка текста и примечания В.А. Мануйлова. М.: Художественная литература. 1958, с. 7–158.
2. Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия; гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия. 1981, с. 719–774.
3. Словарь современного русского литературного языка в 17 т. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1950–1965.
4. Словарь русского языка в 4 т. / Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Русский язык, 1981–1984; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992; Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996.
5. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография. Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.
6. Шипулина Г.И. Частотно-семантический конкорданс служебных слов в поэзии Сергея Есенина. Вып. 1. Предлоги. 2012. 184 с.; Вып. 2. Союзы. Частицы. 2012. 288 с.; Словарь языка Есенина. Имя существительное. 2013, 588 с.; Глагол. 2013, 464 с.; Прилагательное. Числительное. Местоимение. Наречие. 2013, 556 с.; Словарь языка Есенина. Художественная проза. В 2-х т. Т. 1-й. А–О. 572 с.; Т. 2-й. П–Я. 516 с. / Научн. ред.: доктор филол. наук, ведущ. научн. сотр. Института русск. языка им. В.В. Виноградова РАН Л.Л. Шестакова. Баку: Мутарджим, 2015.
7. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. с. 265–303.

Bases of preparation of the “Dictionary of Language of «Hero of Our Time»”

Key words: author lexicography, thesaurus, dictionary entry, frequency, header unit, alphabetical and frequency word-lists, part-of-speech affiliation vocabularies, stylistic and grammatical marking units.

КАЗАЧУК ИРИНА ГЕОРГИЕВНА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

САХАУТДИНОВА РУФИНА НУРГАЛЕЕВНА

студент филологического факультета Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НОМИНИРУЮЩИХ МУЖЧИН В РУССКИХ СКАЗКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-семантические группы существительных, выражающих номинацию мужчины в структуре фольклорного текста сказочного характера.

Ключевые слова: номинация, лексико-семантическая группа, имена собственные, нарицательные существительные, сказка.

В современной отечественной лингвистике активно изучаются единицы языка, обозначающие человека по различным параметрам. Данная статья содержит лишь некоторые результаты студенческого исследования, посвященного анализу номинации мужчины в структуре фольклорного текста сказочного характера.

Для номинации мужчин в сказках употребляются имена собственные (антропонимы) и нарицательные существительные.

Группа антропонимов, по данным нашей картотеки, представлена 40 процентами: *Иван, Наум, Терешечка, Филюшка, Егорушко, Емельян, Фролка, Василий, Сенька, Козьма* и др. Достаточно редко мужские имена сопровождаются отчествами и фамилиями: *Иван Быкович, Бухтан Бухтанович, Козьма Скоробогатый* и др. Такие сочетания нетипичны для сказки как жанра устного народного творчества.

Паляница удаляя, И.Е. Репин, 1901 г.

Особенностью антропонимов в волшебных сказках, по мнению О.Г. Горбачевой, «является их обобщающий характер, проявляющийся в том, что имя собственное обозначает тип героя, а не индивида» [1, с. 21].

Активно используются номинации, указывающие на физические свойства, качества характера, склада ума, происхождение героев-мужчин. Это прозвища и прозвища-приложения типа: *Заморышек*, *Буря-богатырь*, *Иван Девкин сын*, *Иван Коровий сын*, *Емеля-дурак*, *Иван-дурак*, *Ивашко Медведко*.

Более продуктивными в качестве наименований лиц мужского пола оказались нарицательные существительные. Они представлены несколькими **лексико-семантическими группами**.

1. Наименования лиц мужского пола по признаку родства: *отец*, *сын*, *брат*, *муж*, *дедушка* (лексемы приведены в порядке убывания количества употреблений). Единичны такие термины родства, как *племянник*, *зять*.

2. Наименования лиц мужского пола по возрастному признаку: *старик*, *старичок*, *мужик (возраста средних лет)*, *дед (старый человек)* *парень*, *мальчик*.

3. Наименования лиц мужского пола по социальному признаку: *царь*, *боярин*, *воевода*, *крестьянин*, *староста*, *бурмистр* и др.

4. Наименования лиц мужского пола по роду занятий: *кузнец*, *конюх*, *башмачник*, *чеботарь*, *повар*, *караульщик*, *охотник* и др.

5. Наименования мифологических существ мужского пола: *леший* (лесной дух), *водяной* (демон в образе старика, обитающий в омутах, колодцах и других водоемах), *идолище* (чудовище, внешне похожее на человека), *Морозко* (персонаж, олицетворяющий зимнюю стужу), *Вертогор*, *Вертодуб* (великаны народных сказок, «не духи-покровители соответствующих объектов (гора, дуб, река), а нарушители их естественных функций: они срывают горы, вырывают дубы, запирают течение рек» [3]), *Обжора*, *Студенец*, *Колдун* (старички-помощники Ивана-царевича, обладающие волшебной силой).

Большая часть единиц, используемых для обозначения мужчин, характеризуется особой семантикой: денотативный компонент значения осложняется коннотативным или характеризующим, формируя определенный оценочный потенциал лексики русских сказок.

Библиографический список

1. Горбачева О.Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел, 2008. 24 с.
2. Калугина Е.Н. Метафорические наименования мужчины и женщины в субстандарте русского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. N 54. 2008. С. 85–86.
3. Великан-Вертогор [Электронный ресурс]. URL: <http://imennik.narod.ru/Velikan-Vertogor.html> (дата обращения: 23.01.2016).

Lexical-semantic groups of nouns naming men in Russian tales

Key words: nomination, lexical-semantic group, proper noun, common noun, tale.

КАЗАЧУК ИРИНА ГЕОРГИЕВНА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ТУБОЛЬЦЕВА НАДЕЖДА ОЛЕГОВНА

студент факультета заочного обучения и ДОТ Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЗАГАДКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются прилагательные как организующий центр такого жанра, как загадка, их семантика, формы, функции; определяется роль этой части речи в формировании адъективной метафоры, эпитетов, характерных для произведений устного народного творчества.

Ключевые слова: прилагательное, жанр, загадка, метафора, эпитет.

Загадка является одним из любимейших фольклорных жанров русского народа. В основе загадок лежит сопоставление различных предметов по их отдельным признакам, свойствам, качествам. В этой связи можно говорить об особой, жанрообразующей, функции имени прилагательного как части речи с категориальным значением призначности в произведениях названного жанра.

С помощью прилагательных обозначаются, называются признаки загадываемого предмета (лица, явления), по которым можно отличить его от других, узнать, угадать: **Бела, как снег, зелена, как лук, вертка, как бес, и любит лес; Молод конь за морем бывал, спинка соболина, брюшко беленько; Пойду в баню черным, из бани выйду красным; Тонок, долог, голенаст, а в траве не видать; Сама пестрая, ест зеленое, дает белое и др.**

Имена прилагательные являются семантическим центром загадок такого типа, называемого нами именным, в отличие от загадок глагольного типа, в которых та же роль принадлежит глаголам: *Не лает, не кусает, а в дом не пускает. Один льет, другой пьет, третий зеленеет да растет и под.* [2, с. 144].

В текстах загадок функционируют прилагательные всех семантико-грамматических разрядов, но **самыми продуктивными являются качественные (65%), относительные и притяжательные** составляют соответственно 25% и 10%. Спектр значений качественных прилагательных в загадках очень широк. Они обозначают:

а) качество предметов, воспринимаемое органами чувств — *голос звонок, пушистая вата, сладкий белок* (подгруппу составляют прилагательные со значением цвета — *белая корова, черная собачка, синее небо*); б) физические качества живых существ — *отец горбат, мать толста*; в) свойства характера, умственного склада, поведения — *умные мужики, барашки бодливые*; г) оценку — *драгоценный перстенок*; д) свойства пространства — *высокие горы, тесные горенки* и т.д.

Качественные имена прилагательные используются в разных грамматических формах: полных и кратких, в формах разных степеней сравнения: *Красна, сочна, душиста, Растет низко, к земле близко; Низок, да колюч, Сладок, не пахуч, Ягоды сорвешь – всю руку обдерешь; У кого из зверей хвост пушистей и длинней? На земле он всех сильнее, Потому что всех умней.*

Встречаются в загадках окказиональные формы относительных и притяжательных прилагательных, их употребление, на наш взгляд, связано с особенностями ритмического построения загадок. *Крылья орловы, хобота слоновы, груди конинные, ноги львиные, голос медный, носы железны; мы их бить, а они нашу кровь лить. Золот хозяин — на поле, серебрян хозяин — с поля.*

Среди относительных прилагательных наиболее представленной оказалась группа со значением отношения к материалу, из которого изготовлен предмет: *каменный, хрустальный, стальной, железный, дубовый и др.: Коса костяная, пожня деревянная; Поля стеклянные, межи деревянные; Мальчик крошка в костяной одежке.*

Притяжательные прилагательные в основном обозначают индивидуальную принадлежность и производны от существительных, называющих термины родства: *отцов, батюшкин, матушкин, бабушкин, братьев, братнин: Матушкиной коробьи не подынешь, братова кушака не скатаешь, батюшкина коня не изловишь. Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка.* Малопродуктивны прилагательные, обозначающие групповую принадлежность с оттенком свойства, типичности (в нашем материале такие примеры единичны: *человеческая кровь, человечья кровь, ноги львиные*): *Летит птица не крылата, не перната; носик долгий, голос тонкий; кто ее убьет, тот человечью кровь прольет.*

Метафоричность — специфическая черта загадки как особого жанра. Метафора усиливает тот или иной признак, делает его более значительным, выпуклым. Яркая образность создается метафорическим сопоставлением признаков предметов и признаков живых существ и наоборот: *Горшочек умен, семь дырочек в нем; Конь стальной, хвост льняной.* В загадках используются постоянные эпитеты, характерные для произведений устного народного творчества: *чистое поле, красная девица, добрый молодец* и другие: *Свет-цветочек в сыру землю зашел, синю шапочку нашел. Красна девица сидит в темнице, а коса на улице.*

В определении, данном загадке поэтическим словарем, отмечается, что «загадка является своеобразной формой остроты и строится обычно на принципе замедленной метафоры (вернее — симфоры), каламбурного

алогизма и затрудненного параллелизма» [3, с. 110]. В процессе отгадывания «бессмыслица исчезает, а предмет раскрывается в его сущности» [4, с. 155]. Поскольку загадка не предполагает буквального понимания ее содержания, то сочетание прилагательного и определяемого существительного зачастую представляется алогичным: *деревянная река, бескрылая птица, шерстяная поляна: Деревянная река, деревянный катерок, а над катерком струится деревянный дымок; На поляне шерстяной пляшет тонконожка, из-под туфельки стальной выползает стежка.*

По мнению К.А. Жукова, «конкретные жизненные реалии в загадке приобретают поэтическую форму, минуя стадию отражения реальности в формах правдоподобия» [1, с. 61].

Таким образом, прилагательные в загадках выполняют особую функцию. Они зримо и детально рисуют явления и предметы окружающей природы — от Вселенной до деревенской околицы, изображают быт человека, поэтизируя будничное, повседневное, создают русскую национальную картину мира. Прилагательные делают язык загадок емким, образным, позволяют загадать, «спрятать» предмет и в то же время найти правильный ответ, указывая на характерные для загадываемого явления или предмета признаки. Прилагательные организуют загадку как произведение такого жанра, который играет большую роль в познании и осмыслении окружающего мира.

Библиографический список

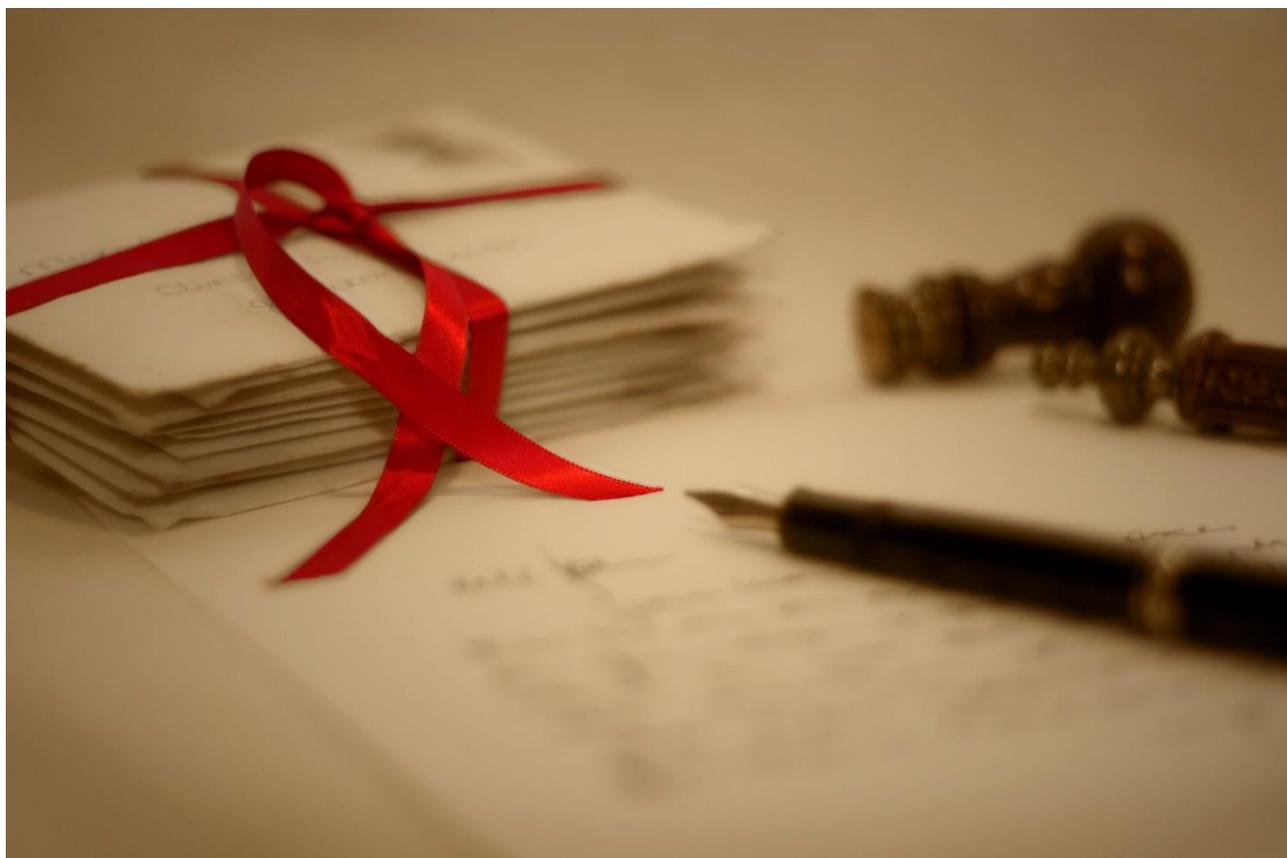
1. Жуков К.А. Языковая картина мира современной русской загадки: брэнное и вечное // Вестник Новгородского государственного университета, 2009. N 52. С. 60-63.
2. Казачук И.Г. Имена прилагательные в русских загадках // Динамика фольклорной традиции на современном Урале: Материалы межвузовской научной конференции преподавателей и студентов. Челябинск, 2000. С.143-145.
3. Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966.
4. Рыбникова М.А. Введение в стилистику. М., 1937.

Genre-forming function of adjectives in riddles

Key words: adjective, genre, riddle, metaphor, epithet.

ЩЕРБАХО НАДЕЖДА ВАЛЕРЬЕВНА

аспирант Челябинского государственного педагогического университета, г. Еманжелинск, Россия

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО САМОПРЕЗЕНТАЦИИ
В ПИСЬМАХ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Аннотация. В статье рассматривается темпоральность как категория текста и средство самопрезентации, проводится анализ писем русского императора XIX века Александра II Романова, устанавливается, какие лексические и грамматические средства выражения темпоральности в письмах преобладают и какие из них влияют на создание образа языковой личности императора.

Ключевые слова: темпоральность, самопрезентация, лексические и грамматические средства.

Категория текстового времени (темпоральность) — это текстовая категория, «с помощью которой содержание текста соотносится с осью времени: реальной исторической перспективой действительности или ее преломлением» [2, с. 536]. Это семантическая категория, которая отражает восприятие человеком времени по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета. Вместе с тем темпоральность — это еще и функционально-семантическое поле, охватывающее грамматические, лексические средства того или иного

языка. В основном темпоральность выражается в глагольных формах времени и синтаксических конструкциях, обладающих определенным временным значением. Но помимо них темпоральность представлена и в соотношениях лексических средств, средств выражения семантики времени. Любое высказывание — письменное или устное — имеет какую-то цель. Предметом нашего рассмотрения является языковая личность, неотъемлемым элементом высказывания которой является самопрезентация.

Большинство из сохранившихся писем Александра II относятся к 1833 г. — времени, когда он еще был цесаревичем и писал своему воспитателю К.К. Мердеру. Также в журнале «Русская старина» есть записка императора Александра от 1860 г., а в журнале «Русская правда» — письмо Александра II к князю Черногорскому Николаю I от 1871 г.

Временные пометы о времени создания писем у Александра II единообразно располагаются перед началом письма и строятся по одной модели («число-го месяц год г.»): «2-го июня 1833 г.» [3, с. 359], но так как на момент написания цесаревичу было всего 15 лет, то это скорее не показатель особенностей характера, а следование правилам и нормам, установленным для писем того периода времени.

Лексические средства чаще всего выражаются лексемами со значением дня недели: «Мы **пріѣхали сюда во вторникъ**» [3, с. 359] «Папа и мама возвратились къ намъ **въ среду**» [там же]. Так же, как обычно, основную роль берут на себя наречия: «**Теперь** мы **снова** всѣ вмѣстѣ», «**Скоро** у насъ начнутся **вакаціи** и **тогда** придуть кадеты» [там же], «Триніеуса урокъ былъ **сегодня** въ послѣдній разъ» [3, с. 360]. Даты указываются или в форме числа, или года: «**22-го числа** кадеты должны вступить въ петергофскій лагерь» [3, с. 361]; «благодаря дѣльнымъ распоряженіямъ кн. Барятинскаго, въ особенности **въ 1859 году**» [1, с. 284]. Иногда числовое обозначение года заменяется на прилагательное: «Желаю также, чтобы въ **нынѣшнемъ** же **году** было уменьшено» [1, с. 285]; «въ петергофскій лагерь, который **нынѣшній годъ** будетъ гораздо суше» [3, с. 361].

Такое разнообразие лексических маркеров времени для небольшого количества писем могут объясняться приближенной к дневниковой форме повествования, стремления молодого воспитанника как можно подробнее рассказать обо всех событиях с разных сторон.

В письмах Александра II встречаются разные формы глагола, являющиеся грамматическими выразителями темпоральности: глаголы в прошедшем времени (49 %): «Мы **пріѣхали** сюда **во вторникъ**» [3, с. 359]; «Я не **щадилъ** ни расходов, ни средствъ къ усиленію тамошнихъ войскъ» [1, с. 283-284]; глаголы в форме настоящего времени (23 %): «мы довольно пѣшкомъ **гуляемъ**» [3, с. 360]; «у насъ уроки **кончаются**» [3, с. 361]; глаголы в форме будущего времени (12 %): «еще больше **надѣюсь**, что скоро мы снова **увидимся** и **будем** попрежнему **жить**» [3, с. 360]; «21-го числа мы **поѣдемъ** въ Царское село» [3, с. 361]; глаголы в инфинитиве (16 %): «вот почему я согласенъ **оставить** на 1860 годъ» [1, с. 284]; «съ свѣтлымъ и государственнымъ умомъ его онъ не будетъ **терять** изъ виду» [1, с. 285].

У цесаревича Александра главную роль играют глаголы прошедшего времени: его задача не отдать приказ или разрешить какую-то ситуацию, а вспомнить, что с ним и окружающими его людьми происходило в последнее время. Формы будущего времени представлены глаголами со значением желательности, выражающие мечты и желания цесаревича.

Разница между письмами цесаревича Александра и императора Александра II, разделенными отрезком почти в тридцать лет, разительна. Если в письмах к воспитателю Александр представляется восторженным, немного наивным и искренним молодым человеком, то в записке о постепенном уменьшении войск Кавказской армии 1860 года Александр II — это сильный правитель: «Но вмѣстѣ съ тѣмъ **Я желаю и требую**, чтобы кн. Барятинскій не терялъ изъ вида», «**Я желаю**, чтобы сему было положено хотя начало въ **нынѣшнемъ** году» [1, с. 284]. Не используя глаголы в повелительном наклонении, император строит свою речь так, что она звучит как приказ. Время диктумное, обладает реальной протяженностью, ситуативно актуализировано. Позиции от исходной точки можно фиксировать

различные. Самыми распространенными являются временные позиции «я — тогда» и «я — сейчас», что подтверждают видовременные формы глагола, но есть и позиции «он, она, они — тогда»: **«Папа и мама возвратились к намъ въ среду»** [З, с. 359] и «он, она, они — сейчас»: **«Папа желаетъ, чтобы я больше занимался»** [там же]. Разнообразие расположения высказываний на темпоральной оси позволяют говорить о

многомерности высказывания, о темпоральной ориентации, определенно-фиксированной, но в большей степени отдаленной от момента речи. Темпоральность в письмах Александра II презентует его как либерального политика, что особенно подчеркивает отсутствие глаголов в форме повелительного наклонения как в письмах еще молодого цесаревича, так и уже зрелого императора Александра II.

Библиографический список

1. Записка императора Александра II о Кавказъ // Русская старина. Т. 036. СПб., 1882. Вып. 11. С. 283-285.
2. Матвеева Т.В. Текстовое время // Стилистический энциклопедический словарь русского языка; под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 536–539.
3. Цесаревич Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ его воспитателю К.К. Мердери // Русская старина. Т. 050-051. СПб., 1886. Вып. 5. С. 359-370.

Temporality as a means of self-presentation in the letters of Emperor Alexander II

Key words: temporality, self-presentation, lexical and grammatical means.

СУХОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

аспирант Челябинского государственного педагогического университета, учитель русского языка и литературы МКОУ «ООШ №5», г. Миасс, Россия

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТРАЕКТОРИИ ДВИЖЕНИЯ ЛЕКСИКИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСА ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИЧИН, ВЕДУЩИХ К СВЯЗАННОСТИ КОРНЯ

Аннотация. В статье реконструируются модели траекторий движения лексики с будущим связанным корнем на основе системно-диахронического подхода к изучению этимологического гнезда (ЭГ). Исследование выполнено на материале ранее изученных автором радикасоидов, а также с привлечением данных толковых словарей русского языка. В результате выстроено пять моделей траекторий, пройдя которые, корневые морфемы некоторых единиц ЭГ стали двусторонне связанными.

Ключевые слова: радикасоид, связанный корень, траектория движения лексики, этимологическое гнездо, префиксальная деривация, архаизация, деэтимологизация.

Принимая во внимание классификацию радикасоидов, обоснованную И.Д. Михайловой [2], отметим, что нас интересуют слова с двусторонне связанными корнями. Рассуждая о причинах связанности таких корней, данный исследователь ограничивается, отчасти оправданно, замечанием по поводу выхода «из употребления непроизводного глагола со свободным корнем» [2, с. 23]. При диахроническом подходе к решению подобной проблемы открываются более глубокие комплексы причин, ведущих к связанности. Изучение и реконструкция исторических корневых гнезд с учетом всех испытываемых словом фонетических процессов, зачастую ведущих к деэтимологизации, отслеживание семантических сдвигов, фактов опрощения и архаизации позволяет выстроить модели траекторий, по которым проходят единицы с будущим несвободным корнем.

Иллюстрация из букваря Кариона Истомина, XVII в.

Рассматривая в предыдущих статьях историю возникновения связанности на примере конкретных корней, мы обнаружили некоторые общие тенденции в развитии подобных групп лексики. **Цель данной статьи** — суммировать наблюдения на основе выстраивания траекторий движения единиц ЭГ, выявив ключевые звенья цепи исторических изменений, влияющих на появление радикасоидов.

1. Монофтонгизация дифтонгических сочетаний — семантический сдвиг — развитие префиксальной деривации (с широким спектром приставок) — оттягивание значений с производящего на префиксальные дериваты — *архаизация производящего* (при сохранении корня в беспрефиксном виде) — развитие абстрактного значения некоторыми дериватами — *деэтимологизация* — формирование СГ со связанным корнем.

Эта траектория иллюстрируется историей ЭГ *im. Как только язык утратил глаголы *имать – ять*, их производные с ясным пространственным значением (*принять, отнять, занять, снять, поднять*) распались на самостоятельные СГ при сохранении членимости основы, тогда как дериваты, утратившие пространственное значение и приобретшие абстрактное (*понять — внять*), пережили опрощение и деэтимологизацию. Глаголы *взять, взимать*, сформировав иную лексико-семантическую зону, подверглись тем же процессам [5]. Современный язык все же знает беспрефиксное однокоренное слово *иметь*, стоящее с интересующим нас производящим *имать* на одной ступени деривации, но данные лексемы семантически отторглись друг от друга еще в раннюю эпоху, видимо, в силу резкого различия характера действия: глагол *имать* — «брать» обозначал процесс, именно поэтому он породил вокруг себя мощное словообразование, тогда как глагол *иметь* — «обладать» — состояние.

2. Монофтонгизация дифтонгов — семантический сдвиг — развитие префиксальной деривации (с широким спектром приставок) — оттягивание значений с производящего на префиксальные дериваты — *архаизация производящего* (утрата срединного звена СЦ при сохранении корня в беспрефиксном виде) — *деэтимологизация* — формирование СГ со связанным корнем.

Отметим, что архаизация исходного производящего не является необходимым условием развития связанности: при наличии семантической дивергенции и деэтимологизации это производящее может в языке сохраняться, но при этом уже не коррелировать по семантике со своими этимологическими производными. Такова история ЭГ с связанным корнем *bav: в языке продолжает существовать этимологически однокоренное слово *быть* со свободным корнем, семантически оттолкнулись от него глаголы *добавить, отбавить, надбавить, убавить, подбавить*, не теряя между собой соотношения по семантике, они сформировали СГ со связанными корнями; в то время как *забавить* и *избавить*, потеряв такое соотношение, пережили опрощение [8]. Глаголы *привыкать, навывкать, отвыкать, свывкаться, обывкаться*, тоже пережили деэтимологизацию при сохранении в языке исторически однокоренного слова с свободным корнем — *учить*. В слове *обычай* произошло опрощение [5].

Как видим из вышеизложенного, беспрефиксное исторически однокоренное слово может продолжать функционировать в языке (*быть, учить*), но непосредственные производящие при этом утрачены: в языке нет слов *бавить и *выкаты. Таким образом, в данном случае утраченные глаголы — срединные звенья распавшихся СЦ: *быть – *бавить – прибавить, ук – учить / *выкаты – выучить / привыкать*. Именно их выпадение окончательно разрушает как СЦ, так и ЭГ в целом.

3. Монофтонгизация дифтонгов — развитие префиксальной деривации (с ограниченным спектром приставок) — спецификация значения — *деэтимологизация* — формирование СГ со связанным корнем.

Эта траектория пройдена глаголами *надеть, одеть, раздеть*, которые потеряли связь с лексемой *деть*, сформировав новую лексико-семантическую зону «облекать кого-л., что-л. чем-л.», испытали

дивергенцию «значений исторического корневого гнезда за счет спецификации действия» [7, с. 138]. Глаголы *задевать*, *издеваться* пережили опрощение и деэтимологизацию [5].

4. Спецификация значения (?) — утрата производящего (?) — монофтонгизация дифтонгов — развитие префиксальной деривации (с ограниченным спектром приставок) — формирование СГ со связанным корнем.

Корень *u, иллюстрирующий такую траекторию, пришел в русский язык уже связанным, предполагаемое производящее *uti словарями не зафиксировано, семантизировать корневую морфему данного глагола можно только исходя из его современного значения, такая реконструкция может быть верной, если предположить изначальную его специфичность. Ставя вопросительный знак после некоторых звеньев траектории, мы имеем в виду возможную взаимозаменяемость их расположения. Итак, корни слов *обуть*, *разуть* требуют глубоких этимологических изысканий.

Рассмотрим историю формирования связанности ранее не изученного нами ЭГ с корнем *verg, пополнив еще одним примером построенные траектории.

5. Развитие префиксальной деривации (с широким спектром приставок) — оттягивание значений с производящего на префиксальные дериваты — *архаизация производящего* — развитие абстрактного значения некоторыми дериватами — деэтимологизация — формирование СГ со связанным корнем.

Корень *verg знал свободное функционирование в древнерусском языке: слово *вергнути* в XI–XVIII вв. употреблялось в одном прямом значении «бросить, кинуть»: «Река Иорданская глубока... а ширина ей дважды каменем *вергнути*» [3, вып. 2, с. 83], соотносясь по нему со своей будущей видовой парой

вергати, но при этом имело и одно переносное — «сложить, возложить»: «Страх смърти и страх стрсти и лукавых зврети и прочаа сим под<о>бна... занеж <е> не увддн врьгнути печаль своя на ба» [3, вып. 2, с. 83]. Все производные в данный период коррелировали по значению с производящим и имели преимущественно конкретное значение. К XVIII в. беспрефиксный глагол устарел [4], к XIX в. отошли в диалект формы типа *соврещи*, *поврещи*, *отврещи*, архаизировались дериваты с приставками *на-*, *раз-* [1]. К XX в. единицы ЭГ стали приобретать абстрактное значение [6], зародившееся еще в XVIII в. В результате в глаголах *изверг-ать*, *низверг-ать*, *нис-проверг-ать*, *подверг-ать*, *сверг-ать*, *опроверг-ать*, в существительных *изверг*, *приверженец*, а также в их производных прошли процессы опрощения. Таким образом, связанный корень наблюдается только в словах *вергать*, *отвергать*, *повергать*, префиксы которых сохранили прямое пространственное значение [5].

Итак, выявлению комплекса исторических причин, ведущих к связанности корня способствует системно-диахронический подход к изучению ЭГ, при этом кульминацией распада ЭГ во всех рассмотренных нами случаях является либо архаизация непосредственного производящего, либо утрата семантических связей с ним, подготовленная целым рядом сопутствующих процессов: фонетическими словообразовательными, семантическими и морфологическими изменениями. В связи с этим вопрос о причинах возникновения радикалоидов не может решаться только проверкой наличия / отсутствия в современном языке непроизводного глагола со свободным корнем: он требует глубокого всестороннего диахронического подхода, так как утрата языком непосредственного производящего — всего лишь звено в непрерывной цепи исторических изменений, пусть и кульминационное.

Библиографический список

1. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Цитадель, 1998.
2. Михайлова И.Д. Радиксоид как вершина словообразовательного гнезда // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование», 2014. N 1(12). С. 22-28.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975.
4. Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука, 1984.
5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь: в 2-х т. М.: Русский язык, 1990.
6. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
7. Сухова Е.А. Исторические причины связанности в современном русском языке корня *de // Язык как система и деятельность – 5. Материалы Междунар. науч. конф.; Южный федеральный университет; под общ. ред. Л.Б. Савенковой, Е.Я. Кедровой. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2015. С. 137-138.
8. Сухова Е.А. Семантическая дивергенция как причина деэтимологизации префиксальных дериватов с радикалоидным корнем *bav // Наука XXI века: проблемы, поиски, решения: материалы XXXIX науч.-практич. конф. с междунар. участием, посв. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (Миасс, 24 апреля 2015 г.); под ред. А.Г. Бент; Миасский филиал ФГБОУ ВПО «ЧелГУ». Миасс: Геотур, 2015. С. 295–298.

Recovery of the trajectory of the lexicon etymological family of words movement as a way to identify historical reasons, leading to the radix boundness

Key words: bound radix, trajectory of the lexicon movement, etymological family of words, prefix derivation, archaisation, deetimologization.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: ДИНАМИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

ПОМЫКАЛОВА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный педагогический университет, г. Челябинск, Россия

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК В ТЕКСТАХ ПО ИСКУССТВУ (МАТЕРИАЛЫ ПО ЖИВОПИСИ): СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ

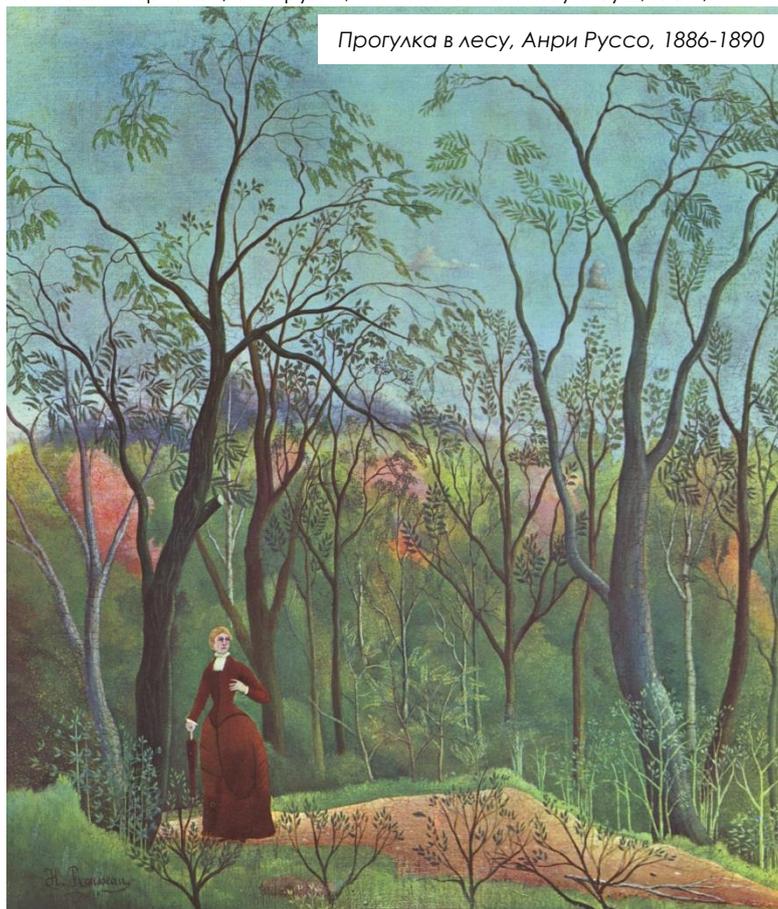
Аннотация. В статье рассматривается фразеологический признак, его функции в тексте и знаковую сущность, особенно в текстах по искусству. Приводится анализ отдельных специфических черт семантики для материалов по живописи.

Ключевые слова: семантика, фразеологизм, оценочность.

Фразеологизмы признака, составляющие знаковую сущность класса фразеологического признака, классифицируются в языковой системе как единицы, которые номинируют главнейшую характеристику предметности — характеристику различения. Дифференцирующая семантика фразеологизмов признака русского языка оказывается семантикой глубочайшего содержания и выразительной оценочности, обусловленной, разумеется, текстовым жанром и видением языковой личности, связанным с различными субъективными факторами.

Тексты по искусству как жанр языковой текстологии оказываются, несомненно, текстовым феноменом, поскольку в них реализуется когезия времени, художественной выразительности и изобразительности, основанной на восприятии живописи адресантом и адресатом, составляющими коммуникативную ситуацию через письменную речь.

В пространстве текстов по искусству всегда выявляется расширенный индекс

Прогулка в лесу, Анри Руссо, 1886-1890

фразеологизмов признака, способных манифестировать различительную атрибуцию лица и предмета как на живописных полотнах, так и в представлениях самого художника и его времени. Фразеологический признак в искусствоведческих текстах семантически и эстетически иллюстрирует главенствующую роль человека во всех аспектах, поскольку «весь видимый мир сосредоточивается вокруг него (человека — Т.П.), как около центра, и только по отношению к нему и имеет интерес: почему изображение мира

неодушевленного без одушевленного мертво, а без человека не имеет смысла;

и наоборот, животные и человек существуют не в торричеллиевой или философской пустоте, а в мире действительном, осязаемом, следовательно, изображения их без обстановки предметов этого мира будут чем-то фантастическим» [Заряно С.К. Цит. по 5, с. 16].

Признаковые фразеологические единицы искусства, по материалу картотеки, прежде всего, номинируют обобщенное значение «**неизвестный/известный**» в содержательном объеме (**первая группа**), которое дополняется самыми разнообразными дополнительными смыслами, реализующимися в конкретных текстовых фрагментах: это ядро и периферия смыслов и архитектонируют в целом семантику «фразеологизма признака искусства». Указанное значение фразеологизмов признака способно характеризовать как человека, так и предмет. Дифференцирующая номинация по ядерному значению «неизвестный/известный», соотносимая с именами, обозначающими предмет по разным семантическим атрибуциям, представлена в исследуемых текстах единицами — *неведомый (-ая; -ые; неведом, -а; -ы) человеку (человеку неведомый, -ая; -ые; неведом, -а; -ы); известно(очень) мало (очень) мало известно); (действительно, реально) говорящий (-ая; -ие) (говорящий, -ая; -ие действительно, реально); известный (-ая; -ые, известен, -а; -ы) (только)по упоминаниям (только)по упоминаниям) известный (-ая; -ые, известен, -а; -ы); хорошо известный _ая; -ые) (известный, _ая; -ые хорошо) — Источники красоты, включая красоту земного мира, **неведом человеку, земная жизнь которого — это паломничество к Вечности. Зритель, «путешествуя» взглядом по пейзажу, ищет путь Веры — такие намеки присутствуют даже в картинах с мифологическими мотивами** [3, с. 11]. (Источники красоты) **неведом человеку — фразеологизм***

признака в приведенном искусствоведческом тексте манифестирует характеристику словосочетания **источник красоты** и выражает содержание «абсолютно неизвестный (ядерное значение) + непознаваемый и непознанный (индивидуальный смысл) + сакральный (индивидуальный смысл)».

Содержательные смыслы выявляются и обусловлены семантикой определяемого словосочетания и всего текста, весь семантический объем представляемого фразеологизма признака квалифицируется как содержание **абсолютной** и **категоричной** оценки.

Значение «неизвестный/известный» реализуется в анализируемых текстовых представлениях и через содержательное ядро, номинирующее **какую-либо степень** признака «неизвестный/известный». В этом случае семантика фразеологизма признака интерпретируется как содержание **среднее** между характеристиками «неизвестный» и «известный». Такой семантический объем, по наблюдению, актуализирует фразеологизм признака структуры безличного предложения *известно (очень) мало (очень) мало (известно) — Судьба отмерила Брейгелю всего лишь семнадцать лет творчества, из них картины он писал лишь в последние десять лет жизни, о которой известно до обидного мало. Документальных свидетельств о судьбе художника только три... [3, с. 12]. Известно мало — «практически ничего не обнаружено («слабая» отрицательная семантика) или практически обнаружены лишь некоторые детали («слабая» положительная семантика) + скрыто временем (индивидуальный текстовый смысл)». Полная структура анализируемого фразеологизма включает факультативный компонент — бывшее наречие *очень*, иллюстративный искусствоведческий текст позволяет сделать вывод о том, что в состав указанной единицы входит фразеологизм до обидного, заменяющий компонент*

очень и в значительной степени усиливающей значение отрицательной семантики.

Содержание, выражающее одновременно и значение «неизвестный», и значение «известный», то есть среднюю степень «неизвестный/известный», репрезентирует в материале авторской картотеки текстов по искусству фразеологизм признака *не лишенный (-ая; -ые, не лишен, -а; -ы) противоречий (противоречий не лишенный, -ая; -ые, не лишен, -а; -ы)*. Семантика представляемой фразеологической единицы усложняется и дополнительными индивидуальными текстовыми смыслами. Сведения, сообщаемые Собко о молодости Перова, **не лишены противоречий**. Во всяком случае, происхождение Перова — сына барона Г.К. Криденера, человека образованного, любителя музыки и живописи, — наложило печать на юношу, хотя в Москве он и был предоставлен самому себе [5, с. 13]. Не лишены противоречий (сведения) — «известный и одновременно неизвестный (ядерное значение) + не соответствующий известным фактам (индивидуальный смысл) + а потому — сомнительный (индивидуальный смысл)».

Вторую группу фразеологизмов в исследуемых текстах по искусству составили единицы, номинирующие стиль, направление исполнения полотен или их содержания — *(какой-либо школы); (какого-либо) характера; какого-либо типа; в (какой-либо) манере* и некот. др. Запись структурной модели приведенных фразеологических признаков подчеркивает вариативность согласуемого компонента, выражаемого разнообразными атрибутивными лексемами, что рождает разные по семантике признака единицы. Однако картины Джорджоне, несмотря на все эти аналогии, построены в другом ключе. Мы не встречаем в них ни скрытых метафор в виде растений или животных, ни крылатых гениев или амуров, ни

персонифицированных аллегорий Любви, Смерти, Истины, Славы, Времени и так далее, чьи изображения служили как бы эпиграфом к живописному тексту картины и уясняли зрителю тенденцию ее морального и художественного замысла, что так часто можно встретить в картинах мастеров **флорентийской школы XV-XVI вв.**, да и у венецианских художников чинквеченто (Н. Белоусова. Джорджоне (Джорджоне Барбарелли де Кастель-Франко — Т.П.), [1, с. 34]. (Мастера) флорентийской школы — «характеризующийся вниманием к человеку (ядерное значение) + характеризующийся необычной одухотворенностью, лиричностью (индивидуальные смыслы)».

Характеристику отнесенности к определенной манере исполнения живописного полотна в текстах по искусству манифестирует фразеологизм признака *в немецкой манере (модель — в (какой-либо) манере)*. Понтормо украсил двор монастыря фресками с историями Страстей Господних, населив сцены фигурами угловатыми и удлинненными, **в «немецкой манере»**, заимствуя мотивы в гравюрах Дюрера (фрески дошли до наших дней сильно пострадавшими от времени и ненастья)... [6, с. 6]. (Угловатыми фигурами) в «немецкой манере» — «характеризующийся подчеркнутой строгостью (ядерное значение) + единый с Богом + единый с природой (индивидуальные смыслы)». Безусловно, представленная интерпретация названного фразеологизма признака в немецкой манере опирается не только на семантику приведенного текста, в частности, на указание на мотивы Дюрера, но и на затекстовую культурную информацию, которая связана с немецким Возрождением (Ренессансом), характеризуемым уже вниманием к человеку, к идее единения человека с Богом через удаление от мира, размышления о Боге, соблюдения строгости в отшельничестве. Кроме того, немецкое Возрождение («выводит») на

живописные полотна пейзаж, в котором присутствует человек — в целом, природный пейзаж есть символ всего мира, познаваемого человеком.

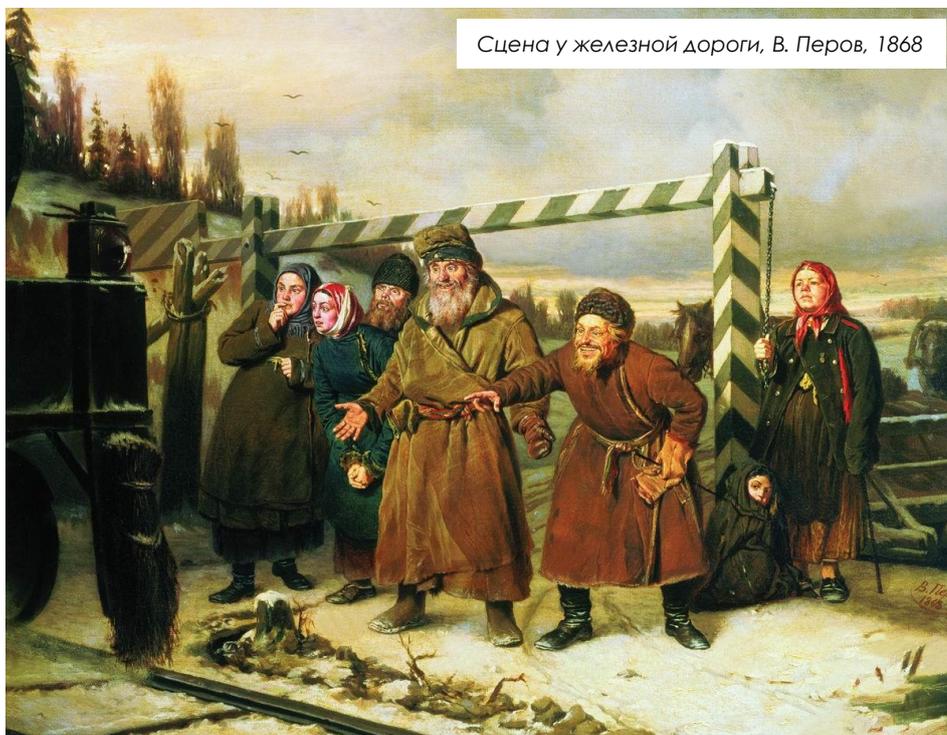
Общий мотив содержания живописного полотна в иллюстративном материале картотеки автора, представляющей фразеологизмы признака в текстах по искусству, номинирует единица модели (преимущественно) (какого-либо) характера — церковного характера. Содержание указанной фразеологической единицы включает ядерное значение, которое квалифицируем как — «посвященный какому-либо церковному сюжету», а также и индивидуальные смыслы —

«связывающий человека с Богом, воспитывающий идеалы православия».

Помимо систематического обучения рисунку и живописи на общей основе принятых в Академии художеств методических установок ученики школы Ступина участвовали в выполнении заказов на живописные работы, преимущественно церковного характера [5, с. 8].

Жанровой характер содержания картины репрезентирует фразеологическая единица признака модели (какого-либо) характера — сатирического характера. Интерпретация семантического объема единицы опирается не только на сочетаемость с определяемым словосочетанием, но и на расширенный текст, на его семантику. Кроме разобранных выше основных работ Перовым был написан во второй половине 60-х годов ряд произведений сатирического характера. Они, однако,

не носили той прямой социальной направленности, которая отличала художника в молодости [5, с. 81]. (Ряд произведений) сатирического характера — «ироничный (ядерное значение) + характеризующийся злой насмешкой над чем- / кем-либо + стремящийся исправить человека через смех (индивидуальные смыслы)». В тексте о живописи В.Г. Перова в данном случае фразеологизм признака употреблен для выражения ироничной оценки нескольких картин и рисунков, в частности, картины «Сцена у железной дороги» (1868 г.), на которой шаржировано изображены крестьяне, рассматривающие паровоз.

Сцена у железной дороги, В. Перов, 1868

Модель (какого-либо) типа, также включающая согласуемый варьирующийся компонент, представлена в исследуемых текстах фразеологизмом признака башенного типа. Единицы этой модели номинируют содержательный стержень «подобный чему-либо», то есть относятся к единицам, представляющим сегмент концептуального поля «Подобие». Эта единица в настоящей статье начинает Третью группу фразеологизмов в анализируемых текстах по искусству. Видимо, этот ранний рисунок объединил

разные натурные наблюдения. Высокие башни церквей — не кампанилы, а западные фасады **башенного типа**, и хотя линия горизонта напоминает окрестности Авиньона, облик города не конкретен — кажется, что в туманной дымке здесь проступает лик самой истории [3, с. 23]. (Западные фасады) **башенного типа** — «похожий на башню, но только похожий (ядерное значение) + напоминающий башню + строгий (индивидуальные смыслы)». Смысл «строгий» выявляется в сравнении с содержанием предшествующего текстового фрагмента — **высокие башни церквей, башни — не кампанилы**, то есть не колокольни.

Фразеологизмом признака, репрезентирующим концепт «Подобие», по анализу, оказался также в избранных текстах фразеологический признаковый знак модели (какого-либо) типа — **шатрового типа**. Эмоциональная семантика текста привносит и в содержание названного фразеологизма элемент эмоциональной оценки. Например, ...особенно ценен эскиз «Внутренность балагана во время представления» (1863). Под куполом цирка происходит представление. Публика расположилась кольцом на скамьях и просто на земле. Почти все взоры обращены на фигурку мальчика, качающегося на трапедии. Эскиз написан в поисках цветового решения композиции. Перову удалось передать ту теплую атмосферу, которая наполняет помещение **шатрового типа**, когда дневной свет проникает сквозь плотную ткань [5, с. 41]. (Помещение) **шатрового типа** — «похожий на шатер, но только похожий (ядерное значение) + используемый для разных целей, часто — в качестве цирковой арены + привлекающий внимание людей своим сходством с шатром (индивидуальные смыслы)».

Разумеется, активными фразеологизмами признака в текстах по искусству оказались

единицы, номинирующие облик персонажа живописного полотна и составившие, по материалу картотеки, **Четвертую группу**. Указанные фразеологизмы образуются по самым разным моделям, среди них частотными оказались модели, в структуре которых стержневым компонентом является имя в форме Творительного падежа — с **глубоко посаженными глазами**; с **усталыми глазами**; **обрамленный (-ая; -ое) (какими-либо) волосами (какими-либо) волосами** **обрамленный, -ая; -ое**). **Жесты и выражение лиц матери, сестры и жены усопшего соответствуют содержанию сцены. Мать скорбно поникла ниц, охватив рукой подножие креста. Мы видим профиль исхудалого лица с глубоко посаженными глазами** [5, с. 23-24]. (О картине В. Перова «Сцена на могиле» — Т.П.). (Профиль исхудалого лица) с **глубоко посаженными глазами** — «скорбный (ядерное значение) + страдающий + искаженный мукой (индивидуальные смыслы)». Вне всякого сомнения, в данном случае фразеологизм признака является не только средством номинации характеристики персонажа живописного полотна, но и выступает и средством фасцинации — как вербальной (семантика фразеологизма признака), так и невербальной (нарисованный В. Перовым облик страдающей матери), то есть у реципиента возникает чувство сопереживания и ассоциативный ряд увиденной ранее смерти близких. Указанный фразеологизм актуализирует магическую функцию, ибо «Актуальное демонстрация тела и внешнего облика, информация и фасцинация – вот тот комплекс, который позволяет живым системам осуществлять коммуникативные связи...» [7]. Неслучайно, например, П. Пикассо «привлекло сильное эмоциональное воздействие картин Анри Руссо на зрителя» [2, с. 34].

В списке моделей фразеологизмов признака текстов по искусству со стержневым именем в Творительном падеже особенно активной, по

наблюдению, является модель «Предлог «с» + (согласуемый компонент) + имя существительное в форме Творительного падежа»: среди существительных, ставших компонентами указанной структуры, чрезвычайно частотными отмечены имена, относимые к семантической группе «зрительное восприятие» — *глаз, взгляд* как наиболее выразительные элементы человеческого лица и его внутреннего мира, способные передавать состояние субъекта. Сравните, *Коровин был увлечен певцом (Анджело Мазини — Т.П.) и, по свидетельству современников, даже подражал ему. На портрете это усталый человек с печальным и умным взглядом* [4, с. 33].

Эта модель фразеологизмов признака, по материалу картотеки, репрезентирует и чрезвычайно экспрессивную характеристику животному: *К ним относится жертвенник, украшенный имитирующими высокий рельеф фигурами и головами баранов, на котором сгорает кроткий бык с огромными темными глазами*, а также *пейзаж, открывающийся на заднем плане в лучах утренней зари* (О картине «Пигмалион и Галатя» — Т.П.) [6, с. 14]. В приведенном тексте сила воздействия семантики фразеологизма и окружающих его «понятийных соседей» на сознание и эмоциональное состояние человека велика — приведенный иллюстративный

пример есть также образец реализующейся фасцинации как однопорядкового с информацией явления. Действительно, «Тело представляет собой не только биологический организм, но и средство коммуникации...» [7].

Анализ феномена текстов по искусству доказывает уникальную статусную сущность фразеологизмов признака — быть дифференцирующими языковыми признаковыми знаками предметности. На фоне закономерной различительной характеристики, номинируемой фразеологическими единицами признака, в их семантике выявляются индивидуальные смыслы, связанные и обусловленные жанровой характеристикой искусствоведческих текстов, которые усиливают и углубляют содержание различения, ведущего и к реализации явления фасцинации. При описании портретного полотна наиболее частотными оказались, по материалу, фразеологизмы признака определенной модели — со стержневым структурным компонентом-именем в форме Творительного падежа: активным стало бывшее имя семантической группы «Зрительное восприятие» — *глаз*. Эта модель аргументирует центрацию человека в космопланетарном мире и проповедует «жажду любоваться неповторимым обликом человека...» [4, с. 47].

Библиографический список

1. Белоусова Н.А. Джорджоне: Очерки о творчестве. 2-е испр. и доп. изд. М.: Изобразительное искусство, 1996. 168 с.
2. Валье Дора. Анри Руссо. М.: СЛОВО / SLOVO, 1995. 96 с.
3. Котельникова Т.М. Брейгель. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2006. 128 с. (Галерея гениев).
4. Круглов В. Коровин. М.: Изобразительное искусство, 1997. 159 с.
5. Лясковская О.А. В.Г. Перов: Особенности творческого пути художника. М.: Искусство, 1979. 175 с.
6. Чекки Алессандро. Аньоло Бронзино. М.: СЛОВО / SLOVO, 1997. 80 с.
7. Соковнин В.М. Фасцинация тела [Электронный ресурс]. Екатеринбург: АФА, 2011. 61 с. URL: http://qame.ru/book/other/fastinatciya_tela/ (дата обращения: 22.01.2014).

Phraseological features in the text on art (painting materials on): specifics of semantics

Key words: semantics, idiom, estimation.

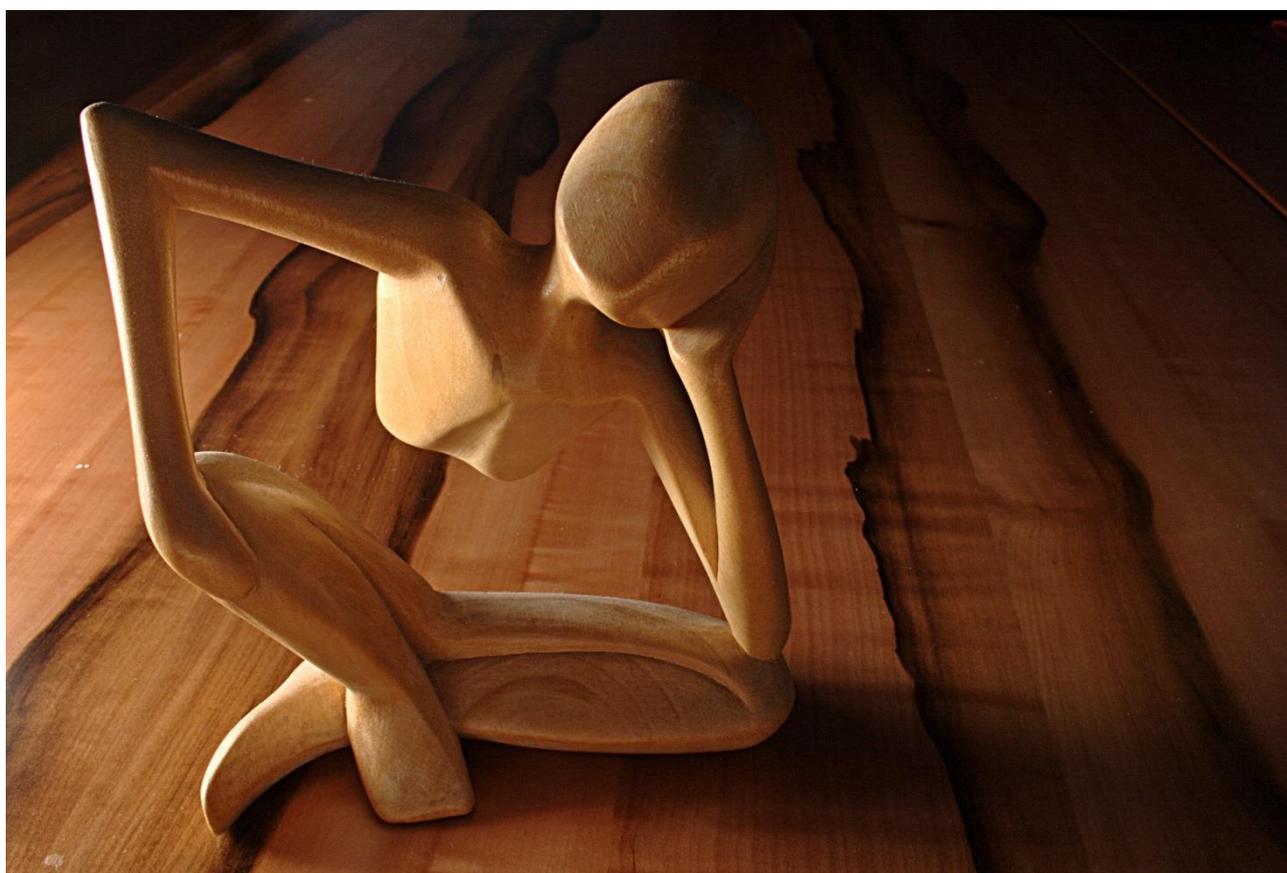
ГАШЕВА ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

СВИРИДОВА АННА ВАЛЕРЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

КОНЦЕПТ «МЫСЛЬ», ВЕРБАЛИЗОВАННЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Данная статья представляет один из основных концептов русского языка «Мысль», вербализаторами которого являются процессуальные фразеологизмы. Описываются семантические объединения, репрезентирующие исследуемый концепт.

Ключевые слова: концепт, мыслительная деятельность, процессуальный фразеологизм, вербализаторы, семантическое объединение.

Под концептом понимаем оперативную единицу мышления, содержащую сущностные и актуально значимые для человека и общества в целом понятия о реальной и идеальной действительности, объектированные различными знаковыми системами: языковыми единицами,

физическими и математическими формулами, жестами символического характера, радио и телесигналами и др., включающими понятия о времени, пространстве, движении, количестве, качестве, материи, духе и т.п.

Концепт «Мысль» в современном русском языке является центральным, так как интеллектуальной деятельности человека и социума придается огромное значение.

Об этом свидетельствует и количественная составляющая вербализаторов — процессуальных фразеологизмов, обозначающих мыслительную деятельность лица.

Семантическая группа процессуальных фразеологизмов, обозначающая мыслительную деятельность лица, составляет значительную часть фразеологического фонда русского языка. По данным нашей картотеки, названная группа представлена 271 фразеологизмом в 3571 употреблении.

Процессуальные фразеологизмы семантической субкатегории речемыслительной деятельности способны выразить не только разные виды мыслительной и речевой деятельности лица, но и передать модальную оценку и эмоциональное отношение к ним, благодаря содержащимся во фразеологических значениях коннотативным и эмотивным семам.

Процессуальные фразеологизмы семантической группы мыслительной деятельности обозначают как сознательные, так и неосознанные, бессознательные процессы мышления. С точки зрения психологов, «мышление человека характеризуется единством осознанного и неосознанного» [1, с.192]. Эти **стороны мыслительного процесса репрезентируют семантические подгруппы, обозначающие:**

- 1) сознательную, целенаправленную мыслительную деятельность, оцениваемую положительно;
- 2) ошибочную, негативно характеризующую сознательную и неосознанную субъектом интеллектуальную деятельность;
- 3) внутреннюю, субъективно сосредоточенную сознательную

деятельность лица, направленную на самонаблюдение;

- 4) отсутствие какой-либо мыслительной деятельности.

Самой большой в количественном отношении семантической подгруппой является та, которая обозначает **интенсивную, сознательную, целенаправленную деятельность, которая оценивается положительно.**

В нее входит 107 процессуальных ФЕ в 1760 употреблениях. Более 50% всех единиц семантической группы мыслительной деятельности составляют фразеологизмы, передающие такие процессы сознательной умственной деятельности человека, которые обеспечивают конструктивную познавательную деятельность личности. Это свидетельствует о том, что для носителей языка важны, актуальны такие языковые средства, в том числе фразеологические, которые описывают, характеризуют положительную когнитивную деятельность.

Процессуальные фразеологизмы проанализированной семантической подгруппы обозначают **целенаправленную мыслительную деятельность с помощью однозначных и многозначных ФЕ:**

нащупывать/нащупать почву:

1. «Попытаться узнать что-либо, получить информацию, сведения»;
2. «Прогнозировать, планировать, предвидеть что-либо на основе изучения обстановки, среды и под.»;
3. «Выбирать, выбрать определенные художественные принципы»;

не упускать из виду/-а/ — «учитывать, учесть что-либо»;

находить/найти выход:

1. «Придумывать решение, разрешать какие-либо проблемы»;
2. «Преодолевать, преодолеть противоречия сознания, мировоззрения»;

наводить/навести порядок — «мысленно рассортировать, расклассифицировать что-либо»;

строить планы:

1. «Планировать, намечать что-либо»;
2. «Прогнозировать, предвидеть»;

сказать/говорить новое слово — «сделать открытие, проявить творчество, ввести новое в творческий процесс»;

строить догадки:

1. «Предполагать, предвещать»;
2. «Догадываться, прозревать»;

не оставлять/не оставить без внимания:

1. «Интересоваться, заинтересоваться чем-либо»;
2. «Скрупулезно изучать, учитывать, учесть какие-либо данные»;

выходить/выйти из положения — «разрешить, разрешать какую-либо проблему»;

иметь в виду:

1. «Подразумевать что-либо»;
2. «Учитывать, учесть, заметить что-либо»;
3. «Помнить кого-либо, вспомнить о ком-либо»;
4. «Предполагать, предположить что-либо»;

ставить/поставить точку:

1. Подытожить, выводить, вывести умозаключение»;
2. «Выделять, актуализировать, подчеркивать главное»;

ставить/поставить все точки над «и»:

1. «Объяснить, разъяснить, уточнить»;
2. «Разрешить трудную проблему, решить сложный вопрос»;

ставить/поставить на свое место:

1. «Упорядочить, правильно распределить, четко определить что-либо»;
2. «Верно рассудить, объективно выяснить что-либо»;
3. «Определить приоритеты, ценностность чего-либо, иерархию в системе»;
4. «Определить верное, точное положение в структуре, композиции какого-либо сочинения»;

идти/пойти навстречу чему-либо — «стараться понять, понимать что-либо»;

собираться/собраться с мыслями:

1. «Мысленно сосредоточиться, сконцентрироваться на чем-либо»;
2. «Понять, объяснить, уяснить что-либо»;
3. «Решить, заключить»;
4. «Глубоко задуматься»;

задавать/задать вопрос/-ы/ — «задумываться, задуматься над нерешенными проблемами»;

поднимать/поднять вопрос — «выдвигать на обсуждение актуальные, сложные проблемы»;

сосредоточить /какое-либо/ внимание — «мысленно сконцентрироваться на чем-либо, внимательно обдумывать что-либо»;

шевелить/пошевелить/ворочать/ мозгами — «интенсивно обдумывать что-либо, быстро соображать, стараясь разрешить какую-либо проблему»;

иметь представление:

1. «Располагать определенными сведениями»;
2. «Разбираться в чем-либо, глубоко понимать что-либо»;
3. «Обладать знаниями о чем - ком-либо»;
4. «Представлять, вспоминать что-либо»;
5. «Обладать собственным мнением, своей точкой зрения»;

раскинуть/пораскинуть мозгами/умом/ — «хорошо подумать, поразмыслить над чем-либо»;

искать выход — «осмысливая происходящее, стараться преодолеть трудности в чем-либо»;

ломать/поломать голову:

1. «Напряженно, усиленно думать, размышлять»;
2. «Стараться догадаться о чем-либо»;
3. «Стараться понять, уяснить что-либо»;
4. «Решать, разрешить трудности»;
5. «Придумывать, придумать что-либо»;
6. «Соображать, сообразить»;
7. «Усиленно вспоминать что-либо»;

«Мыслитель»
и «Сидящая
женщина»,
шедевры
неолитического
искусства
культуры
Хаманджия

мотать/намотать/себе/ на ус —
«целенаправленно учитывать, замечать,
усваивать что-либо, осмысливая
сказанное, чей-то опыт»;

представлять/представить себе:

1. «Нарисовать в сознании, воображении
что-либо»;
2. «Мысленно воображать, вообразить,
отметить что-либо»;
3. «Понимать, понять что-либо»;
4. «Осознавать, осознать, осмыслить что-
либо»;
5. «Предопределить, предвидеть что-либо»;
6. «Додуматься, докопаться до чего-либо»;
7. «Знать, узнавать что-либо»;
8. «Планировать, прогнозировать что-либо»;
9. «Мысленно слушать, услышать что-либо»;
10. «Создавать, создать образ,
изображение в сознании»;

брать/взять на заметку — «стараться
специально запомнить что-либо, кого-
либо»;

думать думу — «глубоко, напряженно
размышлять о чем-либо»;

ставить/поставить во главу угла —
«признавать, считать что-либо главным,
основным, первостепенным»;

доходить/дойти своим умом —
«самостоятельно понять что-либо, выявить
истину»;

набираться/набраться ума-разума —
«приобретая знания и опыт, поумнеть»;

перебирать в уме/памяти/ —
«последовательно вспоминать и
анализировать что-либо»;

теряться в догадках — «стараться
догадаться о чем-либо, точно узнать,
анализируя различную информацию» и др.

Широкие, обобщенные значения
многозначных процессуальных
фразеологизмов определяют их активное,
динамичное функционирование в текстах
различной коммуникативной
направленности и стиля. Реализуясь в
научном, публицистическом, официально-
деловом и художественном стилях,
фразеологизмы анализируемой
семантической подгруппы отражают
многообразные, сложные, глубинные
процессы мыслительной деятельности
человека. Закономерным, типичным
явлением для качественного развития
семантической подгруппы ФЕ,
обозначающей интенсивную,
целенаправленную, сознательную
мыслительную деятельность лица,
выступает процесс полисемантизации

данных единиц. Количественное увеличение фразеологических значений у фразеологизмов названной подгруппы позволяет адекватно, максимально точно, дифференцированно отражать определенные этапы мыслительных процессов. Поскольку «... мышление — это анализ, синтез, обобщение условий и требований решаемой задачи и способов ее решения» [1, с. 266–267], постольку фразеологизмы создают в тексте языковую картину, репрезентирующую типы, способы мыслительной деятельности и многообразные умственные операции, которые порождают мышление.

Процессуальные фразеологизмы называют и обозначают как общие логические понятия мыслительной деятельности типа *делать/сделать вывод/-ы/* в первом значении («понимать, понять, осознавать, осознать»), *ломать голову* в первом значении («напряженно, усиленно думать»), *иметь понятие* в первом значении («понимать, осознавать что-либо») и др. под., так и более конкретные, узкие, специальные операции интеллектуального, познавательного процесса, типа *приходить/прийти к выводу* в первом значении («заклЮчить, подытожить»), в третьем значении («окончательно решить что-либо сделать, мысленно постановить»), в пятом значении («рассчитать, точно обсчитать что-либо»), *делать/сделать из мухи слона* в первом значении («гиперболизировать, преувеличивать»), *делать/сделать попытку/-и/* — «рассматривать что-либо под определенным углом зрения» — в четвертом значении, *смотреть в оба* в третьем значении («тщательно анализировать, исследовать что-либо») и др.

Так, например, перед фразеологизмом-предикатом «*ломать голову*» обычно стоят детерминанты темпорального значения, обстоятельства времени, образа действия, места, обособленные обстоятельства условия, однородные сказуемые, а также объектные словоформы, грамматически подчиненные фразеологизму-предикату.

В двусоставном предложении препозицию по отношению к фразеологизму-сказуемому занимает подлежащее, выраженное личным местоимением или существительным.

Уже много дней по вечерам я ломал голову над тем, как образовалось местонахождение НЭМЭГЭГУ.
/И. Ефремов. Дорога ветров/.

Митька Курганов долго ломал голову над словами отца. /А. Иванов. Тени исчезают в полдень/.

Я ломаю себе голову, но не могу прочесть ребуса... /В.П. Катаев. Время, вперед!/.

В продолжение двух-трех дней, а некоторые так и с самого благовещенья ломают себе голову, придумывая самые замысловатые штуки. /Тэффи. Рассказы/.

Обстоятельства времени, стоящие перед фразеологизмом-сказуемым, передают длительность мыслительного процесса (*уже много дней по вечерам*); указывают на временную протяженность (*долго*); временные фразеологические союзы в сочетании с количественно-именными словосочетаниями уточняют конкретную продолжительность мыслительного процесса, выраженного фразеологизмом «*в продолжение двух-трех дней*»; выражают особую значимость мыслительной деятельности, называя не просто временной промежуток, а христианский праздник, значимый для верующего (*с самого благовещенья*). В постпозиции при нормальном порядке синтаксических элементов предложения обычно стоят объектные слова, грамматически подчиненные ФЕ и дополняющие его семантически: это дополнения, выраженные существительными или местоимениями в форме творительного падежа, обозначающими конкретное содержание мыслей субъекта: *ломал голову над словами отца*, *ломал голову над необъяснимым отсутствием всяких следов*, *ломать голову над вопросами «отчего да почему»* и под. В СПП фразеологизм

выполняет функцию сказуемого в главном предложении и распространяется придаточным, раскрывающим предмет мыслительного действия: *...ломал голову над тем, как образовалось местонахождение НЭМЭГЭГУ.*

Постпозитивные обособленные обстоятельства, выраженные деепричастными оборотами, могут обозначать цель, ради которой совершается мыслительная операция: *...ломают себе голову, придумывая самые замысловатые штуки (ломают себе голову — зачем? с какой целью?).*

Таким образом, фразеологизм «ломать голову» в значении «усиленно напряженно думать над чем-либо» сохраняет широкие возможности лексико-синтаксической связи, семантика его нуждается в конкретизации, поэтому он требует распространяющих его элементов: объектных словоформ, обособленных членов, придаточных предложений. Только благодаря всем, распространяющим фразеологизм-предикат семантико-синтаксическим элементам, предложение-высказывание приобретает семантическую полноту и полностью выражает коммуникативную цель автора.

Проанализированный материал показал, что концепт «Мысль», вербализованный фразеологизмами процессуальной семантики, характеризуется высокой

степенью информативности, многоплановостью охвата конкретных видов умственной деятельности, репрезентирован семантическими объединениями фразеологизмов различного объема и находящихся между собой в иерархических отношениях: семантическая группа, подгруппа, синонимический ряд, микрогруппа и т.д.

Вербализаторы, развивая полисемность в процессе углубления самой мыслительной деятельности человека и частотных реализаций самих ФЕ в контекстах разговорного, публицистического, художественного стилей, сформировали ключевые микроконцепты в пространстве русского языка, демонстрирующие глубину и многообразие интеллектуальной деятельности русского человека, тонкость передачи интуитивного, неосознанного процесса мышления, в том числе сопровождаемого эмоционально-психическими изменениями состояния субъекта. Полярность результатов когнитивной деятельности отражена в антиномии: положительная сознательная деятельность — ошибочная, негативная мыслительная деятельность.

В свете антропоцентрической парадигмы языкознания концепт «Мысль» является одним из фундаментальных концептов национального сознания и русского языка.

Библиографический список

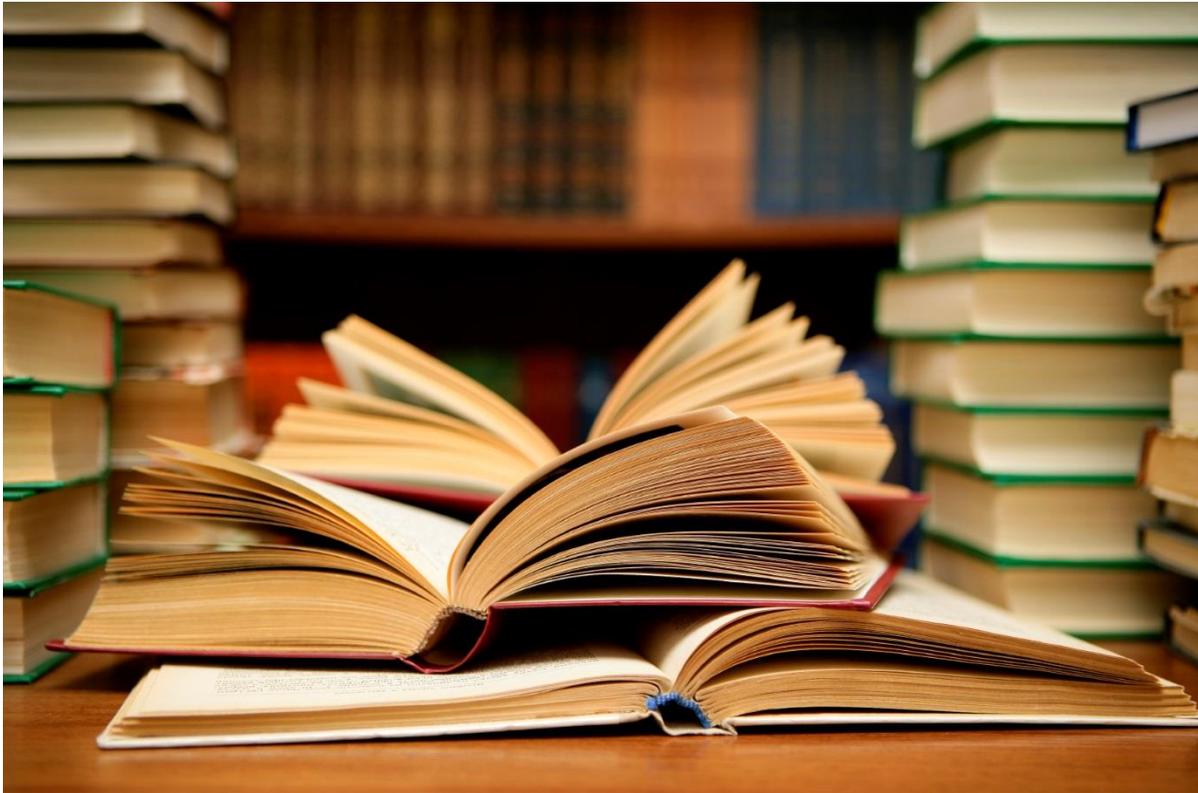
1. Краткий психологический словарь [Словарь] / Сост. Л.А. Карпенко; под общ. Ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
2. Гашева Л.П. Категория пространства и способы ее вербализации в прозаическом тексте // Актуальные проблемы современной лингвистики: антропоцентризм, семантика, прагматика: сб. научно-методических статей кафедры русского языка и МПРЯ, Челябинск, 6-7 февраля 2013 г.; отв. ред. Т.Е. Помыкалова. Челябинск: гос. пед. ун-т. Челябинск: Изд-во ООО «Дитриж», 2013. с. 5-13.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
4. Свиридова А.В. Вербализация концепта знание/познание средствами русской фразеологии в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах (на материале фразеологических единиц с компонентом НЕ): монография. Челябинск: Изд-во РЕКПОЛ, 2008. 284 с.

The concept of “thought” verbalized by procedural phraseology in the Russian language

Key words: concept, intellectual activity, procedural phraseology, verbalizators, semantic association

ШИГАНОВА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, литературы и методики обучения русскому языку и литературе Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

**ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ
ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ДИНАМИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

Аннотация. В статье анализируются активные динамические процессы предлогов современного русского языка, в частности переход свободных предложно-падежных форм, наречий и деепричастий в разряд служебных слов, механизм формирования семантики предлогов.

Ключевые слова: предлог, предложно-падежная форма, лексический предлог, фразеологический предлог, релятивная семантика, динамические процессы.

В современном русском языке формирование релятивной семантики производных лексических и фразеологических предлогов в настоящее время является одной из актуальных и дискуссионных проблем. Исследование сложной структурной организации лексического и фразеологического значения предлогов, изучение семантических преобразований слов при формировании новой релятивной лексической или фразеологической единицы, выявление природы слов-компонентов было в центре внимания многих ученых-лингвистов. При рассмотрении механизма

образования значения релятивных единиц прежде всего устанавливаем, что происходит со словом, когда оно становится предлогом-лексемой или компонентом фразеологического предлога — какие качественные признаки утрачивает и какие приобретает, что происходит с его категориальным, групповым и индивидуальным значениями.

Считаем, что **при формировании новой релятивной единицы** на основе предложно-падежной формы существительного, наречия, деепричастия или нефразеологического словосочетания слово утрачивает семантическое ядро,

сохраняя отдельные специфические семы, из которых возникает другое, новое ядро новой языковой единицы — лексического фразеологического предлога, то есть отдельные семы из лексических значений слов или слов-компонентов актуализируются и, взаимодействуя друг с другом, формируют новую лексическую или фразеологическую семантику и новое значение; остальные семы при этом погашаются, деактуализируются. Становясь компонентом качественно новой релятивной лексической или фразеологической единицы, слово претерпевает семантические преобразования на уровне категориального, субкатегориального, группового и индивидуального значений. Е.Р. Ратушная отмечает, что «степень и характер семантических трансформаций различны и непосредственно связаны с ролью компонента в синтаксической структуре фразеологизма» [3, с. 5].

При исследовании **формирования релятивного значения** опираемся прежде всего на концепцию структурности лексического и фразеологического значения. В структуре лексического и фразеологического значения выявляются различные аспекты, или макрокомпоненты: денотативный, сигнификативный, коннотативный. Основу лексического или фразеологического значения составляет денотативно-сигнификативный компонент. Как утверждает Д.Н. Шмелев, «соотнесенность слова с соответствующим понятием составляет ядро лексического значения слова, его внутренний стержень» [4, с. 58-59]. Денотативно-сигнификативный компонент, в свою очередь, состоит из микрокомпонентов, или сем. Под семой понимается «минимальная единица плана содержания» [2, с. 437]. Ранее мы уже затрагивали некоторые вопросы относительно анализа процесса формирования фразеологического значения предлогов [5].

Лексическое значение предлогов, как и фразеологическое, есть сложная иерархическая система; оно структурно, то есть состоит из элементов-сем, находящихся в определенных отношениях между собой. Самая общая сема — категориальная, которой подчинены другие, менее общие. Категориальная сема уточняется с помощью субкатегориальной. Еще более конкретными и менее общими являются групповые семы, которые уточняют в значениях фразеологизмов субкатегориальную сему. Иногда групповым семам подчинены подгрупповые, которые уточняют, конкретизируют их. (Подгрупповые семы могут и отсутствовать в структуре). Индивидуальные или дифференциальные семы подчинены групповым (или реже — подгрупповым), так как они создают индивидуальность лексических и фразеологических единиц, дифференцируют их.

Таким образом, семная структура предлога-слова и предлога-фразеологизма построена по иерархическому принципу, ее компоненты — семы — неравноправны. **Структура релятивного значения предлогов** представляет собой единство категориальных, субкатегориальных, групповых и дифференциальных сем, связанных значениями уточнения. Кроме того, в содержании релятивного значения в некоторых случаях могут присутствовать и семантические компоненты эмоционально-оценочного и стилистического характера, создающие коннотативную часть этих значений. Плодотворная идея о качественных семантических преобразованиях лексем-компонентов в составе фразеологизма развивается в работах многих современных фразеологов. Например, Н.Ф. Алефиренко, говоря о процессе фразеологизации, отмечает, что «...происходит перераспределение ранговых позиций фразеологизующих сем, иное их взаимодействие,

деактуализация одних и возникновение других. В результате такой качественной трансформации семного состава компонентов синтезируется обобщенно-целостное значение фраземы» [1, с. 81].

Механизм формирования лексического или фразеологического значения предлогов имеет свою специфику, связанную с разной структурой и разной синтаксической организацией единиц.

Библиографический список

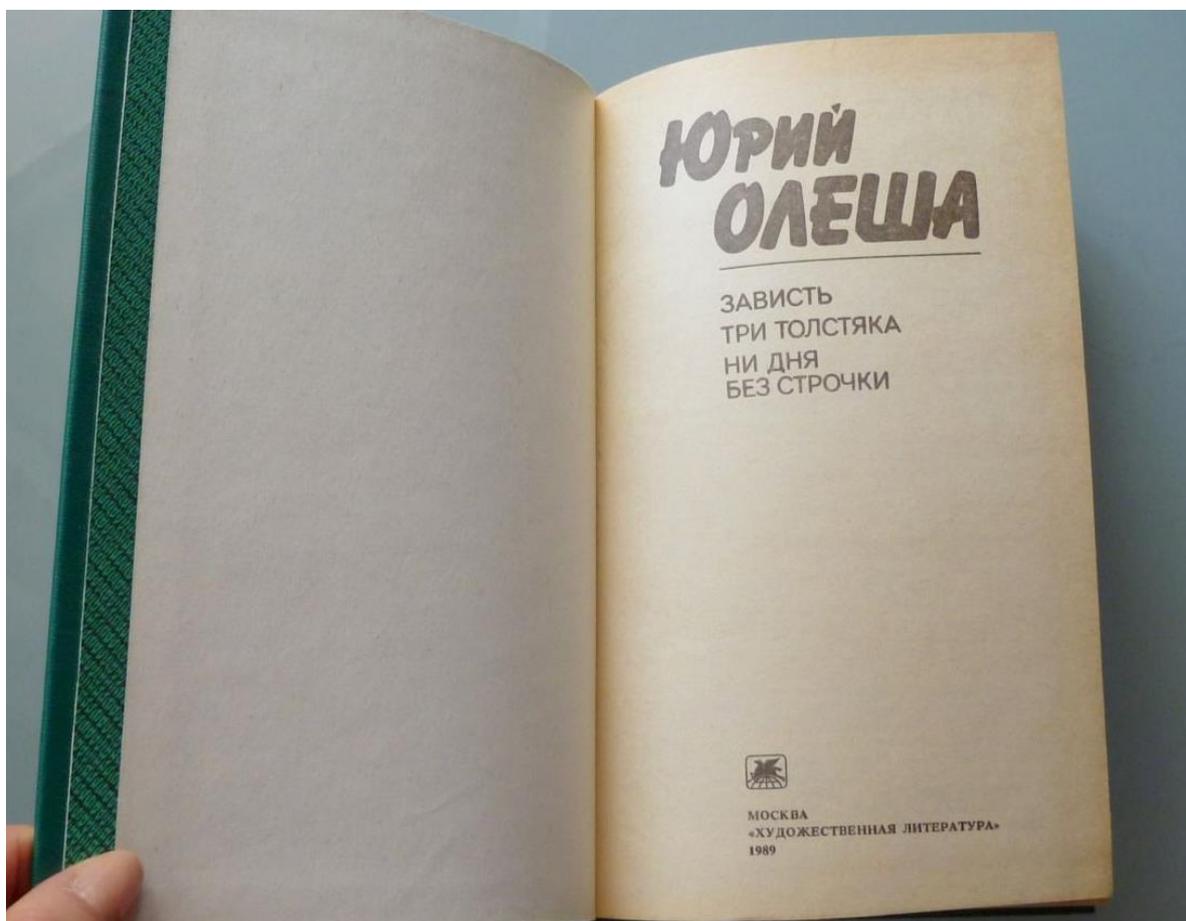
1. Алефиренко Н.Ф. Фразеомообразующее взаимодействие языковых уровней (на материале украинского и русского языков): дис. ... докт. филол. наук. Полтава, 1989. 502 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с.
3. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования (на материале фразеологизмов-наименований человека в современном русском языке). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2000. 223 с.
4. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 279 с.
5. Шиганова Г.А. Механизм формирования значения релятивных фразеологизмов / Вестник ЧГПУ. Серия 3. Филология. N 2. Изд-во ЧГПУ «Факел». Челябинск, 1997. С. 49–68.

The semantic formation of derivative prepositions in the contemporary Russian language as a dynamic process

Key words: preposition, prepositional case form, lexical preposition, phraseological preposition, relative semantics, dynamic processes.

ПРОКОЛОВ ДЕНИС ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

аспирант Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА
КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Ю.К. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ»)**

Аннотация. В статье рассматривается проблема функционирования индивидуально-авторской метафоры и ее роль в художественном тексте. На материале повести «Зависть» Ю.К. Олеси выявлено значение метафоры при интерпретации текста.

Ключевые слова: метафора, индивидуально-авторская метафора, стилистический прием, экспрессивность, образность.

Важнейшими критериями для художественного текста являются экспрессивность и образность. Под экспрессивностью понимается определенная функция некоторых языковых единиц, обеспечивающая воздействие на реципиента, метафора в этом смысле является сильнейшим средством воздействия на адресата речи. Что касается образности, многие исследователи также трактуют ее как одно из наиболее эффективных средств воздействия: «Эстетическая языковая

информация обладает большим языковым потенциалом внушаемости: она воздействует на поведение человека посредством апелляции к эмоциональной сфере психики и через нее к сознанию» [2, с. 23]. Метафора может сочетать в себе оба эти критерия, являясь предпочтительным образным средством в художественной прозе русских писателей.

В современной лингвистической науке феномен метафоры является одним из наиболее дискутируемых вопросов,

существуют различные трактовки этого явления. Мы будем придерживаться наиболее точного, по нашему мнению, определения Н.Д. Арутюновой: «Метафора — троп или фигура речи, состоящая в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, действий или признаков для характеристики или номинации другого объекта, сходного с данным в каком-либо отношении [1, с. 316].

В данной статье мы рассматриваем метафору в тексте произведения Ю.К. Олеси «Зависть» для более глубокого понимания произведения, раскрытия его идеи, а также для анализа метафорического рисунка повести. Необходимо отметить, что в рамках данной работы мы акцентируем внимание лишь на индивидуально-авторских (оказиональных, художественных, поэтических, творческих, метафорах стиля и т.д.), поскольку они являются результатом целенаправленных и сознательных эстетических поисков автора, в то время как узувальные (общезыковые, языковые, общеупотребительные и т.д.) метафоры уже освоены языком и поэтому утратили выразительность и образность [3, с. 134].

В повести «Зависть» автор прибегает к множеству различных стилистических приемов, однако наиболее употребимым стала метафора. Олеся использует ее при создании образов главных героев Андрея Бабичева и Николая Кавалерова:

«Спина выдала все. Нежно желтело масло его тела. Свиток чужой судьбы развернулся передо мною. Прадед Бабичев холил свою кожу, мягко расположились по туловищу прадеда валики жира» [4].

Через описание внешнего вида дается характеристика персонажа — обнаженная мужская спина уподобляется развернувшемуся свитку, который содержит в себе записанную историю человека, метафора основана на сходстве функций. Бросив беглый взгляд на спину Бабичева, Кавалеров догадывается о

его дворянском происхождении. Вполне конкретное существительное (спина), отождествляясь с словосочетанием свиток судьбы, обрастает дополнительными абстрактными оттенками значений. Также метафорично описание физической внешности Бабичева: «Нежно желтело масло его тела; мягко расположились по туловищу валики жира» — данные образные метафоры позволяют читателю сделать вывод о физической форме и состоянии организма, а, следовательно, и о его внешнем виде.

«Меня не любят вещи. Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения. Суп, поданный мне, никогда не остывает. Если какая-нибудь дрянь — монета или запонка — падает со стола, то обычно закатывается она под трудно отодвигаемую мебель. Я ползаю по полу и, поднимая голову, вижу, как буфет смеется».

В данном примере развернутая метафора представлена доминантной метафорой-олицетворением *Меня не любят вещи* и ее спутниками. Автор заявляет, что герой Николая Кавалерова крайне неуклюж, неловок и несуразен, эта мысль выступает в качестве ядра метафоры, которое разворачивается далее: *Мебель норовит подставить мне ножку. Какой-то лакированный стул однажды буквально укусил меня. С одеялом у меня всегда сложные взаимоотношения.* Неодушевленным предметам приписываются свойства одушевленных, кроме того писатель ведет повествование от лица главного героя, благодаря чему прослеживается стилистический прием иронии. Последующая гипербола лишь усиливает этот эффект: *Суп, поданный мне, **НИКОГДА** не остывает.*

Индивидуально-авторская метафора наделяет главных персонажей высокой образностью и эмотивностью, что позволяет читателю ясно представить образ и понять

авторский замысел. Однако, это характерно не только для главных героев повести:

«Вдова Прокопович — символ моей мужской униженности».

В данном примере человек (вдова Прокопович) сравнивается не с каким-либо неодушевленным предметом, а с абстрактным понятием (символ мужской униженности). Николай Кавалеров не пользуется успехом у женщин, и лишь вдова Прокопович, которую он ненавидит, жалеет и презирает одновременно (*Там грустное соседство — вдова Прокопович; Она ходит опутанная кошками и жилами животных; Ее можно выдавливать, как ливерную колбасу; Иногда при встрече со мной из горла ее выкатывается некий маленький звук, круглая голосовая капля, вытолкнутая спазмой восторга ...*), всегда готова принять его. В глазах Кавалерова это та самая, последняя черта, переступая которую, мужчина теряет всякое уважение к себе.

Индивидуально-авторская метафора имеет место и при описании событий повседневной жизни, например:

«Я говорил, ужасаясь тому, что говорю. Я резко вспомнил те особенные сны, в которых знаешь: это сон — и делаешь что хочешь, зная, что проснешься. Но тут видно

было: пробуждения не последует. Бешено наматывался клубок непоправимости».

Вполне обыденная ситуация — пьяная ссора в пивной, переданная от лица главного героя, Николая Кавалерова, имеет яркую эмоциональную окраску. Гневная тирада в адрес обидчиков ожидаемо оборачивается для Кавалерова изгнанием из заведения. Надвигающийся конфликт завсегдаев пивной Олеша называет *клубком непоправимости*, словно овецивая абстрактное понятие, и *клубок этот бешено наматывается*, что ясно показывает неизбежность скандала и его печальных последствий. Субстантивная метафора *клубок непоправимости* усложняется глагольной *бешено наматывался*. Подобное сочетание различных семантических и структурных типов метафор характерно для текста повести.

Проанализировав текст произведения, мы можем утверждать, что индивидуально-авторские метафоры являются доминирующим экспрессивным оценочно-характеризующим средством языка, поскольку они легко воспроизводятся в сознании читателя, воздействуют на процесс восприятия объекта привносимыми в текст коннотативными оттенками и переносными значениями.

Библиографический список:

1. Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта. М.: Наука, 1979.
2. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1978.
3. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: ЛЕНАНД, 2006.
4. Олеша Ю.К. Зависть [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ЛитМир. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=135466> (дата обращения: 10.10.2013).

Individual author's metaphor as the dominating stylistic device of literary text (on the material of the short novel «Envy» by Y.K. Olesha)

Key words: metaphor, individual author's metaphor, stylistic device, expressiveness, imagery.

ГУБАЙДУЛЛИНА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА

учитель русского языка и литературы МОУ Кулуевской СОШ, г. Челябинск, Россия

РАСШИРЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРОВ)

Аннотация. В статье рассматривается реализация одного из приемов трансформации фразеологических единиц, употребленных в художественных текстах различных жанров.

Ключевые слова: трансформация, типы трансформаций, расширение компонентного состава фразеологических единиц.

Исследование фразеологии представляет значительный теоретический и практический интерес. Фразеологизмы носят оценочный характер, обладают большей или меньшей степенью эмоциональности и экспрессивности. Они широко проникают в язык художественной литературы как средство создания образности языка. Подавляющее большинство фразеологических единиц нацелено на оценку человека и взаимоотношений между людьми.

Оценочный характер единиц используется при описании внешнего вида человека, при оценке его характера. Образно-экспрессивная основа фразеологических единиц со временем ослабляется, что и вызывает потребность у писателей оживить ее путем различных приемов преобразования.

Под **индивидуально-авторскими преобразованиями фразеологических единиц** понимается творческое изменение (трансформация) семантики или структуры фразеологической единицы с определенной стилистической целью.

Творческое преобразование фразеологизмов заслуживает более подробного рассмотрения. В книге А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» (2005) дана современная классификация фразеологических преобразований. Они выделяют семантические и структурно-семантические преобразования фразеологических единиц. Остановимся на одном из приемов фразеологического новаторства писателей.

По материалу картотеки, активным стилистическим приемом обновления семантики фразеологизмов в современных текстах разных жанров является **изменение в них количества компонентов**. «Оно выражается в расширении состава фразеологизма за счет употребления уточняющих слов к тем или иным компонентам, что может изменить фразеологизм до неузнаваемости, придав ему новую образную форму» [1, с. 122-123]. Прокомментируем сказанное примерами: Мужики левой стороны все как-то сразу приосанились, посвежели, и **на чудесном расположении духа** отнюдь не сказалось то, что...откапывать канистру предстояло собственными усилиями (В. Пьецух «Левая сторона»). Трансформацию претерпел фразеологизм *Расположение духа* — душевное состояние, настроение. Ты ее поди пропил, бессовестная твоя морда, а на меня вешаешь всех собак (В. Пьецух «Шкаф»). Преобразуется фразеологизм *Вешать собак* — клеветца, сваливать всю вину на кого-либо; ругать, обвиняя в чем-либо [2]. Эта часть набережной отдана на откуп американским морякам, их цель надраться, нахулиганить, побить кому-нибудь морду, словом, **отвести застоявшуюся душу** (Ю. Нагибин «В бананово-лимонном Сингапуре»). В данном примере трансформируется фразеологизм *Отвести душу* — вымещать накопившуюся злость, обиду, унижение, срывать зло. В следующем фрагменте расширению подвергается фразеологизм

Уязвимое место — слабая сторона человека, дела: Лидия вскоре стала неутомимо пилить и заедать мужа, выбрав для этого самое **уязвимое, самое чувствительное, самое больное место** — деньги (А.И. Куприн «Жанета»). Компонентный состав фразеологизма *Камень на душе* (тяжелое, гнетущее чувство, тоска) изменяется в количественном отношении в контексте: А после провала, когда все прахом, **такой камень на душе**, что кажется, лучше б не жил! (К. Симонов «Живые и мертвые»).

Одним из частотных способов расширения компонентного состава ФЕ является включение в ФЕ определения. В указанных выше примерах наблюдаем, как прилагательные *чудесный, самый, местоимения всех, такой* и причастие *застоявшуюся* употреблены в целях усиления эмоциональности и экспрессивности ФЕ, конкретизации её контекстуального значения.

Преобразования ФЕ осуществляются также путем обстоятельственного расширения ФЕ: И тут Сергееву, с эффектом внезапного электрического разряда, пришло на мысль, что это они все **чутьчку не в себе** (В. Пьецух «Наш человек в футляре»). Подвергается преобразованию фразеологизм *Не в себе* — в сильном душевном расстройстве. Наш Петухов полную неделю **пил на радостях мертвую**, то есть он пьянствовал (В. Пьецух «Полуподвал»). Произошло расширение фразеологизма *Пить мертвую* — пить до бесчувствия, до потери сознания.

— Чему быть, того не миновать, — сказала Ольга и **как-то ушла в себя** (В. Пьецух «Шкаф»). Трансформируется фразеологизм *Уходить в себя* — становиться нелюдимым, замкнутым. Изменение компонентного состава фразеологизмов *Черт принес* (о неожиданном и нежелательном появлении кого-либо), *Чтоб и духу не было* (о крайней нежелательности чьего-то присутствия), *Волком выть* (горько жаловаться на что-либо) происходит в следующих

дискурсивных фрагментах: ...**черт** его **нанес с ветром** (А. Петрушевская «Время ночь»); — **Заявление на стол, дура, и в двадцать четыре часа чтобы духу твоего в районе вместе с выродками не было** (А. Попов «Баба обыкновенная»); ...**Где хоть волком в отчаянье вой** (Н. Моршен «Волчья верность»). Как правило, обстоятельственный компонент присоединяется к глагольному компоненту или отглагольному существительному и распространяет всю ФЕ. Присоединяемое к ФЕ обстоятельство вызывает появление дополнительных смысловых оттенков (*меры и степени, причины, образа действия, места*), влияет на коннотацию фразеологизма.

Таким образом, к исходному фразеологизму добавляются новые слова, которые вносят дополнительный оттенок конкретизации, уточнения в значение ФЕ.

Анализ современного дискурсивного материала показал, что расширение компонентного состава ФЕ является одним из частотных приемов структурно-семантических преобразований. Трансформированные ФЕ отражают особенности языковой личности автора, являются важным элементом его идиостиля.

Библиографический список

1. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык: учеб. пособие для вузов. М.: Айрис-пресс, 2002. 448 с.
2. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Высш. шк., 1985. 160 с.

Expansion as one of the methods of structural and semantic transformations of phraseological units (based on the material of artistic texts of various genres)

Key words: transformation, the types of transformations, expansion of the component composition of phraseological units.

МАТАШ КРИСТИНА АЛЕКСЕЕВНА

соискатель Челябинского государственного педагогического университета, г. Снежинск, Россия

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ПРИЗНАКА —
РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ОБЩЕЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ОБЛИКА СУБЪЕКТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. АКУНИНА)**

Борис Акунин (Григорий Шалвович Чхартишвили)
писатель, учёный-японист, литературовед,
переводчик, общественный деятель

Аннотация. В статье рассматриваются функции фразеологизма признака, его употребление в художественной речи и ценность как составляющей идиостиля писателя.

Ключевые слова: идиостиль, фразеологизм, художественная речь.

В лингвистике номинации облика, внешности человека занимают важное место: это естественно, поскольку антропоцентрическая парадигма ставит человека в центр существующего мира, т.е. разворачивает лингвистическую проблематику «в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии: Я-физическое, Я-социальное, Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-речемыслительное <...> Все языкознание пронизано культурно-историческим содержанием, ибо своим предметом имеет язык, который является условием, основой и продуктом культуры»

[3, с. 7-8]. Антропоцентрический поворот в языкознании обусловлен тем, что внимание исследователей переключилось с вопроса «как устроен язык» на вопрос «как функционирует язык». Как следствие, появляется необходимость в формировании и развитии нового подхода к анализу и интерпретации языкового материала. Невозможность дать ответ на вопрос о функционировании языка «с позиций имманентной лингвистики предопределила расширение ее предмета и общую тенденцию к пересмотру философско-онтологических оснований всей дисциплины. К концу века заметно восстановление в правах интуиции и интроспекции, что, безусловно,

объясняется ростом внимания к человеческому фактору, субъективности в лингвистике» [2, с. 83], поэтому столь значимы в лингвистике современности работы, связанные с идиостилем отдельного писателя или поэта. Подобные исследования позволяют не только описать языковые единицы, ставшие объектом анализа, но и аргументировать и проиллюстрировать эстетическую функцию языка, которая часто в художественных текстах выходит на первый план.

Объектом исследования были выбраны фразеологизмы признака — это «такие единицы фразеосемантического представления языка, которые категориально выражают качественную характеристику предметных субстанций. Семантически они означают содержательное («понимаемое») свойство, которое актуализировано требованием содержательных ведущих значений предметности, воспроизводимы национальным языковым сознанием в идеальном языке как необходимые качественные характеристики, реализуемые в речетекстовом употреблении как содержательные признаки реалий (конкретных и абстрактных). Эти единицы в языке представлены структурно изменяемыми и неизменяемыми референциями, монофункциональны синтагматически и семантически квалифицируются адъективными именами как базовыми квалификаторами» [4, с. 41].

Предмет анализа — семантический объем фразеологизмов признака, в котором выявляются постоянные и изменяемые свойства, то есть предмет исследования — семантика во всех ее проявлениях, связанных с представлением различительной характеристики предметности (субъекта), обусловленная своеобразием функционирования указанных единиц в художественном пространстве произведений Б. Акунина.

Интерпретация фразеологизмов признака в идиостиле, безусловно, теснейшим «семантическим» образом связана со всем описанием облика человека, которое в произведениях Б. Акунина оказывается очень подробным и номинируется экспрессивно как фразеологизмами признака, так и фразеологизмами другой категориальной идеи, а также оценочными лексемами. В каждом случае употребления фразеологического знака в содержательном объеме единицы обязательно выявляется индивидуальный смысл, обусловленный именно стилистикой жанра произведения писателя.

По анализу авторской картотеки, значительную группу фразеологических признаков единиц составляют фразеологизмы, называющие **положительные** номинации облика субъекта, связанные с качественной общей положительной оценкой его окружающими или самим лицом.

В обозначенную группу входит частотный фразеологизм признака *чудо как хорош (-а; -и) (как хорош (-а; -и))*, активно употребляемый автором в двух повестях «Пиковый валет» и «Декоратор» цикла «Особые поручения». По наблюдению, в текстовом окружении — развернутый предшествующий текст — анализируемый фразеологизм признака актуализирует семантику, квалификация которой такова: «прелестный, привлекательный, необычный, эффектный по красоте своего облика (последний квалификатор — индивидуальный смысл, обусловленный влиянием содержательной событийности)»: *Ахмад-хан всем очень понравился, в особенности барышням и дамам. Был он в черном фраке и белом галстуке, однако голову набоба венчала белая чалма с преогромным изумрудом. Иссиня-черная борода восточного принца была подстрижена по последней моде, брови изогнуты стрелками, а эффектнее всего на смуглом лице смотрелись ярко-синие*

глаза... .. Чуть сзади и сбоку стоял секретарь принца, тоже привлекавший к себе немалое внимание. Собою Тарик-бей был не так пригож, как его господин, и статью не вышел, но зато, в отличие от Ахмад-хана, он явился на бал в настоящем восточном костюме: в расшитом халате, белых шальварах и золоченых, с загнутыми носами туфлях без задников... В общем, оба индейца были **чудо как хороши** (Пиковый валет. — В кн.: Особые поручения, с. 83-84). Интерпретированное содержание «вторичной номинации» [1], особенно, индивидуальный смысл, обусловленный идиостилем, аргументируется фразеологизмами — в черном фраке; по последней моде (подстрижена); словосочетаниями — белая чалма; ярко-синие глаза; изогнуты стрелками (Ахмад-хан); фразеологизмами — не так пригож; статью не вышел; словосочетаниями — в восточном костюме, в расшитом халате; белых шальварах (Тарик-бей). Описание обоих персонажей выстроено писателем на основе содержательной оппозиции как в представлении облика каждого, так и в представлении облика принца, оппозиционирующего облику секретаря, что также ведет к пониманию и выявлению имплицированных смыслов рассматриваемого фразеологического знака.

По материалу, в пространстве повести «Декоратор» фразеологизм чудо как хорош (-а; -и), семантика которого связана с номинацией **высокой** степени оценки, выражаемой адресантом: «прекрасный, необычный по своей красоте, вызывающий восхищение в высшей степени (последний квалификатор — индивидуальный смысл, обусловленный влиянием содержательной событийности)» — Ужасная ночь. А вечер начинался так славно. Идиотка в смерти вышла **чудо как хороша** — просто загляденье. После этого шедевра декоративного искусства тратить время и вдохновение на горничную было бессмысленно, и я оставил ее как есть (Декоратор. — В кн.: Особые поручения,

с. 310). Квалифицированная семантика фразеологизма обусловлена и связана прежде всего с общей эмоциональной качественной оценкой, присущей всему анализируемому дискурсу, а также и содержанием других единиц, фразеологических и лексических, включающих в свой объем и усиленный коннотативный компонент — просто загляденье; начинался так славно; шедевр декоративного искусства.

Синонимами фразеологизму чудо как хорош (-а; -и) (как хорош (-а; -и) по наблюдению текстов Б. Акунина, классифицируются фразеологические признаки до чего хорош (-а; -и) (хорош, -а; -и до чего); необычайно хорош (-а; -и) (хорош, -а; -и необычайно); хоть куда — последняя единица — модальное предложение становится фразеологизмом признака, номинирующим облик человека с выражением оценки этого облика окружающими в том случае, если определяет существительное. Названные единицы номинируют характеристику облика человека и качественную оценку внешности окружающими высокой степени, но **меньшей степени** градации по сравнению с семантикой фразеологизма чудо как хорош (-а; -и) (как хорош (-а; -и)). Содержание названных фразеологизмов передаем через следующие квалификаторы: до чего хорош (-а; -и) (хорош, -а; -и до чего) — «очень красивый, очаровывающий свои обликом» — Красивый мужчина. Я, конечно, много про него слышала, но и не подозревала, **до чего он хорош**. Особенно васильковые глаза. — Ванда мечтательно провела рукой по бровям, словно отгоняя воспоминание (Смерть Ахиллеса, с. 51). Необычайно хорош (-а; -и) (хорош, -а; -и необычайно) — «очень красивый, восхищающий своей внешностью, всем видом» — Села неподалеку под полосатой маркизой, в тени. Дул свежий ветерок. Открыла «Пармскую обитель», стала читать про безответную любовь прекрасной, но стареющей герцогини Сансеверина к юному Фабрицио дель Донго.

Расчувствовалась, смахнула платочком наверхнувшуюся слезу — и, как нарочно, на палубу выходит мистер Фандорин: в белом костюме, в широкополой панаме, с тросточкой. **Хорош необычайно** («Левиафан», с. 69). *Хоть куда* — «очень красивый + необычный по красоте, завораживающий (последний квалификатор — индивидуальный смысл, обусловленный влиянием содержательной событийности)»: *Смерть* (имя девушки — К.М.) *глядела на инженера не отрываясь. Что сказать — он и в мигающем свете лампы был красавец **хоть куда*** (Любовник смерти, с. 222). *До чего хорош* — именная часть СИС, то же — *хоть куда. Хорош необычайно* — определение в ряду других определений.

На основании проведенного анализа, считаем важными следующие **выводы**:

1. В художественном дискурсе Б. Акунина фразеологизмы признака, описывающие облик субъекта, аргументируют идею главенства антропоцентрической идеи в современном русском языке через главнейшую свою функцию — функцию различения предметности.
2. Семантический объем фразеологизмов признака, репрезентирующих облик

человека, многослоен, т.е. включает поверхностные и скрытые, имплицитированные смыслы. Дискурс аргументирует обнаруженные смыслы, которые усиливаются другими текстовыми единицами.

3. Семантический объем фразеологизмов признака в идиостиле произведений Б. Акунина обусловлен подробным описанием всей внешности человека, характеризуется эмоциональностью и связан с семантикой как фразеологизмов другой категориальной идеи, так и оценочными лексемами.

4. В каждом случае употребления фразеологического знака в произведениях Б. Акунина в содержании знака выявляется дополнительный индивидуальный смысл, обусловленный стилистикой жанра произведения писателя.

5. Для фразеологических единиц признака пространства произведений Б. Акунина характерна синонимия, которая демонстрирует в творчестве писателя выражение градуальности оценки и служит экспрессивным изобразительно-художественным средством, способствующим выполнению языком эстетической функции.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 394 с.
2. Макаров М.А. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: ИЦ Академия, 2010. 208 с.
4. Помыкалова Т.Е. Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке: моногр. Челябинск: РЕКПОЛ, 2006. 223 с.

Phraseological units of characteristics — representatives of overall positive evaluation of subject appearance (based on the works of Boris Akunin)

Key words: individual style, idiom, artistic speech.

ПОЧИТАЛКИНА НАТАЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИЗНАКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЦА ИЛИ ЖИВОГО СУЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются системные синонимические отношения фразеологизмов, обозначающих признак эмоционального состояния лица и живого существа. Анализируется их тенденция к усложнению содержательного объема.

Ключевые слова: фразеологические единицы, эмоциональное состояние, системные отношения, синонимы.

Фразеологизмы эмоционального состояния лица или живого существа, проявляют тенденцию к усложнению своего содержательного объёма, то есть, реализуют амальгамацию самых разных смыслов.

Анализ фразеологизмов признака, представляющих эмоциональное состояние лица или живого существа в текстах разного жанра, показал: текст и дискурс оказывают влияние на формирование разных эмоционально-оценочных содержаний фразеологических единиц, они могут меняться, усложняться.

Текстовые единицы также оказывают влияние на признаковую семантику фразеологизма. Фразеологические единицы-эмотивы собранной авторской картотеки распределяются по двум подклассам — фразеологизмы признака, номинирующие **негативное** и **позитивное** эмоциональное состояние лица или живого существа. Как показал материал, рассматриваемые фразеологические знаки, проявляют себя как единицы, реализующие синонимические отношения.

Под **синонимами** в работе понимаются такие фразеологические единицы признака с точки зрения смыслового содержания и взаимозаменяемости знаков в текстах, которые не модифицируют их смысла в целом, то есть «... они представляют собой одно из проявлений постулируемого положения о том, что тождество (сходство) употребления языковых единиц является отражением их семантического тождества (сходства)» [8, С. 610]. При этом учитывается и идея, определяющая языковые единицы-синонимы, в частности, фразеологические единицы: они «обладают не только значительным сходством, но и известными различиями, которые нейтрализуются в тексте...» [Там же]. «**Фразеологические синонимы** — это различные фразеологические обороты, обозначающие один и тот же предмет объективной действительности. Однако, как и лексические синонимы, фразеологические синонимы различаются и тем, каким образом они обозначают одно и то же, и тем, какие семантические, лексико-грамматические и стилистические свойства им присущи» [10, с. 52].

Проявление эмоционального состояния человека или живого существа и его манифестация фразеологическим признаком как семантическим дифференциалом существенно зависит от внелингвистических факторов — от текстового окружения, фона описываемой событийности; это влияет и на выбор языковых знаков-эмотивов, которые квалифицируются как знаки категоричного выражения эмоциональности или как знаки с меньшей степенью выраженной эмоциональности. Фразеологические признаковые номинации демонстрируют в текстах разных жанров семантически сложное содержание, которое есть соединение выявляемых скрытых и явных смыслов.

Фразеологический признак эмоционального состояния лица или живого существа способен в русском языке реализовать семантику разной степени эмотивности; наиболее активным содержанием оказывается содержание высокой степени эмоциональной характеристики. Так, по авторской картотеке, частотным в номинировании **положительного** состояния эмоциональности лица или живого существа оказалась единица в *хорошем настроении (в настроении хорошем)* (**модель** — в (каком-либо) настроении, которая может быть заполнена и отрицательным содержанием в зависимости от модификации согласуемого компонента структуры, а может представлять **высокую** и **среднюю** степень выраженного эмоционального положительного состояния, которое также опирается на семантику согласуемого компонента. Фразеологизм признака в *хорошем настроении (в настроении хорошем)* выявлен во многих текстах произведений разного жанра, в работе представляем эту единицу в тексте повести В. Токаревой «Лиловый костюм».

Исследуемая фразеологическая единица признака «погружена» в текст, связанный с последующим и предшествующим текстовыми фрагментами, а также и со

всем художественным пространством повести. Квалификация семантики фразеологизма признака **опирается на идею сравнения** персонажа-женщины с *веселым волком* (чаще *веселым в природе бывает молодое животное* — Н.П.), с описанием облика *веселого волка*, и интерпретируется следующим образом: «миролюбивый, радующийся всему (характеристика эмоционального состояния — причина) + адекватный (характеристика психического состояния — следствие) + следовательно, чаще всего, *здоровый, крепкий* (элемент характеристики физического состояния)». Положительное физическое состояние подчеркивается характеристикой хищника, номинированной лексемами, эмоциональное состояние лица иллюстрируют глагольные лексемы-эмотивы — *улыбалась*, наречие-эмотив — *восторженно* (глядела), фразеологизм глагольного типа, номинирующий также положительное эмоциональное состояние лица или живого существа — *светилась глазами*. Сравните, *Марина играла концерт Брамса — сочетание мелодии и техники. Когда закончила и опустила скрипку, зал взорвался аплодисментами. Все смотрели на Марину с восхищением. Это она заставила их пережить высокие минуты. Марина сдержанно кланялась...* (Прецедентный текст, характеризующий общую положительную эмоциональную оценку ситуации-прелюдии). *Барбара восторженно глядела на Марину, улыбалась, светилась глазами и зубами и была похожа на веселого волка. На хищника в хорошем настроении. Она сложила два пальца в кольцо, дескать: хорошо, о-кей, формидабль.* Последующий текстовый фрагмент усиливает и общую положительную эмоциональную оценку событийности, и положительное эмоциональное состояние персонажей: *После концерта давали банкет. Устроители раскинули столы под открытым небом. Люди бродили между столами, брали бокалы и тарелки с закусками* [9].

Содержание проанализированной фразеологической единицы признака в хорошем настроении, безусловно осложнено коннотативным компонентом высокой степени градации. **Синонимом** проанализированной фразеологической единицы является фразеологизм в хорошем расположении духа **синонимичный структурирующей же модели** — в (каком-либо) расположении духа (в расположении духа (каком-либо)), также частотно употребляемый в современных текстах разного жанра, особенно, публицистике. Семантика названной единицы интерпретируется следующим образом: «успокоенный (характеристика эмоционального положительного состояния — причина) + воспринимающий реальность спокойно (характеристика психического состояния — следствие)»: Подлови себя в хорошем расположении духа, когда у вас с ним все хорошо и тебя ничто не беспокоит [7].

По наблюдению, в вербальном выражении и **положительного** и отрицательного эмоционального состояния человека **модель в (каком-либо) настроении** (в настроении (каком-либо) оказалась чрезвычайно активной. Активной единицей указанной модели является, по авторской картотеке, фразеологизм признака в (самом) радужном настроении (в настроении (самом) радужном), который номинирует **высокую степень** выраженного эмоционального положительного состояния и интерпретируется следующими единицами-квалификаторами: «веселый, радостный, ничем не озабоченный (характеристика эмоционального состояния) + воспринимающий реальность адекватно (характеристика психического состояния)» — Несколько раз Эраст Петрович, осмелев, подбирался совсем близко и слышал, как студент беззаботно насвистывает арию Смита из «Пертской красавицы». Похоже, несостоявшийся самоубийца (если это был он) пребывал в **самом радужном настроении** [1]. **Синонимом** указанной

единице выступает, по материалу, фразеологический признаковый знак в прекрасном расположении духа (в расположении духа прекрасном) **(модель — в (каком-либо) расположении духа (в расположении духа (каком-либо))**: Маша заметно нервничала. Анка же, напротив, была в прекрасном **расположении духа** и, видимо, предвкушала острое приключение, способное надолго расцветить ее нудный быт [5].

Широко представлены в авторской картотеке фразеологические единицы признака, опосредованно номинирующие **отрицательное** эмоциональное состояние с присоединением другой характеристики: чаще всего это амальгамация эмоционального и физического состояния.

Для фразеологизма (как, будто, как будто) в тумане возможным, по наблюдению, оказалось представление в содержательном объеме либо эмоционального и физического состояния, либо эмоционального и психического состояния. Например, Стоит ли говорить, что домой я возвращалась как в тумане [6]. Как в тумане — «расстроенный (характеристика отрицательного эмоционального состояния) + усталый (характеристика физического состояния)», при актуализации характеристики эмоционального и физического состояния лица в содержании названного фразеологизма возможно и другое наращивание смыслов: «потрясенный, чрезвычайно расстроенный (характеристика отрицательного эмоционального состояния — причина) + не способный к действиям, ослабевший (характеристика физического состояния — следствие): И так мне, брат Фандорин, вдруг тоскливо стало, будто совсем один я на всем белом свете и жить больше незачем... Знал, что плохо она кончит, сам порешить ее хотел, а все равно... Ты ведь меня видел, когда мимо пробежал? А я застыл, словно в параличе, даже не

окликнул тебя. **Как в тумане** стоял... Потом чудное началось, и чем дальше, тем чуднее [1, с. 155]. **Весь оставшийся вечер я провела как в тумане....** Расставаясь, сунула ему свою визитку [7]. (Речь идет о знакомстве женщины с новым мужчиной — Н.П.). **Как в тумане** — «**взволнованный**, возбужденный (характеристика эмоционального состояния) + неадекватный (характеристика психического состояния)».

Особенно ясно просматривается выражение эмоционального отрицательного состояния человека, выраженное фразеологизмом в тумане, при сравнении этой единицы со свободным синтаксическим сочетанием слов в тумане. Например:

Отпустим спать чужую жизнь.
 Один рассудок лампы бодрствует в тумане.
 Ответствуй, Лебедин мой, Лебедин,
 Что нужно смерти в нашей глухомани? [4].

Синонимом фразеологизму (*как, будто, как будто*) в тумане является

фразеологическая единица признака (*как, будто*) в дыму, номинирующая содержание: «потрясенный, **пораженный** + обиженный (характеристика отрицательного эмоционального состояния — причина) + неадекватный, отрешившийся от реальности (характеристика психического состояния — следствие) + элемент физического состояния»: *Вышла, глаза сверкают. Чтоб духу твоего не было, кричит. Не моги ко мне близко подходить, и еще по-всякому. В тычки за порог вышибла, за мои-то старания... Сильно я тогда обиделся. Так запил — неделю будто в дыму был* [2].

Таким образом, как показывает анализ, содержание фразеологизмов эмоционального состояния признакового класса, всегда есть семантическая динамика, что акцентирует мысль, высказанную профессором Н.Ф. Алефиренко: «...форма стремится к стабильности и относительной статике, а содержание — к непрерывному изменению, развитию, совершенствованию» [3, с. 101].

Библиографический список

1. Акунин Б. Азазель. М.: Изд-во Захаров, 2013. 270 с.
2. Акунин Б. Любовница Смерти: роман. М.: Изд-во Захаров, 2008. 256 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 416 с.
4. Ахмадулина Б.А. Друзей моих прекрасные черты: Стихотворения. М.: ЭКСМО-пресс, 2005. 464 с.
5. Знаменская А. Прогулка под луной. М.: Изд-во АСТ, 2005. 320 с.
6. Космополитен, июнь, 2002.
7. Космополитен, май, 2006.
8. Новиков Л.А. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2001. 672 с.
9. Токарева В.С. Все нормально, все хорошо: Повести и рассказы. М.: Изд-во АСТ, 2002. 541 с.
10. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

Synonymous relations of phraseological units of characteristics of emotional state of a person or a living being

Key words: phraseological units, emotional state, system relations, synonyms.

ПАТАШКОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

соискатель Челябинского государственного педагогического университета, старший преподаватель университета «Туран», г. Алматы, Республика Казахстан

ДИКТУМНО-МОДУСНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО СЛОВАМИ С СЕМАНТИКОЙ СОСТОЯНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается модусно-диктумная структура предложений с семантикой состояния. Анализируются предложения с субъектом модуса и субъектом диктума, а также, случаев их совпадения.

Ключевые слова: модус, диктум, категория состояния, оценочность, предикат, семантика состояния.

Многообразие подходов к идее двухчастности содержания предложения с разных сторон и в русле разных традиций отражено во множественности терминов: наряду с диктумом и модусом лингвисты употребляют пары «пропозиция» и «модальная рамка», «дескриптивная» и «кваликативная структуры» и др.

С диктумом связаны идеи об актантной структуре события и глубинных падежах у французского лингвиста Л. Теньера [7], об изоморфизме структуры ситуации и структуры предложения у В.Г. Гака [2], о пропозиции как основе диктумного содержания в работах Н.Д. Арутюновой [1].

Сравним предложения «Идет дождь» и «После дождя снова стало жарко, и все опять ушли в лес». Ясно, что диктум первого предложения проще, элементарнее: в нем отражен только факт дождя, тогда как во втором, помимо этого факта, имеются сведения о жаре, об уходе в лес каких-то лиц, о временной соотнесенности этих

фактов. Используя понятие пропозиции, мы можем сказать, что диктум первого предложения монопропозитивен, а диктум второго включает пять пропозиций — три событийных и две логические [8], следовательно, его можно классифицировать как полипропозитивный.

В простом предложении модус может эксплицироваться вербальным компонентом, семантика которого содержит субъективно-оценочную сему. Оценочность — факультативная модусная категория, семантика которой сводится к выражению авторского позитивного или негативного отношения к диктумному содержанию в целом или какому-то из его элементов.

Несмотря на свою необязательность, оценочность располагает разнообразными и многочисленными средствами выражения: это и изъяснительная конструкция, которая

решает разные модусные задачи (Хорошо, что он не уехал вчера; Лучше, чтобы они вообще об этом не знали), и предложения со словами категории состояния (Хорошо прогуляться в утреннем лесу; Ужасно было бы однажды узнать, что все напрасно), и предложения типа Какой у нее голос! Как они пели! и многие другие средства.

Г.А. Золотова разграничивает в подобном типе предложений оценочно-инфинитивные и предложения со словами категории состояния. Значение этих предложений — состояние субъекта, каузированное действием — инфинитивом и сопровождающее это действие. При этом оценочные предикаты она представляет не как категорию состояния, а особый класс слов категории оценки — нравственной, прагматической или экспрессивной оценки реального или потенциального действия, названного инфинитивом. **Слова оценки, по ее мнению, характеризуют следующие признаки:**

- 1) они выражают субъективную оценку действия, ситуации, либо (реже) предмета как результата действия или его функциональной потенции;
- 2) они обладают предикативно-оценочной функцией в конструкциях с инфинитивом в качестве предизируемого, либо в синонимических конструкциях, где предизируемое может принять форму отлагательного существительного или придаточного предложения;
- 3) конструкции с предикатно-оценочными словами характеризуются полисубъектностью: «оценочные слова создают в предложении потенциальную позицию субъекта оценки, которая может быть по смысловой надобности заполнена соответствующим лексико-синтаксическим способом» [5, с. 110].

Исходя из того, что оценка всегда принадлежит какому-то лицу, субъекту, индивидуальному или коллективному (субъекту модуса), а субъект оценки

(модуса) может быть неназванным, но ясным из контекста, можно говорить о наличии более сложной, полисубъектной, диктумно-модусной структуры в данных конструкциях. Даже когда говорящий подвергает оценке собственное действие (в отличие от чужого), он судит о нем с точки зрения общественного мнения, критериев, принятых в данном коллективе, среде. Субъект модуса, таким образом, либо включает субъект действия, либо противостоит ему.

Оценка фактов имеет рациональный характер и подлежит обоснованию. Мотивом оценки служит указание на отрицательное следствие из обратного реальному положению дел. Рассмотрим это на примере предложений из военной мемуаристики Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского. В предложении «Позже мне стало известно о том, что мост через реку Угру был взорван отрядом майора И.Г. Старчака, начальника парашютно-десантной службы Западного фронта» [4, с. 312] субъект диктума и субъект модуса в форме дательного падежа совпадают (мне).

В предложении Если же оборона противника расположена на плохо наблюдаемой местности, где имеются хорошие укрытия за обратными скатами высот, в оврагах, идущих параллельно фронту, то такую оборону разбить огнем и прорвать трудно, особенно когда применение танков ограничено [6, с. 110] субъект диктума представлен в обороте сложноподчиненной конструкции, а субъект модуса, выраженного предиком трудно, не назван, поскольку он является обобщающим: «всем, любому из нас трудно...».

Субъект оценки может не совпадать с субъектом, вовлеченным в оцениваемое положение дел, поскольку критерием оценки фактов не служат ощущения. Оценка фактов выражается точкой зрения, и она — явно или не явно — вводится пропозициональным отношением мнения.

Оценка стороннего наблюдателя может оказаться иной, чем мнение участника события: *Когда я вызвал генерала Л.А. Говорова и поставил перед ним задачу, он вполне резонно попытался доказать, что нет ему надобности в такой поездке: в 16-й армии есть свой командующий артиллерией генерал-майор Казаков, да и сам командующий Рокоссовский знает, что и как нужно делать, зачем же ему, Говорову, в такое горячее время бросать свою армию* [4, с. 297]. Здесь субъектом модуса является форма дательного падежа ему, а модусный предикат представлен надобностью со значением утилитарной оценки.

Глаголы несовершенного вида выражают повторяющееся действие, либо указывают на общеутилитарный характер оценки: *С отдельных участков нашей обороны хорошо просматривать вражеские позиции* [6, с. 89].

Рассмотрим предложения, выражающие оценку предстоящего события и фиксирующие акт выбора определенного круга действий среди других возможностей: *Тот успел передать, что наш корпус переходит в подчинение 5-й армии и следует сосредоточиться в районе Клевань, Олыка* [6, с. 10]. В этом предложении сообщается о вызванном некоторым действием добавочном действии, при этом субъект диктума и субъект модуса совпадают в одном слове нам: *наш корпус переходит и нам следует сосредоточиться*.

Таким образом, оценочность пронизывает семантику всего предложения. Оценка конкретизируется в самих ощущениях говорящего. Согласно мнению Г.А. Золотовой, «подобное значение сближает оценочные слова со словами категории состояния: между действием и вызываемой им реакцией (физической и психической) образуются каузативные отношения». Напр.: *Трудно и больно было смотреть на них...* [6, с. 22].

Проблемы синтаксической синонимии и идентификации моделей взаимосвязаны в той мере, в какой опираются на общий фундамент — на анализ компонентного состава предложений. Ср. современные русские предложения:

- 1) Мне холодно.
- 2) Мне грустно.
- 3) В доме холодно.
- 4) В доме грязно.

Традиционная грамматика относит их к односоставным безличным предложениям по признаку отсутствия подлежащего в именительном падеже.

Компонентный анализ обнаруживает два организующих компонента в каждом предложении: личный субъект — носитель состояния в (1) и (2), предметно-пространственный субъект в (3) и (4) и предикат, характеризующий состояние субъекта. Среди слов категории состояния на -о одни способны выражать состояние личного субъекта (*страшно, скучно*), другие способны выражать признак предметно-пространственного субъекта (*грязно, тихо*), третьи могут служить тому и другому (*холодно, душно*).

В конструкциях типа *Мне грустно, страшно* сообщается о состоянии лица, так же, как и в предложении *В доме мне грустно, страшно*. В последнем случае локатив в доме выступает уже не как субъект, а как распространитель модели (ср. *Я испытываю грусть /страх, находясь в этом доме*). Варианты *В доме грустно, В доме страшно* являются сообщениями о состоянии лица.

Предложения подобной конструкции рассматриваются нами как предложения с нулевым подлежащим, выражающим личный субъект со значением:

- а) определенно-личным, если определенное лицо субъекта — носителя состояния (чаще говорящего или персонажа-перцептора) известно из контекста или ситуации, напр.: *Работал я с большим старанием, и мне было приятно слышать похвалу старших; Мне было*

стыдно в этом признаться, и я терпел до последней возможности; Мы, дети бедняков, видели, как трудно приходится нашим матерям, и горько переживали их слезы; Тем жилось неплохо: у них были большие светлые дома с уютной обстановкой, на дворах много скота и птицы, а в амбарах — большие запасы муки и зерна; На склоне лет своих трудно вспомнить все, что было в жизни [4, с. 145].

б) обобщенно-личным, если имеется в виду, что названное состояние испытывает каждый, оказавшийся в названном месте, напр.: В храме Христа-спасителя было приятно слушать протодьякона Розова; Трудно было привыкнуть поздно ложиться спать [4, с. 127].

в) неопределенно-личным, если субъект состояния не назван, напр.: Было еще рано, и мы решили отправиться в трактир [4, с. 157].

Естественно, что у каждой из этих моделей — свои синонимические корреляты. Их возможности определяются парадигматическими рядами единиц, существующих для выражения состояния личного субъекта, в одном случае, и для выражения характеристики места — в другом.

Между этими моделями, принадлежащими к двум разным рубрикам классификации, находятся предложения типа *«Знаете, уж очень там, в землянке, и холодно было, как будто в могилу попал и тебя сейчас зароят»* [6, с. 129], которые занимают промежуточное положение, поскольку

заклаивают в себе характеристику землянки через субъективные ощущения лица. Они синонимичны предложениям *Землянка холодна* и сохраняют синонимическую связь с моделями личного состояния (*Мне (для меня) в землянке холодно*). В этом предложении объективный смысл осложняется модусной характеристикой — субъективными ощущениями говорящего: *Мне в землянке холодно было*. Если семантика предложения *...уж очень там, в землянке, и холодно было...* элементарна, в нем выражен только один факт, то семантика данного предложения осложнена модусным компонентом (*мне, для меня*). Субъектом первого предложения является предположно-падежная форма в землянке, во втором же предложении в землянке является субъектом диктума, а мне — субъектом модуса. На эту связь обратил еще внимание И.Ф.Анненский, который писал: «Нет ли так же аналогии между *Воздух душен, Ночь душна* и просто *Душно?*» [3, с. 230].

Таким образом, диктумно-модусная организация предложений со словами, выражающими состояние, неоднозначна. Исходя из конкретной модели, можно установить определенную связь между субъектом диктума и субъектом модуса, а также выделить предложения, находящиеся между моделями, принадлежащими к разным рубрикам классификации, где сохраняется синонимическая связь с моделями личного состояния, а смысл осложнен модусной характеристикой.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976. 383 с.
2. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
3. Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958. 332 с.
4. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.
5. Золотова Г.А. Очерки функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.
6. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988.
7. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса М.: Прогресс, 1988. 656 с.
8. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1994.

Dictum and modus structure of the semantics state words in complex sentences

Key words: modus, dictum, category of state, evaluativity, predicate, semantics of state.

БАГАПОВ ДАМИЛЬ ФЛАРИТОВИЧ

аспирант Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ГАШЕВА ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

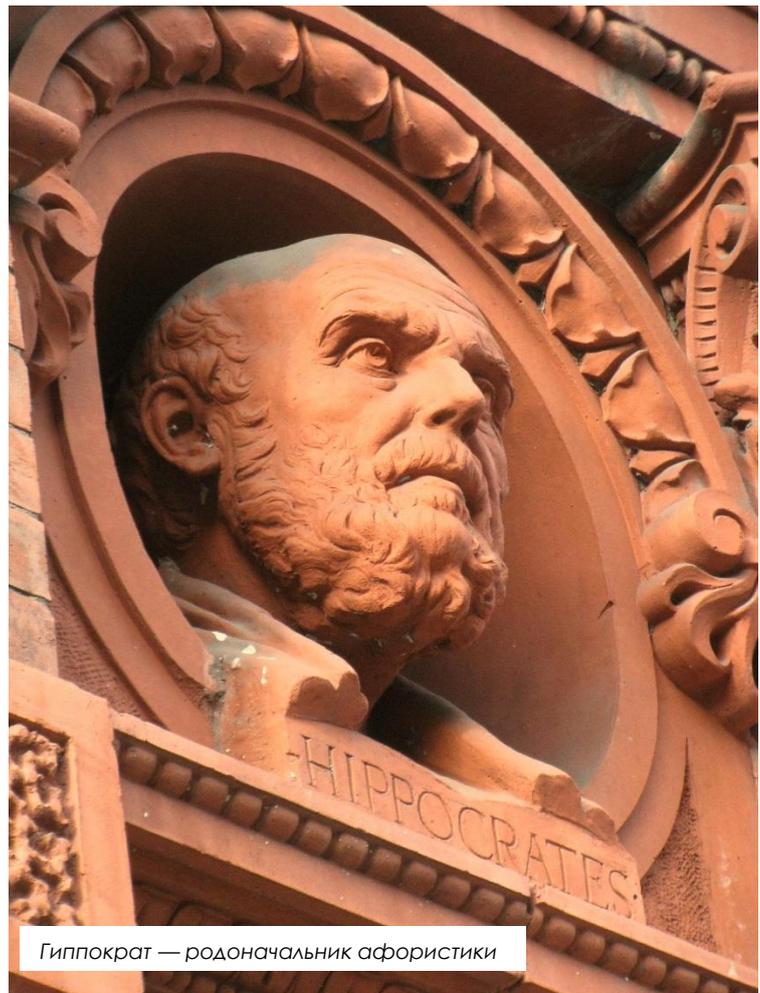
НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТОВ К ПОНИМАНИЮ И ОПРЕДЕЛЕНИЮ АФОРИЗМА

Аннотация. В статье даётся описание истории изучения афоризма и его определения различными учёными в отечественном и зарубежном языкознании.

Ключевые слова: афоризм, пословица, изречения.

Интерес к афористике чрезвычайно возрос за последние годы. Этот интерес можно объяснить тем, что афоризмы, изречения и пословицы как нельзя лучше соответствуют духу нашего времени, требующему особой краткости выражения мысли. Элементы афористического мышления позволяют выделить в море информации нечто весьма существенное для познания, найти и определить свою личностную позицию. Выступая в той или иной ипостаси, афористическое выражение обобщает и типизирует многообразные проявления личной и общественной жизни и прочно бытует в общении как его органическая часть, как ёмкая и концентрированная форма художественного отражения действительности и выражения отношения языка к ней.

Афоризмы всегда привлекали внимание людей, но в настоящее время, в эпоху научно-технического прогресса, их значение особенно возросло; не случайно сейчас в ряде стран афористика получила высокое развитие, а кое-где достигла своего расцвета. На фоне почти полного отсутствия литературоведческих работ в прошлом в последнее время опубликован

Гиппократ — родоначальник афористики

ряд содержательных теоретических статей об афоризмах; появляются и труды лингвистического характера. Проблемы афористики рассматриваются на литературных конгрессах, им посвящаются многочисленные диссертации.

Такой интерес к афористике возник потому, что в силу своей универсальности афоризмы соответствуют духу эпохи, они одинаково близки как к науке, так и к искусству, в них органично взаимодействуют принципы научного и художественного творчества. Закономерно

поэтому то, что многие выдающиеся ученые являлись одновременно и творцами афоризмов. Вспомним древнего ученого — родоначальника афористики — Гиппократ, назовем авторов афористических книг — Паскаля, Гёте, Лихтенберга, которые были замечательными учеными своего времени [9, с. 27]. Афористика находится на месте «стыковки» науки и искусства, являясь как бы своеобразным звеном между ними. Выразительность и образность сближают афоризмы с художественной литературой, свойство синтеза мыслей, установление связи между явлениями, точность и лаконизм роднят их с наукой [8, с. 25].

Не случайно за рубежом до сих пор находятся сторонники теории принадлежности афоризмов не к литературе, а к науке, в частности к философии, и ведется полемика по этому вопросу. Афоризмы, конечно, нужно считать литературным жанром, но они близки науке, и это способствует их популярности в наше время, характерное расцветом науки [10, с. 34].

Жанр афоризма привлекателен для читателя новизной и неожиданностью содержания, отточенностью формы. Он привлекателен как в отдельной форме, так и в контексте выступления, статьи и художественного произведения. Для того чтобы охарактеризовать афоризм наиболее полно, мы провели дефиниционный анализ.

«Афоризм (греч. aphorisms — определение, краткое изречение), краткое изречение, выражающее некую обобщённую законченную поучительную или парадоксальную мысль. Источники афоризмов – литературные произведения, рассказы о случаях из жизни исторических лиц» [1, с. 24].

Афоризмы — создававшиеся именно как афоризмы преобладают в многочисленных сборниках афоризмов и на сайтах в Интернет, меньший объем составляют крылатые фразы и цитаты,

создавшиеся в контексте произведений, либо выступлений авторов. Самые яркие представители афоризма как самостоятельного жанра: Ф. де Ларошфуко, Н. Шамфор, Б. Паскаль, И.В. Гёте, С.Е. Лец, пародийные афоризмы Козьмы Пруtkова и др. И все же многие афоризмы представляют собой цитаты из более обширных произведений; например, большая часть афоризмов Оскара Уайльда — реплики из его пьес. В таких случаях афоризм приобретает форму цитаты, в виду того, что акцент делается не столько на мудрость высказывания, сколько на его автора.

В афористике широко используются каламбурная игра слов, логические сдвиги, проявляющиеся в противопоставлении сходных понятий и отождествлении противоположных; неожиданность достигается разрушением закрепившихся за словами связей и ассоциаций.

Афоризм — это «изречение, выражающее в лаконичной форме обобщенную законченную мысль» [7, с. 105]. Однако, существует и множество других определений афоризма, они отражены в справочной литературе XIX–XX вв. В одних словарях афоризм определен как глубокая поучительная мысль, суждение [8, с. 63], в других — афоризм воспринимается как синоним изречения, высказывания подчеркивается древнейший характер афоризма как литературного жанра [2, с. 434].

Афоризм — это мысль, выраженная в парадоксальной, неожиданной, образной форме, мысль, исполняющая пируэт (Жорис де Брюйн).

Есть изречения, заставляющие задуматься; есть фразы, заставляющие улыбнуться. Но самые лучшие — те, в которых улыбку и мысль нельзя разделить.

«Афоризм — это оригинальная законченная мысль, изречённая или записанная в лаконичной запоминающейся текстовой форме и

впоследствии неоднократно воспроизводимая другими людьми. В афоризме достигается предельная концентрация непосредственного сообщения и того контекста, в котором мысль воспринимается окружающими слушателями или читателем» [12, с. 431].

Афоризм (греч.) — мысль, выраженная в предельно краткой, лаконичной форме. В русском языке слово «афоризм» известно с XVIII в. в словарях его начинают отмечать с 1789 г. Первоисточник — греч. — определение от слова «отделяю» («отграничиваю»), («определяю»).

Афоризм упорядочен логически и синтаксически, часто ритмически. Обычные **формы афоризма** — призыв («Бди!» Козьма Прутков), определение («Любовь — это род безумия, но оно одно и наполняет жизнь смыслом» А. Моруа) или фраза, построенная с помощью параллельных конструкций («Есть тысячи способов заставить женщину говорить и ни одного, чтобы заставить её замолчать» Буше).

«Афоризм, суждение общего характера, выраженное в лаконичной художественной форме и, как правило, принадлежащее определенному автору. Наука — это ансамбль рецептов, которые всегда выполняются (П. Валери). Термин афоризм используется как родовое обозначение для апофтегмы, гномы, максимы, сентенции и хрии» [6, с. 13].

Для афоризмов характерны полнота и завершенность смыслового содержания, краткость и отточенность словесного выражения, нередко афоризмы называют житейскими мудростями. Как правило, афоризм не вызывает противоречий у читателя и зачастую напоминает о простых истинах, которыми пренебрегает человек.

История афористической мысли началась в далекой древности: краткие высказывания встречаются уже на древнеегипетских папирусах и клинописных табличках Междуречья, а в античной Греции и Риме

афоризм оформляется как литературный жанр. Уже тогда люди стремились кратко выразить свои мысли, формулируя самые значимые из них в форме изречений. В афоризмах ярче всего отражаются особенности мышления людей разных стран в разные эпохи, религиозных и политических взглядов. Однако есть и общие, вечные темы: смысл жизни, мироустройство, общества и государства.

Значительную роль в формировании афористической формы сыграли восточные мыслители. В качестве примера можно привести трактат «Дао Дэ Цзин» (автором которого считается Лао-Цзы) и сочинения Конфуция, в которых нераздельно слиты стиль мышления и литературная форма. Каждое изречение в этих произведениях пронизано гармонией мироощущения и стремлением к высшей мудрости.

Содержание афоризмов в Западной Европе значительно меняется в период Возрождения. На смену религиозным и богословским текстам приходит светская литература, в которой афористический жанр занимает достойное место. В Новое время афористическая литературная форма развивается в двух направлениях — как самостоятельный жанр и в виде крылатых фраз, включенных в контекст различных произведений (научных работ, поэзии, прозы, публицистики, писем и т.д.).

В начале 20 в. афористическая мысль приобрела особую литературную тонкость и достигла большого культурного значения, но затем содержание и стиль афоризмов все больше усредняется. Авторами и «героями» афоризмов становятся актеры, кинорежиссеры, музыканты, политики, бизнесмены и другие популярные персоны, а источниками — устные выступления, интервью, анекдоты и т.д.

Определяя афоризм в кругу близкородственных понятий, следует отметить, что в отличие от фразеологизмов, крылатых выражений, цитат, пословиц и

народных мудростей афоризмы имеют явный уклон в философию и встречаются в речи образованных людей, ораторов в неизменном виде. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделяют языковые афоризмы, которые имеют синтаксическую форму фразы, в то время как фразеологизмы — синтаксическую форму словосочетания [3, с. 71-76].

Содержание и форма афоризмов несколько отличается от таких классических форм фольклорного «художественного слова», каковым является пословица, поговорка, присказка. Поэтому отличается и перевод. «Афоризм — это уже произведение малых форм современной литературы. Это своеобразный “интеллектуальный фольклор” от известных и признанных авторов». [4, с. 132].

Как и пословица, афоризм не доказывает, не аргументирует, а воздействует на сознание. Выразительность афоризма возрастает при уменьшении числа слов; около 3/4 всех афоризмов состоит из 3-5 слов [9, с. 29]. Афоризмы рождаются как в контексте научных, философских, художественных произведений, так и самостоятельно.

Афоризм — это текст малой формы, который имплицитно содержит более широкую информацию, чем та, которая выражена эксплицитно. Е.В. Землянская подчеркивает, что имплицитность афоризма обусловлена тем, что его содержание является результатом авторского вымысла, позволяющего рассматривать афоризм как миниатюрное художественное произведение [5, с. 11-14].

Грань различия афоризмов и названных близких понятий тонка: иной афоризм может в разговорной речи принимать форму пословицы или крылатого выражения, где может быть изменена его структура.

К примеру, если сравнить пословицу и афоризм: пословица, обычно носит позитивный и локальный характер: «не плюй в колодец — пригодится воды напиться», заставляя человека подумать о переносном значении «не стоит грубить соседу — возможно, придется брать у него займы».

Отличительной чертой афоризма является его генерализованность и вневременность. Это противопоставляет афористическое высказывание конкретному, и сближает с категорией универсальных высказываний.

Афоризм устроен сложнее и от этого представляет собой больший интерес. Он не отличается позитивностью, так как авторы, люди великие, имеющие богатый и насыщенный жизненный опыт, не склонны приукрашивать реальность. В итоге мы получаем афоризм, как антитезу пословице.

Воздействие афоризма заключено одновременно в неоспоримости и эстетичности его оформления. При работе с афоризмами важно учитывать неразрывность формы и содержания в афоризме, разрушаемость афоризма при переформулировке. Из этого следует, что нужно быть очень осторожным при изменениях структуры.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь: Языкознание; под ред. В.Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
2. БСЭ: Большая Советская Энциклопедия; гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1970–1978.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 248 с.
4. Дановский Н.Ф. Вводное слово в искусство перевода. Рига-Харьков, 1983. 174 с.

5. Землянская Е.В. Структурно-семантические и функциональные особенности стилевой интертекстуальности в англоязычном афоризме: дис. ... канд. филол. н. СПб., 2004. 209 с.
6. Лагута О.Н. Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Ч. 1: учебно-метод. пособие. Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1999. 76 с.
7. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 269 с.
8. СИС: Словарь иностранных слов; под ред. Т.М. Капельзона. М., 1987. 608 с.
9. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. М.: Наука, 1990. 415 с.
10. Хлебцова О.А. Русский язык в пословицах, поговорках, крылатых словах и афоризмах. М.: МНЭПУ, 1999. 248 с.
11. Шаталова С.А. Лингвистические основы афоризмов и афористики в художественных текстах Достоевского на материале романов «Бесы» и «Подросток»: дис. ... канд. филол. н. М., 2000. 208 с.
12. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. М.: Терра, 2001 г. 40 726 с. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/> (дата обращения: 12.01.2016).

Scientific approaches of native and foreign linguists to understanding and defining aphorism

Key words: aphorism, proverb, saying.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

АДАЕВА ОЛЬГА БОРИСОВНА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ РЕЧИ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье анализируются языковые средства выражения ситуации местонахождения и высказывается мысль о целесообразности использования результатов подобных лингвистических исследований, выполненных в рамках ономазиологического подхода, в практике преподавания родного языка в школе.

Ключевые слова: идеографическое исследование, ономазиологический подход, обучение русскому языку в школе.

Обучение школьников продуктивным видам речевой деятельности (говорению и письму) протекает гораздо успешнее, если учитель в своей работе опирается на достижения идеографической грамматики, предметом анализа которой являются языковые средства выражения некой типовой экстралингвистической ситуации (местоположения, перемещения из одного пространства в другое, вербальной передачи информации и др.).

Так, в соответствии с учебной программой в 6–7 классах проводится обучение сочинениям — описаниям природы и помещения. Частью таких текстов довольно часто является типовой фрагмент «предмет и место его нахождения». При этом

учащиеся испытывают серьезные затруднения в выборе сказуемого со значением наличия, ограничиваясь, как правило, словами *стоит, находится, расположен* и очень немногими другими. В этом случае исследования типовых способов вербализации определенного смысла дают учителю языковой материал, который, после соответствующей методической интерпретации, может быть использован на школьных уроках развития речи для формирования коммуникативных умений.

В настоящей статье на примере повести М.Ю. Лермонтова «Бэла» рассмотрены лексические средства выражения ситуации местонахождения. Выбор

лермонтовской прозы обусловлен тем, что только в высокохудожественном тексте язык во всей полноте реализует свои потенциальные возможности отражать предметные связи и отношения, специфические для данного национального сознания.

Основной семантической особенностью предложений со значением локализации предмета является выражение отношений между предметами, один из которых говорящий выбирает в качестве ориентира для определения пространственного положения другого. Семантическая структура предложений местонахождения, следовательно, включает три компонента: локализованный предмет, предмет-ориентир и предикат, определяющий вид отношений между предметами. Ситуация локализации предмета может передаваться и полупредикативными оборотами с обстоятельственно-характеризующим значением, в которых показателем отношений между предметами выступает полное причастие. Например: *Направо был утес, налево пропасть такая, что целая деревушка осетин, живущих на дне ее, казалась гнездом ласточки.*

Кроме того, отношения в ситуации могут вообще не обозначаться отдельным знаменательным словом. Например: *Как только я проведал, что черкешенка у Григория Александровича, то... пошел к нему; Вдруг передо мной рытвина глубокая; Вы, верно, недавно на Кавказе?*

Ситуация местонахождения в повести Лермонтова отражена предложениями различной семантической сложности, в предикатное выражение которых входят глаголы разных лексико-семантических групп (АСГ). Прежде всего мы выделили конструкции (их очень немного), в которых локализация предмета представлена в чистом виде, без осложняющих «добавок», а средством вербализации отношений между предметами служит глагол *быть*. Например: *...в транспорте был офицер,*

молодой человек лет двадцати пяти;... передо мной был густой лес.

В большинстве же предложений ситуация местонахождения осложнена дополнительными смыслами, носителями которых и являются глаголы. По нашим наблюдениям, типовая семантика предложений местонахождения в повести Лермонтова осложнена информацией а) о локализованном предмете; б) о действии, каузирующем данное местонахождение.

Среди групп глаголов, участвующих в выражении окказиональных характеристик (т.е. признаков, проявляющихся лишь в конкретной ситуации) локализованного предмета, самой представленной оказалась АСГ бытия-существования в определенном времени и пространстве (см. [2]): *лежать / пролежать, сидеть, стоять, висеть, тянуться, расстилаться, торчать, жить, приютиться.*

Позиционные глаголы характеризуют статичное состояние предмета, положение в пространстве: горизонтальное (*лежать*), вертикальное (*стоять*), некое «промежуточное» между ними (*сидеть*). Например: *Он [Печорин] лежал в первой комнате на постели, положив одну руку под затылок, а в другой держа погасшую трубку; Бэла сидела на лежанке, повесив голову на грудь, а Григорий Александрович стоял перед нею; Мы сидели на углу бастиона...*

Однако, по наблюдениям Е. В. Рахилиной, «когда говорящий использует глагол *стоять*, он обращает внимание на функциональность объекта, и наоборот, в тех случаях, когда используется глагол *лежать*, объект как бы отделен от своей функции... Следовательно, для *стоять* важна такая ориентация объекта в пространстве, которая соответствует его функции, а для *лежать* — не просто и не обязательно горизонтальное расположение объекта, а такое положение, которое бы не соответствовало его функции» [1, с. 72]. Глагол же *сидеть*

передает прежде всего неизменность, фиксированность какого-либо состояния [1, с. 75–76].

Наш материал подтверждает справедливость высказанных положений. Ср.: *Бывало, на сто шагов отойдешь за вал, уж где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит* (не обязательно находится в «сидячем» положении, но обязательно «непрерывно»). Функциональная составляющая глагола *стоять* проявляется в следующих предложениях: *Крепость наша стояла на высоком месте* (т.е. функционировала как оборонительное сооружение); *...я лет десять стоял там [в Чечне] в крепости с ротою* (выполнял функции военного, командира). Предложения же с глаголом *лежать* осложняются такими компонентами значения, как 'бездеятельность', 'неподвижность', 'болезнь', 'умирание', причем это относится и к одушевленным предметам, и к предметам неживой природы. Например: *Когда дым рассеялся, на земле лежала раненая лошадь и возле нее Бэла; ...под нами лежала Койшаурская долина...* (большое неподвижное пространство); *...Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки облаков, а на вершине лежала черная туча...* (неподвижность, «бездеятельность» тучи ярче проявляется в сравнении с действующими, функционирующими объектами — курящейся Гуд-горой и ползущими струйками облаков).

Другие глаголы локативной семантики также осложнены дополнительными семами:

висеть — располагаться на чем-либо без опоры снизу, нарушая связь с тем объектом, на котором расположен (*Направо висели над нашими головами груды снега...; Месяц... готов был уж погрузиться в черные тучи, висящие на дальних вершинах*);

тянуться — располагаться узкой полосой, простираясь в длину (*...внизу Арагва...*

тянется серебряной нитью; ...[лес] тянулся до самого хребта гор; ...направо и налево гребни гор... тянулись...);

расстилаться — располагаться, занимая значительное пространство (*...дым... расстился вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться*);

торчать — располагаться, высовываясь, выпирая, выдаваясь из чего-либо (*По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни...*);

жить — располагаться, находиться в каком-либо месте, проявляя физическую и социальную активность (*Верст шесть от крепости жил один мирной князь*);

приютиться — вынужденно расположиться на небольшом пространстве, неудобно (*Нечего было делать, мы приютились у огня...*).

Окказиональные характеристики локализованного предмета передаются и глаголами ЛСГ прекращения бытия: *остановиться, оканчиваться, пропадать*. Например: *Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана* (т.е. расположились где-то, прекратив движение); *...поляна... оканчивалась лесом* (располагалась в определенных границах, достигнув предела); *...дорога... все поднималась и, наконец, пропадала в облаке* (располагалась где-то, совершенно, бесследно исчезнув из зрительного восприятия).

Кроме бытийных глаголов, для описания ситуации местонахождения Лермонтов активно использует глаголы качественного состояния, которые характеризуют локализованный предмет по цвету (*Налево чернело глубокое ущелье...; ...на его вершине [холма] чернелся каменный крест...; Месяц бледнел на западе...*), указывают на изменение его количественного признака (*Кругом ее могилы теперь разрослись кусты акации и бузины*), на физиологическое состояние (*...давно запряженные кони продрогли на*

снегу...), на проявление каких-либо качеств, которые воспринимаются зрением (*На темном небе начинали мелькать звезды...; Штабс-капитан указал мне пальцем на высокую гору, поднимавшуюся прямо против нас*).

В собранном материале активно также представлены предикаты, указывающие на действие локализованного предмета. Это прежде всего глаголы ЛСГ движения и звучания: *...на валу солдаты собрались в кучку...; ...кое-где на ней [поляне] ходили табуны; с другой [стороны] — бежала мелкая речка...; Посередине трещал огонек...; Я не знал, куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака; ...снег хрустел под ногами нашими*. Кроме того, действие предмета передают глаголы ЛСГ собирания (*Тут толпились шумно два десятка грузин и горцев...*), соединения (*...хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне...*), скрывания объекта (*Скоро каменный крест скрылся в тумане*) и некоторых других.

Мы уже отмечали, что типовая семантика предложений местонахождения может осложняться сообщением не только о локализованном предмете (его положении в пространстве, каком-либо действии, качестве, состоянии), но и о действии, каузирующем данное местонахождение.

Чаще всего этот дополнительный семантический признак вполне закономерно выражается глаголами ЛСГ помещения объекта. Например: *Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости; Саля была прилеплена одним боком к скале...; ...я заметил, что у него*

под бешметом надета кольчуга. Значительно реже используются глаголы принуждения (*велеть*), движения (*сползать*) и перемещения (*выталкивать*). Например: *Я велел положить чемодан свой в тележку...; ...туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда [в пропасти] по морщинам соседних скал...*

Нередко ситуация местонахождения передается двумя глаголами (в личной форме и в форме причастия), один из которых выражает окказиональные характеристики локализованного предмета, другой — описывает действие, каузирующее данное местонахождение. Например: *Посередине трещал огонек, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром из отверстия в крыше, расстился вокруг...*

Итак, для описания ситуации местонахождения Лермонтов использует полисемантические глаголы разных ЛСГ — бытия-существования в определенном времени и пространстве; прекращения действия, бытия, состояния; проявления цветового признака; проявления качества; физиологического состояния; движения; звучания; помещения объекта и некоторые другие, в которых значение локативности, как правило, оказывается периферийным.

Полагаем, что материал этого небольшого идеографического лингвистического исследования может быть использован и при обучении школьников анализу текста, и для формирования умения отбирать языковые средства для создания собственных высказываний.

Библиографический список

1. Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов: стоять, лежать, сидеть и висеть // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 69–80.
2. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты; под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. 576 с.

Ideographic research as the linguistic basis of speech development of schoolchildren

Key words: ideographic research, onomasiological research, teaching Russian language at school.

МУСТАКИМОВА ГАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА

старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Костанайского государственного педагогического института, доцент КГПИ, г. Костанай, Республика Казахстан

ВЕБ-СЕМИНАР КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ДИАЛОГОВОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам интерактивного образования в системе вузовского образования. Цель: рассмотрение веб-семинара как одну из активных форм диалогового обучения в вузе, Используемые формы и методы направлены на широкое взаимодействие студентов не только с преподавателем, но и активное взаимодействие между собой, что приводит к развитию дискуссий, аргументированным спорам, полезным для рассмотрения ключевых проблем учебной дисциплины.

Ключевые слова: диалог, интерактивное обучение, работа в группе.

Как известно, в основе «диалогового обучения» лежит диалог. В толковом словаре С.И. Ожегова дается такое определение диалога: «1) разговор между двумя лицами, обмен репликами; 2) переговоры, контакты между двумя сторонами» [1, с. 168].

В учебном процессе в вузе, как и в школьной практике, активно используется интерактивное обучение, диалог. Участниками его являются студенты и преподаватель, которые выступают как равноправные партнеры, общение-

дискуссия которых направлена на достижение того, о чём исследователь проблемы диалогового обучения Мерсер (2000) описал как «совместное приобретение знаний, или вовлеченность в процесс «обмена мыслями» [2, с. 459].

Учебный диалог, как отмечают многие исследователи, опытные преподаватели, занимающиеся разработкой этой проблемы, — это не только форма, но и способ отношений [3, с. 148]. Главное в нем не просто воспроизведение информации, а размышление,

обсуждение проблемы. В диалоге осуществляются важнейшие проявления человеческих отношений: взаимоуважение, взаимообогащение, сопереживание, сотворчество. Студент чувствует себя свободным в выражении мысли, высказывает свою точку зрения. Исходя из собственного опыта преподавания в вузе можно утверждать, что обмен мнениями, возникший диалог между участниками — студентами и преподавателем — помогает слушать и слышать друг друга, критически мыслить, оценивать наблюдения, делать выводы, дополнять своими идеями в процессе развёрнутого разговора. Диалог, в данном случае, является не просто дополняющим компонентом, например, обычного семинара, который проводится в аудитории, — его можно рассматривать как активный и важный компонент всего процесса обучения, повышающий внутреннюю мотивацию каждого участника диалога. Содержание данного приема в следующем: каждый студент получает свое задание, относящееся к общей теме. Студентам необходимо обсудить в группе, насколько его вопрос отражает содержание общей темы.

Веб-семинар представляет собой третий уровень «проявления» диалога — мультидиалог — множественный одновременный онлайн-диалог, который возникает при обсуждении проблем в малых группах по 5–10 человек. Он успешно проводится на базе компьютерной программы google hangouts. Так, на выпускном курсе студентов-филологов был проведен веб-семинар по теме: «Основные процессы развития литературного языка в XIX веке». Он начался с вступительного слова преподавателя и обсуждения вопроса «Становление норм русского литературного языка в классической литературе второй половины XIX века. Языковое новаторство писателей XIX в». Одна из студенток подчеркнула, что в рассматриваемый период интенсивно развивается язык художественной литературы, продолжает формироваться и

обновляется спектр образных средств художественной литературы. Эти тенденции связаны с именами крупнейших представителей «золотого века» русской литературы.

Участники семинара отметили разработку оригинальных приёмов создания сатирического и юмористического эффектов, которая нашла своё продолжение в прозе М.Е. Салтыкова-Щедрина. Многие слова и выражения из его произведений стали ходовыми: чего изволите; головотяпы; мякотельый интеллигент; эзоповский язык; писатель пописывает, а читатель почитывает; шкурный вопрос и др.

Каждый из участников диалога выделил традиции введения в литературную речь элементов народно-разговорного пласта лексики и фразеологии в творчестве Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, Л.Н. Толстой и др. Сделали вывод, что каждый из писателей вошёл в историю русского литературного языка со своим неопределимым вкладом — с поэтизацией прозы (И.С. Тургенев), с обогащением арсенала стихотворных размеров, новой демократической символикой, афористичностью (Н.А. Некрасов), с оригинальными способами синтаксического построения фразы, совмещающего подробную детализацию и обобщение (Л.Н. Толстой) и т.д.

Рассматривая аспект «Изменения в лексике и грамматике русского литературного языка 2-ой половины конца XIX в», студенты отметили, что развитие русского литературного языка во второй половине XIX века шло по пути обогащения словарного состава новыми русскими и заимствованными словами; в области грамматики отмечались тенденции к устранению дублетных форм, грамматических и произносительных вариантов; за отдельными из вариантов закреплялись особые стилистические функции. Наиболее существенные изменения коснулись лексического

состава русского литературного языка. Происходило активное пополнение терминологического пласта русской лексики, в частности за счёт слов-терминов из западноевропейских языков. Среди подобных заимствований преобладала лексика общественно-политического и экономического характера (акция, бюджет, дефицит, кредит, рента, агитация, буржуа, конспирация, пресса, социализм). Участники веб-семинара отметили, что в ходе анализа текстов писателей в сфере словообразовательных моделей чрезвычайно были распространены суффиксальные образования со словообразовательными формантами -изм-, -ист-, -ств-, -щин- (гуманизм, гуманист, байронизм, доктринёрство, западничество, обломовщина, хлестаковщина), префиксальные образования с приставками само-, анти-, псевдо- и др. (самодурство, самообман, антинаучный, псевдонародный), калькирование (жизнерадостный — lebensforoh, мирозозерцание — weltanschaweng), в том числе семантическое калькирование (гвоздь программы, сливки общества). Отмечено и употребление терминов в детерминологизированном значении (сумма впечатлений). В кругу литературной лексики выделены разговорные слова (беднота, голодовка, голытьба, выкрутасы, головотяп, заядлый, подхалим).

В ходе диалога участники онлайн-семинара сделали выводы, что изменения, произошедшие в этот период в грамматическом строе, не столь заметны, как в лексике. Отмечены такие, как уменьшение числа дублетных словоформ (вещьми — вещами, везть — везти и т.п.), стабилизация употребления предложений с нулевой связкой при именном сказуемом. Каждый из участников подобрал свои примеры из текста: именительный предикативный (типа «Я был свидетель») вытесняется творительным предикативным (типа «Я был свидетелем»). Приведены примеры изменений на синтаксическом уровне языка:

закрепление употреблений глаголов типа вечереть, смеркаться в безличном значении. В области сложного предложения отмечена тенденция к укреплению связи между предикативными частями, укрепляется роль союзов. Некоторые союзы уходят из активного употребления, устаревают (коль, ежели, кабы, поелику и др.).

По вопросу о роли писателей второй половины XIX века и языковом новаторстве писателей XIX в. каждый студент имел возможность высказать своё мнение, дополнить выступление других. Участники обсудили важные вопросы развития русского литературного языка, отметив, что в рассматриваемый период интенсивно развивается язык художественной литературы, продолжает формироваться и обновляться спектр образных средств языка. Эти тенденции связаны с именами крупнейших представителей русской литературы: М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.Н. Некрасова, Л.Н. Толстого и др. Каждый из выступающих проявил неподдельный интерес к обсуждаемому вопросу, продемонстрировал своё умение вести онлайн-дискуссию.

В центре данной формы работы был именно диалог. Преподаватель, ведущий веб-семинар, также являлся одним из его участников, собеседником, который не указывал на то, что было сказано правильно, а что неправильно, студенты самостоятельно делали выводы, осмысливали результаты работы, высказывали доводы в пользу определённой точки зрения, аргументировали, слушали друг друга и, обсуждали то или иное мнение и, в конечном итоге, пришли к определенным выводам. В целом, можно сделать вывод, что диалоговое обучение очень позитивно влияет на студентов. Для преподавателя такая форма общения со студентами, как веб-семинар — своеобразный инструмент, с помощью которого можно осуществлять управление процессом обучения, а также возможность

ориентировать студентов в нужном направлении при поиске информации и выполнении заданий, возможность наблюдения за восприятием изучаемого материала, которое проявляется не только через анализ, наблюдение, но и в процессе рефлексии — в процессе написания эссе, выполнения творческой работы в ходе итогового контроля. Исследователь Г.А. Писарева, характеризуя роль преподавателя при диалоговом обучении, выделяет такие важные критерии, как: «постановка целей и их максимальное уточнение; строгая ориентация всего хода взаимодействия на заданные цели; ориентация хода диалога на гарантированное достижение

результатов; оценка текущих результатов, коррекция обучения, направленная на достижение поставленных целей в процессе урока; заключительная оценка результатов — рефлексия» [4; 3]. Как показывает опыт, в то же время, объединение диалогового обучения и групповых форм работы позволяют добиться значительных результатов, открывает студентам широкие возможности интерпретации художественного текста, вариативной мотивации языковых явлений, демонстрирует положительные стороны коллективного сотрудничества, сотворчества.

Библиографический список

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.
2. Мерсер С. Развивающее обучение в старшей средней школе // М. Хидигард и Дж. Ломпшер. Обучающая деятельность и развитие. Оксфорд: Аахус Университи Пресс, 2000. 459 с.
3. Белова С.В. Диалог – основа профессии педагога: учебно-метод. пособие. М.: АПКПРО, 2002. 148 с.
4. Писарева Г. А. Диалоговые технологии обучения студентов. – М., 2008.
5. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования – //Под редакцией Е.С. Полат. – М.: Академия, -272 с.

Web seminar as one of forms of dialogue training in high school

Key words: dialog, interactive training, group work.

СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

ИВАНЕНКО ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ОСКОРБЛЕНИЕ КАК ПОЛИДИСКУРСИВНЫЙ И ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Аннотация. В материале рассматривается содержание понятия оскорбление в современной лингвоэкспертной практике, вскрываются различные подходы к нему, выражается представление о его понимании в рамках компетенции лингвиста.

Ключевые слова: оскорбление, лингвистическая экспертиза, дискурс.

На настоящий момент в теории и практике лингвоэкспертологии остаются актуальными вопросы методологии исследования конфликтных речевых произведений, рассматриваемых на предмет наличия оскорбления. Квалификация речевого деяния невозможна без осознания его дифференциальных признаков. Однако наполнение понятия оскорбление нетождественными смыслами приводит к выводу о его полифункциональной и полидискурсивной природе, что

необходимо учитывать в лингвоэкспертной деятельности.

В сфере межличностного взаимодействия оскорбление обозначает и коммуникативную ситуацию понижения одним лицом другого в статусе, и выражение крайне негативного отношения к кому-либо, и чувство, испытываемое объектом агрессивной речи или негативной оценки — широкую гамму речевых и неречевых действий и состояний как проявления человеческих взаимоотношений.

В лингвистике оскорбление называют жанром, речевым актом, коммуникативным действием. Понятие приобретает статус термина.

В юриспруденции **оскорбление** — правовая квалификация, которая определяет основное содержание нескольких правовых норм: 6.51 КоАП (ст. 130 УК РФ «Оскорбление») декриминализована; на настоящий момент оскорбление образует состав административного правонарушения), 319 УК РФ (оскорбление представителя власти), 297 УК РФ (неуважение к суду), 336 УК РФ (оскорбление военнослужащего), упоминание об оскорблении на определенных основаниях присутствует в законодательных актах антиэкстремистского законодательства (ст. 282 УК РФ). Ко всем видам оскорбления применяется определение, содержащееся ранее в ст.130 УК РФ, а затем перенесенное в 6.51 КоАП: «оскорбление — умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме».

Из приведенного перечня функционирования номинации оскорбление следует, что она употребляется в следующих дискурсах: разговорно-бытовом, психологическом, лингвистическом, правовом. При этом словесное обозначение меняет свой статус, эволюционируя от номинации понятия через термин к правовой квалификации. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что в различных предметных сферах оскорбление имеет различные признаки, описывается средствами различных метаязыковых систем, номинирует различные явления реальной действительности. Оскорбление в психологическом аспекте, например, уход невесты со свадьбы, не будет считаться таковым в юридическом.

Остановимся на оскорблении как понятии научного лингвистического дискурса. В лингвоэкспертной практике важно определить границы компетенции

специалиста. В настоящем случае это сделать особенно трудно, поскольку филология давно вышла на уровень межпредметного взаимодействия такими своими направлениями, как лингвоконфликтология, психоллингвистика, юрислингвистика. И все же лингвистический анализ, устанавливая различные предметные связи, должен опираться на собственную методологию. Для исследования оскорбления в рамках лингвистического дискурса есть смысл использовать отдельное понятие, например, инвектива, уже давно функционирующее как обозначение агрессивно-воздействующего речевого акта [2; 4].

В ходе инвективного воздействия одно лицо адресуется другому **негативный речевой посыл**, направленный:

- 1) на его психологическую дестабилизацию и /или
- 2) на понижение статуса адресата в глазах окружающих.

На инвективный речевой акт можно посмотреть с двух ракурсов: отправителя и получателя речи. По прагматическому коммуникативному результату инвектива — нанесение удара по психике человека, речевое ранение, а возможно, и убийство. **Сущность же этого удара для потерпевшего** заключается, во-первых, в восприятии крайне негативной характеристики или отношения коммуниканта, во-вторых, в неспособности продолжать общение (защитить себя, вступить в спор) и разрешить конфликт, выведенный оскорбителем за границу нормальных, не табуированных форм и средств воплощения. В случае публичного оскорбления дополнительной причиной психологического дискомфорта является осознание публичного понижения в статусе.

Однако следует учитывать, что интенция адресата и коммуникативный эффект могут не совпадать. Оскорбление может быть интенционально запрограммировано и не запрограммировано. **Ненамеренное**

оскорбление может быть результатом:

- 1) различных коммуникативных кодов, отражающих нетождественность культурной нормы а) этнического б) возрастного в) гендерного г) социально-образовательного уровней;
- 2) несовпадения ситуативной трактовки состояния и интенций коммуникантов.

Далеко не всегда интенция декодируется, но возможность извлечения информации о прагматической направленности речевого акта в результате рассмотрения всех лингвистических и связанных с ними экстралингвистических факторов возможна.

Итак, в рамках только лингвистического дискурса инвектива — это речевой акт, речевое воздействие и результат речевого воздействия. Подход к событию с разных ракурсов обуславливает его различную квалификацию. Так, речевое воздействие, прогнозируемое адресантом как жанр упрека / понуждения / энергетической разрядки может быть интерпретировано адресатом как инвектива. Третья сторона — лингвист охарактеризует речевой акт, приняв заявленную позицию адресата или адресанта, притом неизвестно, совпадают ли декларируемые сторонами намерение и эффект реальным. Лингвист имеет возможность объективировать результаты своего анализа, изучив контекст, учитывая дискурс, реакции коммуникантов, опираясь на квалификацию языковых средств как нормативных/ ненормативных.

Библиографические источники

1. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М: Либроком, 2012.
2. Жельвис В.И. Слово и дело: Юридический аспект сквернословия / Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194-206.
3. Иваненко Г.С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. Челябинск, 2006.
4. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дисс. ... к. фил. н. Волгоград, 2004.
5. Стернин И.А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Антропотекст-1. Томск, 2006.
6. Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-308 (дата обращения: 19.12.2015).

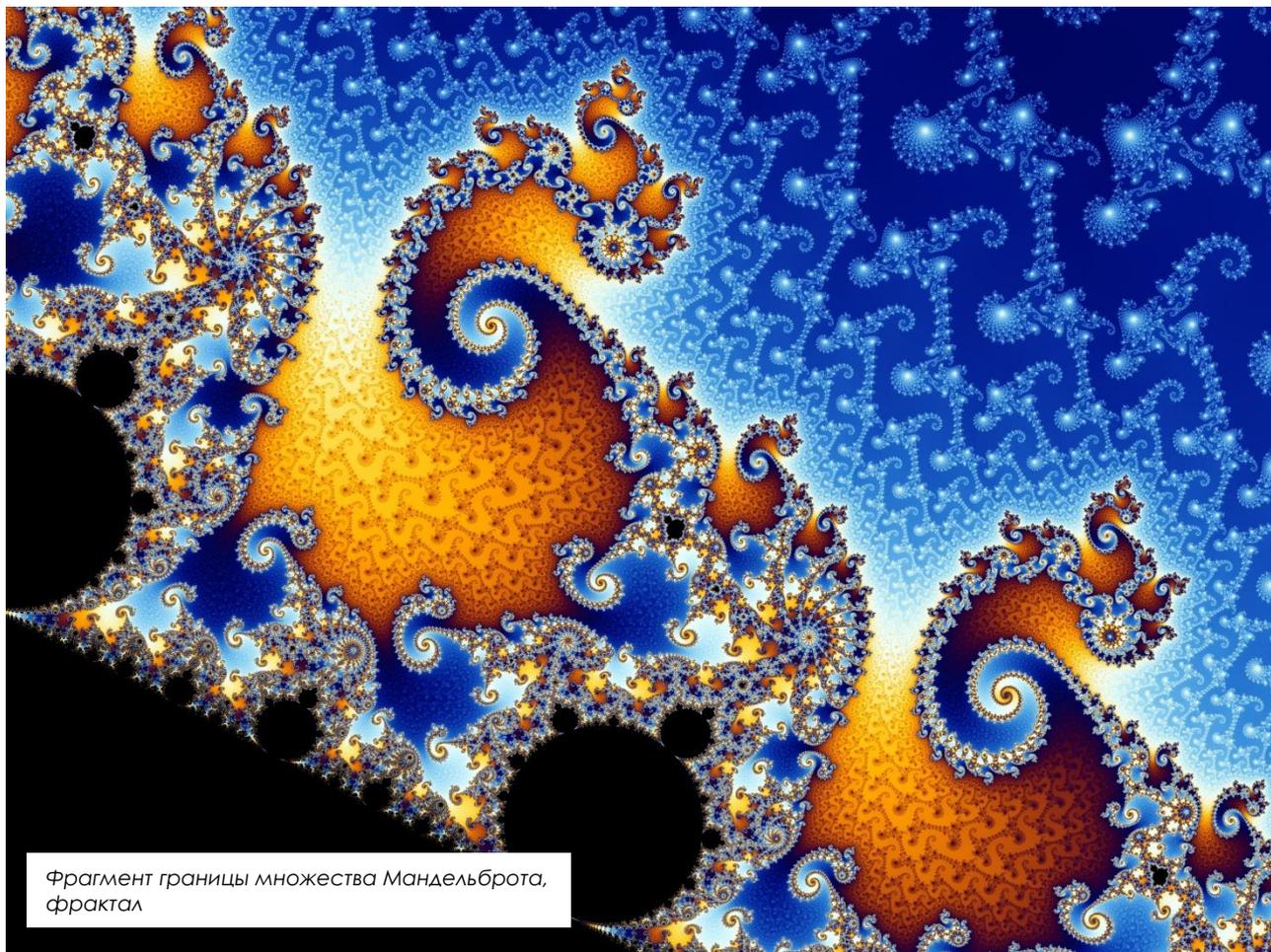
На настоящий момент в лингвоэкспертной теории и практике существуют различные взгляды на соотношение инвективы как явления коммуникативного уровня и оскорбления как правовой квалификации. Формально-стилистический подход [5] противопоставлен лингвокоммуникативному [1; 3]. Высказывается мнение о тождественности понятия «неприличная форма» из законодательного определения понятию нецензурная лексика [6]. Подобное отождествление представляется неоправданным. В лингвистике отсутствует характеристика «неприличный» как термин и как лексикографическая помета. Многочисленные определения понятия «неприличный» в толковых и философских словарях трактуют его как указание на нарушение норм, принятых в обществе, то есть относят его к категориям этико-культурного порядка. Исходя из такого лингвокоммуникативного подхода к оскорблению, в лингвистическом исследовании высказывания на предмет его оскорбительности следует не ограничиваться обращением к стилистическим пометам в словарях, а анализировать весь речевой акт, с выходом в дискурс, контекст, включая ситуативный контекст. Только в таком случае появится возможность увидеть инвективное произведение речи с различных ракурсов, что будет способствовать установлению судом правового статуса рассматриваемого явления.

Insult as polydiscourse and polyfunctional phenomenon

Key words: insult, linguistic expertise, discourse.

ОМЕЛЬЧЕНКО ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

**ФРАКТАЛЬНОСТЬ КАК ФАСЦИНАТИВНОЕ СРЕДСТВО
(НА ПРИМЕРЕ ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО)**

Фрагмент границы множества Мандельброта, фрактал

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть фрактальность как универсальное fascinativное явление. Для этого проводятся параллели между феноменом fascinativности и фрактальностью в семиотическом аспекте. В ходе анализа поэтического текста (стихотворение И. Бродского) автор рассматривает ритмизацию и многоуровневую повторяемость как базовый параметр фрактальности, обуславливающий самоподобие, гиперболизацию — в реализации динамики языковой системы и наращении смысла текста, метафоризацию — в выстраивании текстового орнамента.

Ключевые слова: воздейственность, fascinativность, фрактальность, ритмизация, гиперболизация, метафоризация.

Настоящий период развития гуманитарного знания характеризуется синтезом наук, появлением феноменов, объяснение которых требует усилий психологов, гуманитариев, представителей естественных и технических наук. Таковой является fascinativность как воздействующий процесс, как нейрофизиологическое

явление, обуславливающее эффективную коммуникацию в широком смысле этого термина. В рамках исследования fascinativности в речевоздействующем аспекте приобретает значимость оценка данного явления в сопряжении с дискурсивными событиями, текстовыми закономерностями, в ракурсе прямой и

непрямой коммуникации, интерпретируемости языковых высказываний в русле антропоцентризма и проявлений языковой личности. На наш взгляд, исследование взаимосвязи фасцинации с феноменом фрактальности может быть продуктивным для углубления интенциональных характеристик текста, его имманентных свойств и особенностей в плане реализации волюнтаривной функции коммуникации.

Определим современные подходы к дефинициям «фрактал», «фрактальный».

Исходя из сущности самого явления, можно отметить, что в основе фрактальности, как ее определил Б. Мандельброт, лежит понятие самоподобия — подобия элементов множества всему множеству [2]. От математического представления следует двигаться к гуманитарно-культурологическому, принимая во внимание некоторые общие свойства фрактала. Прорывом в теории фрактальности стала монография В.В. Тарасенко «Фрактальная семиотика: слепые пятна, перипетии и узнавания», в которой фрактал представлен как знак, а фрактальность связана с семиотикой [13].

Выделим моменты и подчеркнем позиции, необходимые для исследования:

- фрактальность не основана на факторе внешней среды, она мыслится как закрытая система, характеризующаяся самоиндуцированием, самодвижением;
- фрактальность субъектно-объектное явление в силу того, что собственно субъективное и является движущей силой развития системы;
- фрактал воспринимается как некий «зародыш» — носитель информации и представитель системы, в котором аккумулируется предельно сжатое сообщение, что обуславливает энергетический потенциал системы;
- фрактал не визуализируется, он «локализуется» в форму, которая не зависит от внешнего, объективного влияния (более того, подчас диктует внешней среде некие идеальные параметры, пополняя единичные случаи доминирования надстройки над базисом в философском смысле);
- фрактальность — ментальное абстрактное понятие, но она может быть интерпретирована. Фрактал обладает коммуникативными параметрами — обратной связью и рефлексивностью. Семиотический фрактал, с точки зрения В. Волошинова, это осмысление одного и того же по-разному.

В. Волошинов назвал фрактал «генератором смысла», ему свойственна особая форма симметрии [5].

Исследования фрактала связаны с открытиями Ю.М. Лотмана в области семиосферы. Так называемая «роза» или «цветок Лотмана» — это визуализация процесса прочтения авторского текста в социально-историческом контексте. Каждое обращение к тексту, продиктованное фасцинацией, наращивает смысл посредством интерпретации его читателем. В этом процессе можно проследить появление фракталов.

Н.С. Олизько предлагает концептуальное фрактальное моделирование и рассматривает фрактал как форму организации концепта. С точки зрения автора, фрактал как когнитивное явление характеризуется визуализацией, имманентной динамикой, незавершенностью [8].

На наш взгляд, эти свойства вполне могут быть отнесены к характеристикам творческого процесса, в котором фасцинативные сигналы играют определяющую роль.

В исследовании фрактальности в гуманитарном направлении огромный

вклад вносят работы С.А. Хахаловой о процессах метафорообразования [14], Е.Г. Веденевой о создании модели «метафорического дерева» [4], Е.Л. Орловой об изучении фрактальной природы метафоры [10], Г.Г. Москальчук о тексте как природном объекте в приложении к нему исследовательского аппарата фрактальной геометрии [7], О.Я. Палкевич о парадоксе как фрактале [11], проецирующемся в восприятии адресата, С.М. Плотниковой о фрактальном дискурсе [12]. Вышеперечисленные исследования представляются как инновационные и весьма перспективные в плане углубления теории коммуникации.

Определим общие моменты теории фасцинации и фрактальности.

В монографии В.В. Тарасенко фрактальность определяется как часть целого, которая структурируется подобно каждой другой части и всему целому. Фрактал представлен как «зародыш», алгоритм развития, носитель информации. Фрактальность процессуальна [13].

Говоря о «трансвом прилипании», автор, очевидно, имеет в виду состояние захваченности, эмоционального кружения (здесь возникает ассоциация с орнаментом фрактала), которое определяет суть фасцинации [13, с. 140]. Аналогично, как и фасцинация вызывает мощнейший резонанс (отклик) в сознании адресата, фрактальность раскачивает восприятие до катарсиса [13, с. 155]. Обратим внимание на то, что автор подчеркивает необходимость совершенствования модели коммуникации для понимания механизмов фрактальности.

На наш взгляд, модель коммуникации с фасцинативной составляющей позволяет объяснить некоторые явления и процессы, связанные с восприятием и пониманием фрактальности [9, с. 107]. Информационно-фасцинативное (эмоциональное, эмпатическое)

воздействие, осуществляемое адресатом бессознательно или сознательно (стратегически) позволяет преодолеть барьеры коммуникации. Более того, ввести адресата в состояние повышенного внимания, некоей замороженности, того самого «транса». В ответ на это воздействие возникает, по нашему определению, информационно-фасцинативный отклик. Материальным, объективно-субъективным параметром эффективности коммуникации служит резонанс, возникающий в свою очередь в ходе автокоммуникации.

Ю.М. Лотман, разрабатывая идею двух типов культур, определил их как культуру, ориентированную на репродуктивный уровень восприятия, и культуру, в которой дополнительную роль играет автокоммуникация, порождаемая информацией, фасцинативной для адресата (мотивирующей, воздействующей, аттрактивной). Это значимый момент изменения позиции адресата в коммуникации — от объекта воздействия до активного субъекта творческого процесса — «точка слияния», катарсиса, пик волны вдохновения и творчества.

На этот момент приходится экстернизация внутренней речи (по Л.С. Выготскому), развитие диалога (по М.М. Бахтину). Результатом данного этапа является текст (устный / письменный) как продукт личностного дискурса. Весь этот период, означенный как автокоммуникация, постоянен, константен, волнообразен, сквозной характеристикой может служить появление непрямого коммуникативного знака творческого варьирования, интерпретации языковой личностью информации адресанта. Вероятно, это может быть определено языком теории фракталов — «изменение восприятия для понимания нового знака» [13, с. 152]. Это означает новый этап смыслообразования, к которому и приводит автокоммуникация. Во фрактальной семиотике, согласно В.В. Тарасенко, знак возникает «на переломе событий» (то есть

на пике фасцинативного воздействия) в процессе рекурсивного узнавания вещей наблюдателем.

В ходе информационно-фасцинативного воздействия слушатель принимает информацию в зависимости от пресуппозиций, фоновых знаний, мотивации, барьеры коммуникации могут быть устранены, благодаря фасцинативным средствам и приемам. В состоянии «транса удивления» или будучи затянутым в «фасцинативную воронку» (что отнюдь не лишает личность «самостоянья» а, наоборот, индуцирует творческий потенциал), «творец» (ставший автором текста как материализации, вербализации информационно-фасцинативного отклика) не только способен к узнаванию и пониманию информации (знака, сообщения, высказывания) в потоке прямой (непрямой) коммуникации, но и «спровоцирован» на создание нового смысла.

В.В. Тарасенко определяет этот процесс как особый тип коммуникации. Продолжим — вероятно, это тип коммуникации с фасцинативной составляющей.

Если можно определить цель и направленность результативной коммуникации как индуцирование творческой самостоятельности адресата (слушателя), то в коммуникативном аспекте, аспекте сложной, динамически постоянной, бесконечной «обратной связи» фрактального процесса «задача автора индуцировать у читателя сходное «творческое блуждание». И далее: фрактальная концепция коммуникации — это некий искусственный тип культуры, суть которой в смыслопорождении в диалоге. Сравним: коммуникация с фасцинативной составляющей стратегична в дискурсе (когнитивно спланирована), сутью ее является эффективность восприятия информации, соединенной с фасцинацией для достижения информационно-фасцинативного отклика (создания нового смысла) адресатом.

Базовым принципом функционирования модели коммуникации является диалогичность.

Если фрактальность рекурсивна, то фасцинация воздействует вкуче с информацией и вызывает реакцию слушателя, обеспечивая эмпатичность, диалогическую гармонизацию.

Вышесказанное сходство свидетельствует, на наш взгляд, о сущностной оригинальности и одновременно «генетическом» родстве исследуемых явлений.

Это своего рода доказательная база, позволяющая сравнить фрактальность и фасцинацию, рассмотреть фрактальность как одно из ярких проявлений фасцинации. Нами сделана попытка представить это многомерное явление как стратегический процесс в ракурсе сознательного / бессознательного / подсознательного. На наш взгляд, фрактальность как фасцинативное явление может быть исследовано в тексте с некоторой долей научной абстракции.

В качестве анализируемого образца избран текст стихотворения И. Бродского «Одиночество» [3].

Анализ текста (поэтического дискурса) позволяет выявить ряд повторений, синтаксически организованных по единой модели.

Когда теряет равновесие...
Когда ступени этой лестницы уходят из-под ног...
Когда плюет на человечество твое ночное одиночество...

Это временные придаточные в сложноподчиненном предложении с главной частью «ты можешь размышлять о вечном и сомневаться...».

Моменты повторяемости имеют ритмическую семантическую значимость, акцентируют внимание на смысле высказывания.

Обратим внимание на содержание придаточных частей — это образное указание на время, место пребывания и одновременно состояние лирического героя, таким образом реализуется хронотоп текста.

Повторяемость присутствует и во второй части стиха:

... лучше поклоняться данности

Да. Лучше поклоняться данности...

Да. Лучше поклоняться данности...

Слово-предложение «Да», на наш взгляд, является вербализованным знаком рефлексии (экстериоризации внутренней речи), отголоском внутреннего диалога лирического героя. Это значимый момент, который усиливает семантическую роль повторяемости, делая ее абсолютной. Если первый ряд повторений варьируется, то второй — грамматически и стилистически инвариантен.

Ритмизация, следовательно, определяет и внешнюю организацию, и внутреннюю — семантическую, содержательную — структуру текста. Цикличности внутри текста подвержены главные содержательно-идейные компоненты, передающие авторскую интенцию. При этом обратим внимание, что с логической позиции данные высказывания являют собой парадокс.

О.Я. Палкевич определяет парадокс как фрактал, проецирующийся в восприятие, обуславливающий актуализацию и осознание адресатом информации [11].

Фрагменты текста здесь самоподобны, повторяются через определенный промежуток, ритмизированы, создают текстовый орнамент, обладают семантической, когнитивной, синергетической (есть возможность определить эти фрагменты как аттракторы текста) и обращают нас к языковой личности самого автора, особенностям его идиостиля.

Ритмизации подвергается и описательный момент текста:

[дороги] покажутся тебе широкими...

*покажутся большими пыльными,
Усеянными компромиссами,
Покажутся большими крыльями.
Покажутся большими птицами.*

Повторяющийся эпитет «большими» создает эффект пространственности, объемности, неизмеримости. Часть текста в данном случае подобна целому.

Итак, принимая парадокс за фрактал, учитывая повторяемость важнейших смысловых отрезков текста, можно предположить, что ритмизация касается смыслового ядра произведения, здесь находится «сгусток информации», которая должна дойти до слушателя. Источником повторяемости служит рефлексия автора. Более того, смысл текста переструктурирует сознание слушателя, воздействует на него, хотя в сути бессюжетен и бессобытиен. Фасцинирующий компонент диктует многократность обращений читателя к тексту для дальнейшего понимания и интерпретации. Читатель испытывает удивление, восхищение, его захватывает образность и точность передаваемых духовных истин, которые постигает лирический герой: от неба — к земле, от гордыни — к пониманию и прощению, от сложности — к простоте.

Ритмизация усиливает понимание читателя, завораживает, захватывает. Содержание инициирует рефлексию, возникающая автокоммуникация адресата (резонанс) обуславливают возникновение новых смыслов — бесконечность текста.

На наш взгляд, в тексте имеется вербализованный «стимул» нарастающей ответственности стиха. Это гипербола, представляющая собой ряд контекстуальных синонимов.

*... и сомневаться в непорочности идей,
гипотез,
восприятия произведения искусства
и кстати — самого зачатия. Мадонной
сына Иисуса.*

Гипербола способствует декодированию смысла мироздания.

Так, в языковом измерении передана глобальность самой идеи, переходящей в духовное открытие. Наблюдается своего рода энергетическая, волновая передача и усиление смысла от одной языковой единицы к другой.

Вероятно, гиперболизация как прием дает внутренний толчок и обеспечивает развитие все новых и новых витков фрактальности.

Метафоризация способствует созданию текстового орнамента, и является фaszинативным средством, позволяющим эмпатически воспринимать информацию. Индивидуально-авторские метафоры в тексте: *теряет равновесие твое сознание усталое; дороги... усеянные компромиссами...; лучше поклоняться данности с убогими ее мерилami, которые потом до крайности послужат для тебя мерилami (хотя и не особо чистыми)...*

Развернутая метафора, завершающая стих, на наш взгляд не требует анализа, самодостаточна. В этом высказывании начало стиха получает зеркальное отражение.

Повторяемость здесь приобретает смысловую наполненность: чтобы удержаться, нужно опираться на перила — некоторые истины могут не быть

абсолютными, а остаются хромающими, т.е. определяются множеством жизненных обстоятельств.

В силу этого и развивается духовная сущность слушателя — он не находится во власти приказа, настоятельного совета, догмы, а склонен к духовному развитию, самоанализу, самостоятельной проверке абстрактных истин. Фрактальность, в свою очередь, — это воздействующий на слушателя фактор. В исследуемом тексте именно она генерирует новые смыслы и представляет собой модель, которая является уменьшенной копией целого (повторяющиеся высказывания), особой формой симметрии [8]. В данном случае симметрия проявляется в лексико-грамматической повторяемости и структурно-семантическом «отзеркаливании» в начале и завершении стиха. С точки зрения интерпретации смысла, текст представляет собой «вечноразвивающуюся сущность» [1], в нем имеются самоподобные (повторяющиеся), динамические (гиперболизация), эмоционально-рефлексивные (метафоризация) структуры. Ритмизация, повторяемость, гиперболизация, метафоризация включены в диалоговую коммуникацию, являются средством фaszинации и обуславливают фрактальность текста.

Библиографический список

1. Белозерова Н.Н. Можно ли поверить дискурс фракталом? [Электронный ресурс]. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No16/text01.htm> (дата обращения: 11.08.2014).
2. Бенуа Б. Мандельброт Фрактальная геометрия природы = The Fractal Geometry of Nature. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. С. 656.
3. Бродский И. Одиночество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/1/br/21.htm> (дата обращения: 02.12.2015).
4. Веденова В.Г. Архетипы коллективного бессознательного и формирование теоретической науки // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве; сост. и отв. ред. Копчик В.А. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 263-273.
5. Волошинов А.В. Об эстетике фракталов и фрактальности искусства // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве; сост. и отв. ред. Копчик В.А. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 213-246.
6. Копчик В.А. Синергетическая семиотика и композиционная симметрия в поэзии Пушкина: опыт естественнонаучного прочтения // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве; сост. и отв. ред. Копчик В.А. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 191-212.
7. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М.: УРСС, 2003. 296 с.
8. Олизько Н.С. Концептуальное фрактальное моделирование // Вестник Челябинского государственного университета, 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 158-161.

9. Омельченко Е.В. Приращение смысла концепта в структуре коммуникации с фасцинирующей составляющей [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 106-108. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_9-2_29.pdf (дата обращения: 14.01.2016).
10. Орлова Е.А. Фрактальная природа метафоры // Вестник ИГЛУ, 2011 Вып. № 4 (16).
11. Палкевич О.Я. Парадокс как фрактал // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. Вып. N 3. Т. 7.
12. Плотникова С.Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие // Вестник ИГЛУ, 2011. Вып. 3 (15).
13. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: слепые пятна, перипетии и узнавания. М.: Либроком, 2009. 232 с.
14. Хахалова С.А. Возможности применения дискретной фрактальной парадигмы в исследованиях по метафоре // Вестник ИГЛУ. Серия Филология, 2008. №4. с. 96-101.

Fractal as a means of fascination (at the example of I. Brodsky's poetry)

Key words: impact, fascination, fractalness, rhythmization, amplification, metaphorization.

ГОЛУБЕВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА

магистрант Челябинского государственного педагогического университета, г. Миасс, Россия

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПРИЗНАКА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается семантика фразеологизмов, употребленных в рекламных воздействующих текстах. Рассматривается качественная характеристика признака, его преломления смыслов и отражение предметных.

Ключевые слова: фразеологизмы, качественная характеристика, рекламный текст.

Актуальность избранной проблемы аргументируется антропоцентрической парадигмой, которая актуализируется во всех научных исследованиях современности, в том числе, и в лингвистических, то есть определяется «переходом от анализа языка как системы знаков к анализу функционирования этой системы в речевом общении» [1, с. 88].

В настоящей статье, вслед за Т.Е. Помыкаловой, под фразеологизмом признака понимаются «такие единицы фразеосемантического представления языка, которые категориально выражают **качественную характеристику**

предметных субстанций. Семантически они обозначают содержательное («понимаемое») свойство, которое актуализировано требованием содержательных ведущих значений предметности, воспроизводимы национальным языковым сознанием в идеальном языке как необходимые качественные характеристики, реализуемы в речетекстовом употреблении как содержательные признаки реалий (конкретных и абстрактных). Эти единицы в языке представлены структурно изменяемыми и неизменяемыми референциями, монофункциональны

синтагматически, т.е. проявляют синтаксическую атрибутивную или предикативную характерологичность одного члена предложения, ассиметричную структурной многокомпонентности, и семантически квалифицируются адъективными именами как базовыми квалификаторами» [3, С. 134].

Основополагающим термином в работе является также термин «текст». В современном языкознании «основные трактовки термина «текст» подчеркивают **знаковый**, а, следовательно, коммуникативный его характер, и, зачастую, не содержат указание на сугубо лингвистическую природу текста. Так, Ролан Барт, говоря о тексте, подчеркивает, что «текст есть ткань, текст создается, вырабатывается путем нескончаемого плетения множества нитей» [5].

Представляемая статья опирается на анализ фразеологизмов признака авторской картотеки, которая на сегодняшний день включает около 100 единиц, более чем в 130 употреблениях. Это фразеологические единицы и каждый вкус неповторим; от сердца; от души; для вас; (что-либо) ярких эмоций; полезный (-ая; -ые; полезен, -а; -ы) для (вашего) здоровья (для (вашего) здоровья полезный (-ая; -ые; полезен, -а; -ы); (что-либо) сказочно нежный (-ая; -ые); вредит (вашему) здоровью; из первых рук и др. Федеральное агентство по рыболовству предупреждает: рыба **полезна для вашего здоровья!** (ТВ, Миасс, канал «Охота и рыбалка», 30 сентября, 2013 г., 14:10). Россия — щедрая душа. В шоколаде «Россия» мы вкладываем всю душу. Шоколад «Россия» — **от сердца, от души, для вас**. Теперь и цена ниже (ТВ, Челябинск. Канал «Перец», 28 сентября, 2013, 18.10). Батончики «Марс» — вкус к жизни. «Марс» — **всё будет в шоколаде!** (ТВ, Миасс, реклама на канале ТНТ, перерыв сериала «Интерны», 26 сентября, 2013 г., 21:15).

Первоначальный анализ материала собранной авторской картотеки показал, что наиболее представленным

объединением фразеологизмов признака в рекламном тексте продуктов являются единицы, составившие **группу «Фразеологизмы признака, номинирующие характеристику какого-либо вещества»**. В частности, первой группой называем единицы объединения фразеологизмов, номинирующих какое-либо вещество: группу единиц, характеризующих молочные продукты. Эта группа включает несколько **подгрупп**, в каждой из которых анализируются фразеологизмы, непосредственно называющие характеристику продукта, а также текстовые единицы, которые участвуют в атрибутировании опосредованно.

Например, **Первая подгруппа «Фразеологизмы признака, характеризующие Йогурты разных фирм»**.

В авторской картотеке выявлен фразеологизм признака вкус удовольствия (относим его к единицам признака, так как он зафиксирован в указанной падежной форме). Представляемая единица соотносится со словосочетанием Йогурт «Даниссимо», центральным компонентом которого является существительное йогурт («молочное вещество»): семантическая группа «Молочные продукты», подгруппа «Молочное вещество». Фразеологизм в обнаруженном рекламном тексте является именной частью составного именного сказуемого. Содержание фразеологизма интерпретируем следующим образом: вкус удовольствия — «приятный, нежный, вкусный». «Даниссимо» — это настоящее молочное удовольствие, манящий и тающий во рту. Йогурт «Даниссимо» — **вкус удовольствия!** (ТВ, Миасс, реклама на 1 канале, перерыв программы «Новости на первом», 23 сентября, 2013, 18:30). Структура анализируемого фразеологизма представляет собой словосочетание, состоящее из двух компонентов — бывших знаменательных слов: имен существительных. Формула структуры такова: «имя существительное + имя существительное в форме Родительного падежа». Семантику анализируемого

фразеологизма классифицируем как **сверхположительную**.

Фразеологическая единица признака *и каждый вкус неповторим* также, как показывает анализ материала, характеризует определяемое слово — существительное, относящееся к семантической группе «Какое-либо вещество». В обнаруженном рекламном тексте указанная единица признака номинирует имя существительное *кофе*. С точки зрения синтаксической структуры выявленный фразеологизм представляет собой простое предложение: полная структура фразеологизма — *(и) (каждый) вкус неповторим*. Компоненты *(и) (каждый)* — факультативны, т.е. могут входить в структуру фразеологизма, а могут отсутствовать. Наиболее частотна структура — *вкус неповторим*. Содержание анализируемой единицы интерпретируем через следующие квалификаторы: *и каждый вкус неповторим* — «незабываемо, вкусно, чрезвычайно приятно». Семантика передается словом категории состояния. Фразеологизм с **положительной** семантикой. *Вы и не представляли, что кофе может быть таким разным. «Кофе Жардин» — и каждый вкус неповторим!* (ТВ, Миасс, реклама на первом канале, перерыв программы «Новости на первом», 23 сентября 2013, 18:35).

Фразеологическая единица признака *вкус настроения*, как показывает анализ материала, характеризует определяемое слово — существительное, относящееся к семантической группе «Вещество», подгруппе «Напитки». В обнаруженном рекламном тексте указанная единица признака номинирует имя существительное *чай*, которое входит в конструкцию «*Чай Липтон АйсТи*». Фразеологизм в обнаруженном рекламном тексте является именной частью составного именного сказуемого. Структура анализируемого фразеологизма представляет собой словосочетание, состоящее из двух

компонентов — бывших знаменательных слов: имен существительных. Формула структуры: «имя существительное + имя существительное в форме Родительного падежа». Семантику данного фразеологизма передаем как **положительную**. Содержание фразеологизма интерпретируем следующим образом: *вкус настроения* — «рождающий жизнерадостность, приносящий удовольствие». *Лучшее в чае, лучшее во мне. «Чай Липтон АйсТи» — вкус настроения!* (ТВ, Миасс, реклама на канале СТС, перерыв телесериала «Вороныны», 24 сентября 2013, 19:05).

Фразеологическая единица признака *жизнь непрерывна (модель жизнь (какова) — прекрасна; бесконечна и др.)*. Как показывает анализ материала, указанная единица признака номинирует имя существительное *чай*. Фразеологизм представляет собой структуру двусоставного предложения, семантика которого передается словом категории состояния. Фразеологизм включен в рекламный дискурс и характеризует чай «Гринфилд» опосредованно, выражая оценку ситуации, которая подчеркивается содержанием названного фразеологического знака со сверхположительной семантикой. Содержание фразеологизма интерпретируем следующим образом: *жизнь непрерывна* — «неизменно, нескончаемо, вечно». *Жизнь не делится «на было и стало».* **Жизнь непрерывна** и этим хороша. *Чай «Гринфилд» — Гармония внутри!* (ТВ, Миасс, реклама на первом канале в перерыве программы «Жить здорово», 15 октября, 2013, 10:15).

Анализ фразеологических единиц признака в современных рекламных текстах продуктов показал: фразеологизмы признака, обладая семантикой различия предметности, оказываются активными участниками создания новой рекламной сущности. По картотеке, частотно анализируемые единицы номинируют характеристику

определяемого слово, относящегося к семантической группе «Какое-либо вещество». Рассматриваемые единицы по синтаксической структуре разнообразны — это и словосочетания, и простые предложения. В большинстве случаев в рекламном тексте фразеологизмы признака выполняют синтаксическую функцию именной части составного именного сказуемого. Семантика рассматриваемых фразеологизмов признака в уникальных рекламных текстах

определяется как положительная либо как сверхположительная. В настоящей статье представлен первый рабочий этап типологии фразеологизмов признака рекламных текстов продуктов, но эта типология логично «просматривается» в результате анализа и наблюдения, ибо: «Процесс познания невозможен без структуризации, осуществляемой благодаря активности субъекта (исследователя — О.Г.)» [2, с. 98].

Библиографический список

1. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. М.: Едиториал УРСС, 2000. 352 с.
2. Пиаже Ж. Психогенез и его эпистемологическое значение // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 98-110.
3. Помыкалова Т.Е. Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке: дис. ... к. филол. н. Челябинск, 2006. 510 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. [Словарь] / АН СССР, Ин-т рус. яз.: под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 1-4.
5. Удод Д.А. Креолизованный текст как особый вид паралингвистически активного текста [Электронный ресурс] // Современная филология: материалы II междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 97-99. URL: <http://www.moluch.ru/conf/phil/archive/78/3254/> (дата обращения: 17.12.2015).

Semantics of phraseological units of characteristics in the advertising text

Key words: phraseological units, qualitative characteristics, advertising text.

СЕМАКОВ АРТЕМ СЕРГЕЕВИЧ

аспирант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В РЕКЛАМЕ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПРЕВОСХОДСТВА НАД КОНКУРЕНТАМИ

Аннотация. В статье рассматриваются стилистические приемы, используемые для достижения комического эффекта в рекламе, за счет которого создается образ преимущества одного товара над другим.

Ключевые слова: реклама, видеореклама, стилистический прием, сатира, ирония, комичность, юмор, сленг, эмотивная лексика.

В условиях современной конкуренции даже самым именитым и популярным производителям требуется подходящая реклама. С целью разнообразить рекламный контент, привлечь и заинтересовать клиентов, а также выставить свой продукт в лучшем свете, многие компании начали создавать рекламу, **высмеивающую конкурентов**. Это касается как печатной рекламы, так и видеорекламы. Многие из таких роликов не доходят до российского телевидения, но их можно с легкостью найти в интернете. На просторах сети Интернет нами было выбрано несколько подобных видеореклам, которые либо показывают преимущества своего продукта в сравнении с конкурирующим, либо же

откровенно высмеивают его. Подобные примеры рекламы пользуются большой популярностью, благодаря острой сатире на пародируемый объект или его целевую аудиторию, а также креолизированности текстов, используемых в них.

В современных средствах массовой коммуникации креолизированные тексты являются самым распространенным способом представления информации.

В предыдущей статье «Креолизированные тексты в современной видеорекламе» мы подробно разобрали рекламу планшета Apple iPad Air, провели анализ текста видеоролика на соответствие вербальной и невербальной составляющих друг другу. В результате было подчеркнуто значение

визуальных образов при восприятии рецептором вербальных элементов креолизованного текста. **Наложение вербальной составляющей на визуальную** происходит на ассоциативном уровне, что делает рекламу, как произведение, более связной, информативной и наглядной [1].

В этой статье мы рассмотрим языковые средства и приемы, позволяющие продемонстрировать преимущества рекламируемого товара, по сравнению с конкурирующим.

Для анализа возьмем один рекламный ролик южнокорейской компании *Samsung*, которая является основным конкурентом американской компании *Apple*. Эти две компании также являются мировыми лидерами по производству мобильных телефонов и планшетов по статистическим данным, приведенным на нескольких интернет порталах [2; 3]. Интересующий же нас рекламный ролик является пародией на рассмотренный в предыдущей статье ролик *Apple iPad Air*. Реклама была основана на том, что в центре действия находился простой карандаш. Постепенно за карандашом менялся задний план, а диктор произносил слова, описывающие важность и массовость его применения. В конечном итоге выяснялось, что речь идет вовсе не о карандаше, а о планшете *Apple iPad Air*, который все это время лежал позади него. Смысл заключается в том, что все слова, сказанные про карандаш, легко могут быть адресованы планшету.

В рекламе *Samsung* диктор сатирично переделывает речь из ролика *Apple*, искажая смысл всей рекламы. Текст наполнен эмотивными конструкциями, сленговыми выражениями и юмором. Для начала анализа нужно внимательно взглянуть на текст рекламного ролика и на его перевод:

Оригинал: *It's an extremely simple tool, but also extremely pointy. It's been used to make tentative appointments and to cheat at golf. Students have used it to play ceiling darts.*

It's....wait a second. What's hiding behind that pencil? Ah... an iPad Air. I almost didn't see it back there. And what's this? Hiding behind the iPad? Oh, the even thinner Galaxy Tab Pro 10.1. Interesting! Not only you are thinner, your HD screen is a killer for more robo beat down action. And would you look at that! The galaxy tab even does multitasking. Two things on screen at once versus up to one thing on screen at once. You know what? I'm gonna take this Samsung Galaxy Tab Pro, and I'm gonna take this pencil. The thinner, higher resolution Samsung Galaxy Tab Pro 10.1.

Перевод: Это невероятно простой инструмент, но также невероятно заостренный. Его использовали, чтобы назначать ориентировочные встречи, и чтобы жульничать в гольфе. Студенты использовали его, чтобы запускать, как дротики, в потолок. Он... Стойте! Что там скрывается за тем карандашом? Ах, *iPad Air*. Я его едва заметил. А это что? Скрывается за *iPad*? О, это еще более тонкий планшет *Galaxy Tab Pro 10.1*. Интересно! Ты не только тоньше, твой экран с высоким разрешением шикарно подходит для крутой битвы роботов. А что вы об этом скажете? У *Galaxy Tab* даже есть режим многозадачности! Два действия на экране одновременно, против вплоть до одного действия на экране одновременно! Знаете, что? Я возьму этот *Samsung Galaxy Tab Pro*, и я возьму этот карандаш. Более тонкий, с более высоким разрешением — *Samsung Galaxy Tab Pro 10.1*. (Перевод выполнен автором статьи).

Следует выяснить, в чем выражается юмористический характер данной рекламы, и какими средствами он достигается. Для удобства анализа и большей наглядности, разобьем видеоролик на несколько **блоков**, каждый из которых относится к конкретной части пародируемого ролика.

1) Данная реклама начинается с тех же слов, что и пародируемая, только в последней с этих слов начинается описание достоинства карандаша, а

вместе с ним и планшета, а в данном ролике комическое высмеивание его. Стоит обратить внимание на невербальные элементы рекламы, например, на музыку. В оригинальном ролике музыка была вдохновляющая и эмоционально заряженная, в этом ролике она комическая, сразу чувствуется ее юмористический характер.

При описании карандаша/iPad, диктор использует слово «заостренный», которое имеет положительную коннотацию по отношению к карандашу, но отрицательную по отношению к планшету. Далее приводится ряд фактов, выставляющих карандаш/iPad не в лучшем свете: *запускать как дротики в потолок, жульничать в гольфе*. В английском языке есть даже такая фраза: *“the pencil is the best club in one’s bag”*, что означает, что карандаш — это лучшая клюшка в сумке, так как, пока ваш партнер занят очередной лункой, вы можете с легкостью исправить счет в свою пользу. В этом блоке можно отметить и использование эмотивной лексики: *extremely* (невероятно). Также интересным является то, что в этой части используется совершенное время, что указывает на устарелость объекта.

2) Во втором блоке мы узнаем, что за карандашом скрывается iPad. Интересно, что в оригинальном ролике это было кульминацией всего видео, вызывающей наибольший интерес зрителя, однако, в данном ролике автор не уделяет этому особого внимания, что выражается посредством междометия *Ah* с высокой нисходящей интонацией. Комичность этого блока заключается во фразе *I almost didn’t see it back there* (Я его едва заметил), а конкретно в слове *almost* (почти, едва). В оригинальном видео планшет позиционируется настолько тонким, что его абсолютно не видно за карандашом, что было наглядно показано в ролике. Но в этом видео оказывается, что заметить его все-таки можно, хоть и с трудом.

Дальше толщина продукта от Apple высмеивается с еще большей силой, так

как за «тонким» iPad прячется еще более тонкий Samsung. Эффект усиливается, благодаря прилагательному в сравнительной степени *thinner* и усилительному наречию *even*. С этого момента диктор начинает действительно удивляться увиденному. Стоит отметить, что фразы, иронизирующие над толщиной высмеиваемого объекта, представляют собой градационный ряд.

3) В третьем блоке происходит непосредственное сравнение двух гаджетов. Примечательным является олицетворение прибора, выраженное прямым обращением к нему автора (*Not only you are thinner — Ты не только тоньше*). В этой фразе также присутствует инверсия, что делает обращение к прибору более поэтичным. Последующая фраза наполнена разговорными словами и их формами, например: *killer* — сленговое выражение, обозначающее что-то очень замечательное (русские эквиваленты: *крутой, офигенный*); *robo* — разговорная форма слова «robot»; *beat down* — сленговое обозначение драки. Эмоциональности добавляет восклицательное предложение *And would you look at that!* (Только посмотрите на это!).

Следующим комическим элементом является сатирическое сравнение многофункциональных режимов планшетов. *Two things on screen at once versus up to one thing on screen at once*. (Два действия на экране одновременно, против вплоть до одного действия на экране одновременно!). В этом примере можно говорить о гротеске, достигнутом путем сочетания предлога вплоть до и числительного одного, что, несомненно, создает комический эффект. Таким образом, iPad показывается, как устаревший несовершенный гаджет, в отличие от Samsung.

Далее диктор обращается непосредственно к зрителям, используя риторический вопрос: *You know what?* (Знаете что?). Дружественный настрой и непринужденность общения диктора со

зрителем достигается за счет использования разговорных конструкций (*gonna*), в отличие от оригинального ролика, где прямого общения диктор-зритель не было, а стиль речи был более высоким.

Финальной точкой этой юмористической атаки служит выбор диктора в конце ролика: *I'm gonna take this Samsung Galaxy Tab Pro. And I'm gonna take this pencil* (Я возьму этот Samsung Galaxy Tab Pro,

и я возьму этот карандаш). Этим выбором он показывает, что даже простой карандаш лучше нового iPad Air.

Таким образом, в данном рекламном ролике образ превосходства товара был создан при помощи юмористических приемов, таких как сатира, ирония и гротеск. Эффект был усилен использованием особой эмотивной и разговорной лексикой в рамках прямого сравнения двух приборов.

Библиографический список

1. Семаков А.С. Креолизованные тексты в современной видеорекламе // Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. N 3. Новосибирск, 2016. 92 с.
2. Samsung Ads Mocking Apple Products [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iosdoc.com/samsung-ads-mock-apple-products/> (дата обращения: 21.01.2016).
3. Villapaz L. Samsung Galaxy Note 3 And Tab Pro 10.1 Ads Pokes Fun At Apple iPhone 5S And iPad Air [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibtimes.com/samsung-galaxy-note-3-tab-pro-101-ads-pokes-fun-apple-iphone-5s-ipad-air-video-1556676> (дата обращения: 20.01.2016).

Usage of lexical and stylistic techniques in commercials as a means for achieving the superiority over competitors

Key words: advertisement, commercial advertisement, stylistic technique, satire, irony, comicality, humor, slang, emotive language.

РЕЧЬ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

СТРУГОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ГРАДАЦИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Аннотация. В статье определяется сущность понятия градации как стилистического приема художественной речи и приводятся разные виды классификаций градуирования: по структуре, характеру основы градационного ряда и количеству градонимов.

Ключевые слова: градация, градонимы, синонимия, синонимы, контаминация, климакс, антиклимакс, прямая градация, двойная градация, комбинированная градация, логическая градация, фазисная градация, контекстуальная градация.

Градация — один из наиболее употребительных в художественной речи, но недостаточно изученных приемов экспрессивного синтаксиса. В частности, нет единого понимания сущности этого приема, отсутствует полная общепризнанная классификация градационных рядов, не выявлены все функции градации в художественных текстах.

В данной работе мы остановимся на двух первых проблемах, наиболее важных в учебной практике. Вопрос о функциях градации в художественных текстах, конечно же, тоже очень важен, но он требует специального исследования с привлечением большого количества фактического материала.

Термин «градация» образован от латинского *gradatio* — постепенное усиление. В современной стилистике он употребляется в разных значениях.

В узком смысле градация — разновидность синонимии, а именно: это такие синонимические ряды, члены которых отличаются оттенками значений и расположены в порядке нарастания или ослабления семантики [2, с. 117].

В широком смысле (более приемлемом нам) — градация понимается как «стилистическая фигура, состоящая в таком расположении частей высказывания (слов, отрезков предложения), при котором каждая заключает в себе усиливающееся (реже уменьшающееся) смысловое или эмоционально-экспрессивное значение, благодаря чему создается нарастание (реже ослабление) производимого ими впечатления» [4, с. 80].

А В.И. Даль связывал слово градация со словом градус: «... разбивка, разделение чего-нибудь на градусы...последовательность, рост степенями» [3, с. 389]. То есть понятие градации выводится за пределы языка и в другие сферы общественной жизни. Ср.: расположение звуков и интервалов в музыкальной гамме, счет в восходящем и нисходящем порядке и пр.

Следовательно, градация имеет универсальный характер, и надо различать градацию языковую и градацию неязыковую.

Понимая градацию в широком смысле, нужно иметь в виду, что в роли градонимов часто выступают неравнозначные языковые единицы, то есть не относящиеся к одной лексико-тематической группе. Например:

*И где ж Мазепа? Где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?*
(А. Пушкин)

Относительно сближения градации с синонимией следует заметить, что это все-таки разные явления. Но иногда они пересекаются, в результате чего возникает контаминация. То есть скрещивание, объединение (при традиционном понимании синонимии как слов, близких или тождественных по своему значению,

выражающих одно и то же понятие, но различающихся или оттенками значения, или оттенками значения, или стилистической окраской, или и тем и другим» [4, с. 384].

Для подтверждения этого сравним следующие ряды слов:

1. Робкий, несмелый, боязливый, трусливый — синонимичный ряд, не являющийся градационным.
2. *Не жалею, не зову, не плачу* (С. Есенин) — градационный ряд, не являющийся синонимичным.
3. Горячий, жгучий, знойный, обжигающий — синонимичный ряд, являющийся в то же время градационным.

Проблемным остается также вопрос о видах градации.

В словарях при определении градации обычно отмечают два ее вида: восходящую (климакс) и нисходящую (антиклимакс) — в зависимости от порядка следования градонимов в градационном ряду.

Примеры восходящей градации:

Идут часы, и дни, и годы...

(А. Блок).

Они поют из темной ложи:

«Найди. Люби. Возьми. Умчи»

(А. Блок).

Пример нисходящей градации:

Все грани чувств,

Все грани правды стерты:

В мирах, в годах, в часах.

(А. Белый).

Анализ располагаемого нами фактического материала позволяет проводить и другие классификации градуирования: по структуре, по характеру основы градационного ряда, по количеству градонимов.

По структуре градуирования можно выделить прямую градацию, двойную, сдвоенную и комбинированную (восходяще-нисходящую).

Прямая (простая) градация — такая, в которой представлен один ряд градонимов, расположенных в одном порядке: восходящем или нисходящем, например:

Все зашевелилось, проснулось, запело.
(И. Пургенов).

Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и не герой (Интернационал).

Двойная градация предполагает наличие двух однотипных градационных рядов, например:

*Не волнуйся, не плачь, не труди
Сил иссякших, и сердца не мучай.
Ты жива, ты во мне, ты в груди,
Как опора, как друг и как случай.*
(Б. Пастернак)

Сдвоенная градация — градация, в которой градонимы двух рядов подаются попарно, типа:

*Кто-то сказал, и это стало крылатой
фразой: Дни идут, месяцы бегут, а годы
летят* (В. Попов)

Комбинированная градация совмещает в одном тексте два типа: восходящую и нисходящую, например:

*Дон Кихот обнажил свою шпагу и напал на
постояльцев. Священник кричал, хозяйка
орала, дочка хозяйки вопила, Мариторнес
плакала, Доротея растерялась... словом,
по всей гостинице раздавались плач,
крики, вопли; повсюду царило смятение,
суматоха, растерянность*
(М. де Сервантес).

Или: *Море крыш возвести на бумаге,
целый мир, целый город в снегу*
(Б. Пастернак).

В зависимости от характера основы градационного ряда выделяем грамматическую, логическую (семантическую), фазисную (векторную) и контекстуальную градации.

Грамматическая градация основана на употреблении слова в разных грамматических формах, например:

*Мы как белые журавли
Или как тасманские волки,
Или как пейзажи на Волге.
Нас сводили, сводят, свели*
(Б. Слуцкий).

Или формы степеней сравнения: новый-новые-новейший.

Логическая (семантическая) градация опирается на лексические средства языка, прежде всего на лексическую синонимию, например:

*Осенью степи совершенно изменяются и
получают свой особенный, самобытный,
ни с чем не сходный вид* (С. Аксаков).
— *Уезжайте сейчас же...Заклинаю вас
всем святым, умоляю...* (А.П. Чехов).

Особо следует отметить редкие примеры этого вида градации, где имеет место повтор градонима, типа: *Наш стон все
глуше, глуше, глуше* (В. Высоцкий).

Иногда повтор градонима сопровождается графическим средством — постепенным увеличением размера букв: *И жара, жара,
жара!* (В. Высоцкий).

Фазисная (векторная) градация (термин Э.М. Береговской) [1, с. 80] в своей основе имеет фазисность, то есть когда процесс постепенного продвижения к цели расчленяется на отдельные фазы, в которых четко выделяются начало, середина и конец, например:

Пришел. Увидел. Победил (Ю. Цезарь).
Не думай бежать!
Это я вызвал.
Найду, загоню, dokonю, замучу
(В. Маяковский).

Интересны случаи фазисной градации, где фазисность передается с помощью повтора: *Щенок гулял, гулял, гулял и вырос* (В. Левин).

Контекстуальная градация возникает в конкретном контексте и базируется на словах, относящихся к разным лексико-тематическим группам, но объединяющихся общим понятием, например:

*И где же Мазепа?
Где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?* (А.С. Пушкин).
Здесь объединяющим понятием выделенных слов является «предатель».

*Но чернеют пламенные дали
— Не уйти, не встать и не вздохнуть*
(А. Блок).

Объединяющим понятием в данном контексте является «трудная ситуация».

Заслуживает внимания также характеристика градации с точки зрения количества градонимов.

По нашим наблюдениям, в художественных текстах доминирует трехэлементная градация, типа:

Идут часы, и дни, и годы (А. Блок).
*О, ты светишь, ты греешь, ты жжешь,
Ты живешь, ты живешь!* (К. Бальмонт).

Реже встречается градация более сложной структуры, например:

*Присягаю ленинградским рекам,
Первым разоренным очагам:
Не сломясь, не дрогну, не устану,*

*Ни крупницы не прощу врагам.
Два бешеных винта, два трепета земли,
Два грозных грохота, две ярости, две бури,
Сливая лопасти с блистанием лазури,
Влекли меня вперед. Гремели и влекли*
(Н. Заболоцкий).

*Рыбу ловят в морях, озерах, реках, прудах,
а под Москвой также в лужицах и
канавах...* (А.П. Чехов).

Случаи употребления двухэлементной градации редки (кстати, не все ее и признают):

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То как зверь она завоет, то заплачет, как
дитя* (А. Пушкин).

В заключение следует отметить, что градация, как и все другие приемы экспрессивного синтаксиса, — явление индивидуальное, и каждый писатель использует разные ее виды в своих целях, что является предметом специального исследования.

Библиографический список

1. Береговская Э.М. Система синтаксических фигур: к проблеме градации // Вопросы языкознания, 2003, N 3. с. 79-91.
2. Бережан С.Г. К вопросу о синонимии исконных и заимствованных слов // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков; под ред. М.А. Бородиной и М.С. Гурьевой. М.: Наука 1966. С. 51-68.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т 1. [Словарь]. М.: Русский язык, 1998. С. 699.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов (словарь). М.: Просвещение, 1976. С. 543.

Gradation as a stylistic method in an art speech

Key words: gradation, gradonims, synonymy, synonyms, contamination, climax, anticlimax, straight gradation, double gradation, combination gradation, logical gradation, phase gradation, contextual gradation.

ИВАНЕНКО ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ЦЫКУНОВА ОКСАНА СЕРГЕЕВНА

студент Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

**СТРУКТУРНЫЕ, СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ МЕТАФОРЫ
В РАССКАЗЕ ДИНЫ РУБИНОЙ «АДАМ И МИРЬЯМ»**

Дина Ильинична Рубина,
русская писательница

Аннотация. Статья посвящена исследованию индивидуально-авторской специфики употребления и функционирования метафор в рассказе Дины Рубиной.

Ключевые слова: Дина Рубина, метафора, анализ.

Одной из актуальных проблем современной лингвистики можно считать лингвистический анализ художественного произведения, так как он предполагает выделение сугубо индивидуальной стилистической манеры автора. Как правило, художественный стиль писателя в той или иной мере выражает его мировоззренческую позицию, а употребление в тексте различных изобразительно-выразительных средств языка создает общую картину и комплексно воздействует на сознание читателя, также выполняет эстетическую функцию.

Материалом для изучения метафоры послужила проза Дины Рубиной — талантливой современной писательницы. В ее произведениях представлен широкий спектр языковых средств выразительности как традиционных, так и индивидуально-авторских. И важнейшее место среди них занимает метафорическое словоупотребление.

К сожалению, на данный момент невозможно дать полноценный анализ метафорических конструкций. Этому препятствует тот факт, что многие из них не укладываются в привычные структурно-семантические рамки. Метафора в

большей степени произвольна, она не может с полной определенностью указывать на предмет речи. Именно поэтому свое «естественное место» метафора находит именно в художественной речи, где «служит для эстетической, а не собственно коммуникативной (информационной) функции. Ее цель — вызвать представление, а не сообщать информацию» [2, С. 141].

Метафора имеет длительную историю изучения, в процессе которого выдвигались разные концепции, определяющие ее сущность. Как правило, в сознание человека метафора — это «художественный троп», воспринимается лишь как средство языковой выразительности. Но как верно отметил советский философ Сергей Леонидович Рубинштейн — «метафоры — это не просто украшение, а очень существенное и специфическое средство выражения такого смыслового содержания, которое только таким образом и может быть вполне адекватно передано» [9, С. 15]. Таким образом, метафорическое словоупотребление это настолько разнообразно и многопланово, что охватывает многие сферы функционирования языка. И как правильно заметил Владимир Григорьевич Гак: «метафора возникает в силу глубинных особенностей человеческого мышления <...> возникает не потому, что она нужна, а потому, что без нее невозможно обойтись, она присуща человеческому мышлению и языку как таковая» [3, С. 104].

Серьезные сведения об особенностях метафоры можно найти уже в античных и римских теориях языка и стиля. Наиболее полно, по сравнению с другими античными авторами, метафору описал Аристотель, определяя ее как «перенесение слова с измененным значением из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или в форме пропорции» [1, С. 184]. Позже метафора все больше начала рассматриваться как «сокращенное сравнение» (ср. в

античности: «сравнение есть также метафора» (Аристотель) [1, С. 190], «метафора есть укороченное сравнение» (Квинтилиан) [1, С. 232], «метафора есть сравнение, сокращенное до одного слова» (Цицерон) [1, С. 229]). Таким образом, классификация метафор превращалась в классификацию типов взаимодействия между понятиями, что упрощает ее понимание.

Изучение метафоры в русской лингвистике выходит за рамки логического истолкования сущности этого явления. Все больше рассматривается языковая основа процессов метафоризации, их зависимость от различных языковых категорий.

М.В. Ломоносов связывает учение о метафоре с системой частей речи: метафоризируются имя, глагол, местоимение, наречие, причастие. Также ученый подчеркивает роль контекста в формировании метафорического значения и зависимость этого значения от жанра произведения, его стилистической направленности, характера семантической связи слов в контексте.

А.А. Потебня считает метафору результатом постоянных поисков писателями языковых средств, необходимых для точного и образного выражения мысли, что достигается путем сопоставления разных понятий и представлений, за счет чего создается новое качество, получающее свое языковое выражения. «Образность отдельных слов и постоянных сочетаний, как бы ни была она заметна, ничтожна сравнительно со способностью языков создавать образы из сочетания слов, все равно, образных или безобразных. Слова: гаснуть и веселье для нас безобразны; но "безумных лет угасшее веселье" заставляет представлять веселье угасаемым светом, что лишь случайно совпадает с образом, этимологически заключенным в этом слове» [7, С. 104].

Справедливо, что изолированное слово вне контекста не может рассматриваться как метафора. Поэтому при анализе плана выражения метафоры следует учитывать ее «фразовое окружение». Например, слово «галоп» в предложении: «Маленькая княгиня <...>, услышав звук трубы, бессознательно и забывая свое положение, готовилась к привычному галопу кокетства, без всякой задней мысли...» [11] употребляется не в основном своем значении (бег, аллюр, при к-ром лошадь идет вскачь [6, С. 125]), а служит средством образной характеристики другого понятия — «кокетство».

Метафорическое значение реализуется уже в словосочетании «галоп кокетства», которое является минимальным отрезком контекста.

Важным является для характеристики метафор и вопрос о соотношении реальной действительности и обозначаемым содержанием. В метафорических словосочетаниях один из компонентов обозначает предметы или явления действительности, а другой служит средством выражения образного представления. Первый компонент выполняет прямые номинативные функции, с помощью чего связывает словосочетание с действительностью. Его можно назвать указательным словом. Второй компонент служит для образного сопоставления, выражения субъективного авторского восприятия. Он и является собственно метафорой. Так в вышеупомянутом словосочетании «костер рябины» слово рябина — указательное, а костер — метафора.

Таким образом, под метафорой (от греч. «metaphora» — перенос) можно понимать слово, ставшее компонентом метафорического словосочетания и получившее в результате этого метафорического значения, которое выполняет функцию образной характеристики другого компонента, выражая с ним образное представление или образное суждение.

Что касается классификации метафор, то в истории лингвистики существует несколько подходов к рассмотрению данного вопроса. Разные исследователи выделяли свои критерии, в соответствии с которыми затем распределяли метафоры по разным классам. Но, как отметил В.П. Москвин, «свода параметров, по которым может производиться классификация метафоры, мы до сих пор не имеем. Поэтому систематизация, а в целом ряде случаев — и выявление таких параметров, т.е. классификация метафор с лингвистической точки зрения, представляются действительно неотложными задачами отечественной науки о языке» [4, с. 67]. Поэтому, для более полноценного анализа мы использовали «синтез» классификаций различных авторов: В.П. Москвина, Л.Н. Рынькова, А.А. Потемни, М.В. Ломоносова, Ю.И. Левина и других.

Всего было проанализировано 18 примеров употребления метафор в рассказе Д. Рубиной «Адам и Мильям», приведем некоторые из них [8].

«Домик на колесах»

1. Структурные признаки: Именная метафора (сущ. в и. п. + сущ. в п. п.), где слово-параметр (метафора по Л.Н. Рынькову) «домик», а слово-аргумент (указательное по Л.Н. Рынькову [10]) «на колесах». По количеству единиц-носителей — простая, так как план выражения представлен одной единицей. По наличию опорного слова это метафора-сравнение, так как хорошо поддается расшифровке. По степени устойчивости связей между компонентами можно предположить, что это фразеологизированная метафора, так как представляет собой устойчивый метафорический перифраз (Например: это выражение уже давно стало термином для обозначения определенного класса машин (автодом, кемпер, автодача, караван). По уровневой принадлежности единицы, выступающей носителем

метафорического образа это словесная метафора.

2. Семантические признаки: По тематической принадлежности вспомогательного субъекта это машинная метафора, основанная на сравнении с каким-либо механизмом.

3. Функциональные признаки: С точки зрения функционирования — это номинативная метафора, используемая для обозначения объекта в тексте. Слово «дом» (жилое здание) в тексте употребляется не в основном своем значении, а служит средством образной характеристики понятия «машина», «автомобиль».

«Тушки зонтов»

1. Структурные признаки: Генитивная метафора, так как имеет строение: сущ. в и. п. + сущ. в р. п., где слово-параметр (метафора по Л.Н. Рынькову) «тушки», а слово-аргумент (указательное по Л.Н. Рынькову) «зонтов». По количеству единиц-носителей — простая, так как план выражения представлен одной единицей. «Вороньи» — распространитель, а «сломанные» — конкретизатор. По наличию опорного слова это метафора-сравнение, так как хорошо поддается расшифровке. По степени устойчивости связей между компонентами — свободная.

2. Семантические признаки: По тематической принадлежности вспомогательного субъекта (семантика) это анималистическая метафора, основанная на сравнении неодушевленных объектов с миром живой природы (метафора природы по А.П. Чудинову).

3. Функциональные признаки: С точки зрения функционирования это художественная метафора, используемая для украшения авторской речи в тексте. Слово «тушка» (освежаванное и выпотрошенное тело убитого небольшого животного, птицы, рыбы) употребляется не в основном своем

значении, а служит средством образной характеристики одной из частей устройства зонта.

«Тоска вспыхивает»

1. Структурные признаки: Предикативная метафора-олицетворение (приписывание свойств и признаков одушевленных предметов неодушевленному), так как имеет следующую модель: подлежащее (сущ. в и. п.) и сказуемое (глагол) — грамматическая основа — формируют определенный метафорический образ. Слово-параметр (метафора по Л.Н. Рынькову) «вспыхивает», а слово-аргумент (указательное по Л.Н. Рынькову) «тоска». По количеству единиц-носителей — простая, так как план выражения представлен одной единицей. По степени устойчивости связей между компонентами — свободная. По уровневой принадлежности единицы, выступающей носителем метафорического образа это словесная метафора, которая по частеречной принадлежности относится к глагольной.

2. Семантические признаки: Метафора, передающая сильную, быстро возникающую эмоцию или чувство. Или метафора, приписывающая объекту свойства другого объекта (По классификации Ю.И. Левина: ядовитый взгляд, жизнь сгорела).

3. Функциональные признаки: С точки зрения функционирования — это эмоционально-оценочная метафора, которая не просто предает эмоциональное состояние Мирьям, но и воздействует как на ее собеседницу, так и на читателя: метафора — преддверие истории о жизни Мирьям. Слово «вспыхивает» (внезапно разгореться, зажечься) употребляется не в основном своем значении, а служит средством образной характеристики состоянию душевной тревоги и унынию.

Таким образом, выбрав из рассказа Дины Рубиной «Адам и Мирьям» примеры

употребления метафор и проанализировав их по вышеприведенному плану, мы пришли к выводу, что в тексте в большей степени преобладают именные метафоры, в основе которых лежит сравнение; автор отдает предпочтение простым конструкциям метафорических словосочетаний.

Более сложно обстоит дело с семантикой и функциональностью метафоры. Несмотря на то, что нам удалось выявить метафоры по определенным классификационным признакам, мы все-таки не раз убеждались, что для наиболее полного раскрытия метафорического словосочетания следует рассматривать его не только в минимальном, окружающем его контексте, но и в контексте всего произведения, т.е. метафора так или иначе всегда выходит на макроконтекст.

Что касается авторской специфики, то любое произведение Дины Рубиной

характеризуется тем, что она о серьезных вещах, переломных моментах жизни и судеб своих героев рассказывает просто, совсем без пафоса и напыщенности. И в этом ей помогают метафоры ироничного характера. Легко читать такой текст, но нужно отметить, что, несмотря на это, он оставляет глубокий след в душе читателя. Зачастую повествуя о совершенно обычном, бытовом, автор насыщает текст множеством красочных пейзажей, которые изображаются посредством метафор. Произведения Рубиной отражают мысли и чувства людей так, что каждый может узнать между строк себя.

Таким образом, метафоры в текстах Дины Рубиной являются эффективным средством для понимания семантики художественного текста, служат своеобразным рычагом, приводящим в движение ум и душу читателя. Человек, читая художественную литературу, при помощи метафор мыслит и познает мир, в котором он живет.

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб.: Алетейя, 1996.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора / Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
3. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988.
4. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории; изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2006.
5. Москвин В.П. Русская метафора: параметры классификации. М.: Филологические науки, 2000.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополн. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.
7. Потенция А.А. Из записок по теории словесности / Эстетика и поэтика. М., 1976.
8. Рубина Д. И Адам и Мирьям [Электронный ресурс]. URL: <http://fb2gratis.com/read/182762> (дата обращения: 25.01.2016).
9. Рубинштейн С.Л. К психологии речи / Ученые записки ЛГПИ им. Герцена, 1941, Т. XXXV.
10. Рыньков Л.Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. Челябинск, 1975.
11. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1. Ч. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/tolstoy/wp/wp03.htm> (дата обращения: 25.01.2016).

Structural, semantic and functional features of metaphor in the Dina Rubina's story "Adam and Miriam"

Key words: Dina Rubina, metaphor, analysis.

БЕВЗО ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

магистрант Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ РИММЫ КАЗАКОВОЙ

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме выделения семантических классов фразеологических единиц в поэтических произведениях Риммы Казаковой. Рассмотрены главные семантические классы и раскрыты их основные характеристики. Описаны и проанализированы следующие фразеологические классы: предметные ФЕ, процессуальные ФЕ, призначные ФЕ, качественно-обстоятельственные ФЕ, количественные ФЕ, модальные ФЕ. Выделенные классы ФЕ рассматриваются согласно методу математической частотности, начиная с более употребляемых в произведениях Р. Казаковой. Также в статье приводятся примеры из поэтических текстов поэтессы.

Ключевые слова: фразеологические единицы, семантические классы, индивидуально-авторские (оказиональные) фразеологизмы, узусальные ФЕ.

Проблема семантики остается одной из важнейших проблем фразеологии.

Исследованию семантики фразеологизмов посвящены работы Н.Ф. Алефиренко, В.Л. Архангельского, В.П. Жукова, В.М. Мокиенко, А.М. Чепасовой, Л.П. Гашевой, В.А. Лебединской и других.

Для определения классов фразеологизмов в произведениях Р. Казаковой использовались принципы семантической организованности фразеологического состава, изложенного А.М. Чепасовой в Учебном пособии: «Семантико-грамматические классы русских

фразеологизмов» (2006). В соответствии с определенной в данном пособии классификацией «все фразеологизмы непротиворечиво распадаются на девять классов и в этом отношении составляют систему, которую не могут разрушить другие, более крупные или более мелкие семантические объединения» [4, с. 6]. В свою очередь каждый класс состоит из менее объемных — субкатегорий, которые, в свою очередь, состоят из еще более мелких объединений (семантических групп, семантических подгрупп, синонимических рядов и т.д.).

Цель настоящего исследования — описание функционирования фразеологических единиц в поэтических текстах Риммы Федоровны Казаковой.

Основываясь на вышеуказанной классификации, были выделены следующие группы фразеологических единиц:

1. Качественно-обстоятельственные фразеологизмы, самые употребляемые в произведениях Р. Казаковой.

Фразеологизмы данного класса обозначают качество или обстоятельство действия, а чаще всего «одновременно качество и образ действия, способ его совершения, содержат оттенки сравнительного значения или указание на соответствие или несоответствие нормам чего-нибудь, могут указывать одновременно на качество и на место, или время, или причину, или цель, или степень проявления действия или признака и т.п.» [4, с. 17]. Нами были подобраны следующие примеры из картотеки: *из первых рук*, *из первых рук* я получила жизнь, как глобус; что ж с собой из вашей части взять *на память* я должна; как *скрытый смысл*... во всем таится Первый Раз; юность, парусник счастливый, не простившись *до конца*...; с орлами в *унисон*; парус тонет *за горизонтом* вдалеке; он *как из сказки*, таких *на свете* больше нет; вспоминай меня *без грусти*; и *среди бела дня* мужчина... уходит от меня; ягодой несорванной на *глухой тропе*; живу... то как в бою, то как во сне [2].

2. Предметные фразеологизмы. В этом классе объединены фразеологические единицы, которые обозначают или характеризуют предмет в широком смысле слова: лицо или группу лиц, пространство и территорию, явления природы, совокупность чего-либо, а также отвлеченные понятия. Примеры из анализируемых текстов: ...как тебе твоя *сила тяжести* тяжела одному, *налитое яблоко*: тронул — упаду; не растратчик, не обидчик, обольстивший ложью, а защитник, а добытчик, *ломовая лошадь*; но — дитя

всех бедой погребенных — замираю, твой *трудный ребенок*, под отцовской ладонью любви; храни меня, прошедшая любовь, во благо обрати мой *горький опыт*; ничтожность предмета, что вызвал *высокие чувства*; я *шар земной* пробью насквозь.

3. Процессуальные фразеологизмы, характеризующие различную деятельность человека, физическое или моральное состояние личности, отношение к кому или чему-либо, разнообразные переживания и чувства. Примеры фразеологических единиц: *от лет, летящих никуда не денешься*; и если женщина приходит и о себе *заводит речь*...; и если женщина приходит, чтоб *оторвать* тебя *от дел*...; долго *замуж не брали* — не хватало загадочности; я тобой перестрадаю, чтоб *найти себя*; и вновь *болит душа* моя; горько *пахнет весной*; женщина ребенка родила... и *не моргнула глазом*.

4. Призначные фразеологизмы, обозначающие либо статический признак предмета, либо признак, присущий не предмету вообще, а лишь субъекту. Примеры из текста: не будет *такого же* лета; но, *грубой лепки*, мои руки крепки; я еще ничуть не вечерняя, я пока *на коне*.

5. Модальные фразеологизмы, содержащие в себе указания на отношение говорящего к действительности, у Риммы Казаковой: а мне *все равно* не хватало.

6. Количественные фразеологизмы, которые обозначают количество каких-либо предметов в самом широком смысле этого слова. Подобранный пример: *ни капли* в ней тайного, вешего, нет женственного естества.

Понятия окказиональных, индивидуально-авторских, трансформированных фразеологизмов рассматриваются как синонимические и номинируют ФЕ, значения которых не соответствуют общепринятому употреблению, несут индивидуальный характер, обусловленный специфическим контекстом.

Под узувальным фразеологизмом понимаем общепринятое употребление этой языковой единицы, которое зафиксировано словарями.

Римма Казакова, безусловно, относится к авторам, применяющим в своем творчестве окказиональные (индивидуально-авторские) фразеологизмы. В результате её фразеологического новаторства возникают оригинальные словесные образы и действия, в основе которых лежат трансформированные устойчивые выражения. Авторские изменения ФЕ позволяют избегать шаблонности, так как в этих случаях «фразеологизм получает, помимо свойств, заложенных в нем самом (а иногда и вопреки им), новые экспрессивные свойства» [5, с. 151].

В своих произведениях Римма Казакова использует большое количество фразеологизмов, и, по наблюдению автора, примерно третья часть фразеологических единиц претерпевают определенные трансформации. В.В. Виноградов писал: «Отступая в силу тех или иных причин, художественных задач от норм литературного языка и правил, писатель должен внутренне, эстетически оправдать свои речевые новшества, свои нарушения общей национально-языковой нормы» [1, с. 183-184]. Как мы видим, в творчестве Риммы Федоровны, применение окказиональных ФЕ вполне оправданно, так как благодаря им лирика Риммы Казаковой отличается богатством лексики, оригинальностью сравнений, эпитетов, смысловой насыщенностью, яркостью.

Трансформация фразеологизмов осуществляется в результате либо структурно-семантического, либо только семантического преобразования ФЕ.

Структурно-семантические преобразования ФЕ представляют собой смысловые преобразования вместе с изменением состава и/или грамматической формы этой единицы языка. Такие преобразования

осуществляются следующими способами: субституцией (заменой) компонентов фразеологизма, импликацией (сокращением компонентного состава), экспликацией (расширением компонентного состава), контаминацией.

Одним из самых распространенных способов трансформации ФЕ в произведениях Риммы Казаковой является **замена компонентов**, которая часто приводит к изменению субъективной оценки, усилению эмоциональной оценки, изменению денотативного значения. В качестве новых компонентов нередко используются синонимы или слова, близкие по смыслу. В следующем примере наблюдаем окказиональную субституцию второго компонента ФЕ *из первых рук* при сохранении плана содержания: *из первых губ, из первых губ я поняла любви всесильность*. Изменение денотативного значения можно увидеть при трансформации ФЕ *писать набело*: *и я живу не оробело... хотя и **набело живу***. Значение узувального фразеологизма «начисто, аккуратно» приобретает в окказиональной фразеологической единице глобальность, масштабность, жизненную важность. Замена компонента может приводить к разным последствиям, в том числе и к созданию в тексте более яркого, эмоционального действия: *не держи на леске, на поводе, на узде, на беде, ни на приводе, ни на проводе, ни в руках и нигде*. Узувальный фразеологизм **держат на поводке** имеет значение «удерживать кого-либо в зависимости, ограничивать свободу». В тексте Р. Казаковой происходит трансформация фразеологической единицы, причем вместо одного компонента *на поводке* применяется ряд однородных компонентов как близких по значению к узувальному (на поводе, на леске, на узде, на проводе), так и компоненты с абстрактным значением (на беде, на приводе). Замена компонента приводит к модификации значения узувальной ФЕ, и фразеологизм приобретает другой смысловой оттенок. Эмоциональность текста повышается,

происходит конкретизация зависимости, происходит увеличение негативности. Замена компонента на синонимичный в узуальном фразеологизме *настоящий друг* со значением «надежный, верный, на которого можно положиться в трудную минуту» приводит к появлению ироничности, оттенку горести в следующем примере: *а рядом — муж, не вышедший в мужа и дети — настоящие товарищи.*

В произведениях встречается и такой прием трансформации, как увеличение компонентного состава, при этом смысловое содержание фразеологических единиц иногда сохраняется, а иногда и меняется на противоположное: *и не хочется, и не колетя* — не судьба, не суди. Узуальный фразеологизм *и хочется, и колетя* в значении «возможность получить что-то желаемое связано с вероятными отрицательными последствиями для кого-либо». *По счастливой воле случая, то робея, то грубя, всем, что есть на свете лучшего, я поверила в тебя.* Экспликация узуальной ФЕ *по воле случая* в значении «случайно» компонентом *счастливой* привносит в значение фразеологизма сему, которая позволяет автору усилить высказывание в том направлении, которое отвечает его целям: придать фразе дополнительный, позитивный, оттенок.

Интересны и такие преобразования как сокращение компонентного состава фразеологических единиц: *И все жадней, все пристальнее я приглядываюсь к дереву познания.* Из структуры узуальной ФЕ *дерево познания добра и зла* были вычленены и использованы самостоятельно компоненты, наделенные тем значением, которое было присуще всему фразеологизму.

Р. Казакова использует в своих произведениях и прием внешнего морфологического преобразования фразеологических единиц, т.е. нормативные видоизменения

грамматической формы компонентов ФЕ в пределах морфологической парадигмы:

*Мы молоды. Мы будем **вечно молодо** смотреться в реки, книги, в зеркала....*

Второй компонент узуального фразеологизма *вечно молодой* со значением «независимо от возраста обладающий качествами молодого человека: энтузиазмом, задором, верой в лучшее» употребляется только в форме имени прилагательного, употребление в данном контексте этого компонента в виде наречия усиливает значение, указывает не только на характеристику лица, но и на конкретность производимого действия. Использование в повелительном наклонении компонента узуальной ФЕ *греть руки* придает значительную экспрессию высказыванию: *Так будьте все, живите, **грейте руки** на горестях и радостях моих!*

Контаминация — замена одного из компонентов при помощи компонента другой ФЕ — также используется в творчестве Риммы Федоровны. Разновидность контаминации — перекрещивание можно увидеть в следующем примере: *не дай **застыть с протянутой рукой.*** В анализируемом тексте окказиональный фразеологизм совмещает в себе компоненты двух узуальных ФЕ: компонент фразеологизма *застыть на месте* (со значением «стать неподвижным, оцепенеть») и компоненты фразеологизма *ходить с протянутой рукой* (со значением «просить милостыню, подаяние, нищенствовать»). С одной стороны, в такой ФЕ функционируют сегменты двух языковых фразеологизмов, а с другой стороны, эти сегменты объединяются, «скрещиваются». Окказиональная единица приобретает значение «не просто просить что-либо, но и сделать этот процесс постоянным, стабильным, вечным». Благодаря применению вышеуказанного приема происходит усиление эмоционального восприятия текста.

Семантические преобразования ФЕ представлены в дискурсе Р. Казаковой приемом буквализации фразеологического значения, основанным на образности фразеологизма при сохранении лексико-грамматической целостности. Примеры из текста: как **скрытый смысл... во всем таится Первый Раз; все падает из рук: карандаши, тарелки.**

Таким образом, проведенный анализ функционирования фразеологических единиц в поэтических произведениях Риммы

Казаковой позволяет сделать выводы о том, что данные репрезентанты используются автором активно и разносторонне.

Фразеологизмы придают тексту красочность, выразительность, эмоциональность, а трансформированные фразеологизмы делают речь поэта неповторимой и оригинальной, преобразования вносят в семантику ФЕ новые оценочные и смысловые оттенки, помогают избежать речевых штампов, формируют свежее художественное наполнение.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гос. изд. худ. литературы, 1959. 653 с.
2. Казакова Р.Ф. Мадонна: Стихи и песни. Премия народного признания. М.: АСТ, 2014. 352 с.
3. Фразеологический словарь русского языка; под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987. 543 с.
4. Чепасова А.М. Фразеологизмы в нашей речи: учеб. толковый словарь. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2000. 292 с.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.

Functioning of phraseological units in the poetic texts of Rimma Kazakova

Key words: phraseological units, semantic classes, individual author (occasional) phraseological units, usual phraseological units.

ГАБИТОВА УЛЬЯНА УРАЛОВНА

аспирант Челябинского государственного педагогического университета, г. Снежинск, Россия

ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧЕЛОВЕК ГОВОРЯЩИЙ»
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Л.Е. УЛИЦКОЙ

Билл Най, симпозиум
«Decoding Science», 2014

Аннотация. В статье представлена первичная типология фразеологических единиц, имеющих общее семантическое значение «процесс речи, говорение». Материалом послужила авторская картотека фразеологизмов, зафиксированных в повестях и сборниках рассказов Л.Е. Улицкой.

Ключевые слова: фразеологизмы речевой деятельности, речь, языковая картина мира.

В фразеосемантическое поле «Человек говорящий» входят единицы, обладающие общим семантическим значением «процесс речи, говорение». «Речь — сложившаяся исторически в процессе материальной преобразующей деятельности людей форма общения, опосредованная языком. Речь включает процессы перерождения и восприятия сообщений для целей общения или (в частном случае) для целей регуляции и контроля собственной деятельности (речь внутренняя, речь эгоцентрическая)» [2, с. 305].

В нашей картотеке зафиксировано 269 единиц в 419 употреблениях с общим значением «говорения». Мы опираемся на семантико-грамматическую классификацию А.М. Чепасовой [11]. Наиболее частотны оказались фразеологические единицы (далее ФЕ) качественно-обстоятельного (121 единица — 45%) и процессуального классов (98 единиц — 36,5%). Также встречаются единицы модального класса (22 единицы), призначного (18 единиц),

предметного (9 единиц) и релятивный предлог (1 единица).

Как отмечает Л.П. Гашева, фразеологизмы, обозначающие речевую деятельность субъекта, «представляя собой сложную семантическую систему, выражающую и номинирующую внешнюю характеристику речи, её смысловое содержание общественную, коммуникативную функцию речи, передаёт морально-этическую оценку речи, констатирует факт отсутствия речи, характеризуют качество речи, способность субъекта хорошо или плохо говорить, манифестирует этикетные речевые формулы, речевые контакты коммуникантов, их речевое взаимодействие» [1, с. 27]. Мы выявили несколько фразеосемантических групп с более конкретным значением.

1. Характеристика речи. В данную фразеосемантическую группу входят 132 единицы в 155 употреблениях. Как отражает собранный материал, речь может быть охарактеризована с разных сторон. 78 единиц в 96 употреблениях данной группы характеризуют голос говорящего. Мы выявили более узкие значения. Голос же, в свою очередь, тоже имеет разноплановые характеристики.

• **Сила голоса.** В данную подгруппу входят единицы со значением «громкость» (13 единиц). Анализ материала показал, что актуально использование двух моделей построения ФЕ: «каким-либо голосом» и «каким-либо шёпотом». В данных ФЕ довольно частотно совмещение двух семантических значений.

Все соседи видели, как Клюквина поклонилась Халиме и сказала громким скандальным голосом:
– Прости меня, Халима. Кушайте на здоровье [9, с. 71]. *Громким скандальным голосом* — качественно-обстоятельный ФЕ, значение: «громкогласно, истерично». Данный ФЕ характеризует как громкость голоса, так и психическое состояние говорящего.

• **Тембр голоса.** В данной подгруппе ФЕ характеризуют так называемый «характер» звука (8 единиц). Как показал анализ материала, большинство единиц данной подгруппы имеют окраску положительную.

– Тоня! Тоня! — позвала кастеляншу старшая сестра, заглянув в столовую, и Антонина Ивановна отозвалась ласковым рыхлым голосом:

– Аюшки! [5, с. 303]. Ласковым рыхлым голосом — качественно-обстоятельный ФЕ, значение: «добродушно, полнозвучно, мягко».

В данном ФЕ совмещены две качественные характеристики голоса — его тон (эмоциональная окраска) и тембр.

• **Тон голоса** — эмоциональный окрас речи. Эмоциональный диапазон в речи героев представлены очень широко, а потому и велик количественный состав данной подгруппы — 45 ФЕ.

Однажды, уже в конце февраля, Лиля жалобным голосом сообщила, что у неё день рождения, и ей бы так хотелось, чтобы Женя её поздравила [8, с. 260]. Жалобным голосом — качественно-обстоятельный ФЕ, значение: «печально, жалостно, слезно». Внешнее проявление эмоций в речи героев чаще всего совпадает с их внутренним состоянием.

Важным в тоне голоса также является интонация (4 единицы).

Лёва сразу же нашёл её в многолюдстве и пошёл на неё с супружеской интонацией:

– Я же сказал, что позвоню после конца субботы, а у тебя автоответчик [8, с. 260]. С супружеской интонацией —

качественно-обстоятельный ФЕ, значение: «настойчиво, без церемоний». В данном контексте использование компонента-прилагательного «супружеский» придаёт ФЕ иронический оттенок.

Зафиксированы единицы, заключающие в своём значении оценку содержания речи. В данной подгруппе объединены ФЕ с

общей семой «описание и оценка высказывания». Важной составляющей становится обязательная эмоциональная оценка слушающего (25 единиц).

Лидия молчала, вживаясь в ситуацию. А Лора трещала, не замолкая, и всё время крутила пальцы, слегка их поламывая [5, с. 155]. *Трещать, не замолкая* — процессуальный ФЕ, значение: «говорить безуданно, пустословить». В данном ФЕ отрицательная семантика выражена при помощи использования просторечного компонента «трещать».

Встречаются ФЕ, которые в своём значении отражают отличительную особенность говора и артикуляции говорящего, т.е. характеризуют особенности произношения говорящего. Наиболее продуктивно использование существительного «язык» (15 единиц) в устойчивых моделях: «на каком-либо языке» и «каким-либо языком». Также продуктивна модель «с каким-либо акцентом» (7 единиц). Чаще всего данные ФЕ имеют нейтральную стилистическую окраску.

Дюжие продавцы, которым бы ворочать бетонными чушками, артистически слоили огромными ножами пахучее мясо и переговаривались на местном наречии [7, с. 112]. *На местном наречии* — качественно-обстоятельный ФЕ, значение: «на коренном диалекте».

Зафиксированы единицы, характеризующие «слово» как единицу языка. Данная подгруппа объединяет ФЕ со значением определения особенностей звучания слов и их оценки говорящим (6 единиц).

Слово это представлялось ей противно-коричневым, с бездонным провалом посредине и похожим на вывернутую наизнанку клизму [4, с. 179]. *С бездонным провалом* — призначный ФЕ, значение: «не имеющим дна, границ». В данной единице присутствует негативная оценка говорящего.

• **Высота голоса.** Данная подгруппа характеризует физиологическое свойство речевого голоса (3 единицы).

Он пропел низким полновзвучным голосом лучшие из всех слов, которые были придуманы для этого случая [6, с. 81].

Низким полновзвучным голосом — качественно-обстоятельный ФЕ, значение: «громко, басовито». В данном ФЕ ярко выражена сема положительной оценки слушающего.

2. Речевой процесс. В данную фразеосемантическую группу входят единицы с общим значением «говорить, произносить» (97 единиц в 176 употреблениях). Можно выделить более узкие значения.

Речевой акт «говорение» (53 единицы). Их высокая частотность свидетельствует о том, что для Л.Е. Улицкой значима речь своих героев, а также её оценка другими персонажами и самим автором. Наиболее актуальна модель построения данных ФЕ «глагол + существительное в В.п.» (30 единиц).

Она отодвинула табурет в угол, легла рядом с Аликом и понесла какую-то околесицу, в которую Фима не вслушивался [7, с. 169]. *Нести околесицу* — процессуальный ФЕ, значение: «говорить нелепости, чепуху». Использование в данном контексте просторечного ФЕ помогает автору выразить негативную оценку слушающего к говорящему.

Речевой акт «молчание» представлен 21 единицей. Наиболее актуально использование компонента-существительного «слово» (8 единиц).

Л.Е. Улицкая,
писательница, сценарист

Девочки переглянулись и без слов поняли друг друга: никакая вожатая Цыпкина им не нужна [4, с. 28]. Без слов — качественно-обстоятельственный ФЕ, значение: «не говоря, молча, не теряя времени на разговоры» [10]. Данная единица совмещает в себе несколько фразеосемантических значений: молчание, быстрота действия и характеристику отношений персонажей.

Актуально использование компонента-существительного «молчание» (4 единицы).

Что-то сдвинулось и изменилось: они немного стеснялись друг друга, никогда не вспоминали о том вечере, будто дали обет молчания как соучастники страшного и тайного дела [4, с. 235]. Обет молчания — предметный ФЕ, значение: «обещание, клятва не произносить слов, не беседовать на какую-либо тему». Использование данной единицы подчёркивает сакральность и таинственность происходящего.

ФЕ, обозначающие «начало речевого акта» (11 единиц). В единицах данной подгруппы зафиксирована сема, указывающая на «возникновение разговора».

И Лиля пустилась в горестный рассказ о своих дочках, которые такое натворили, такое... [8, с. 261]. Пуститься в рассказ — процессуальный ФЕ, значение: «начинать повествование». Использование глагольного компонента «пуститься» указывает на яркое эмоциональное состояние говорящего.

ФЕ, обозначающие «вопрос» (7 единиц). Общее значение — «узнать, поинтересоваться». Единицы этой группы являются синонимами, отличаются они эмоциональной окраской. Наиболее частотен ФЕ задать вопрос (29 употреблений). Данный ФЕ имеет нейтральную стилистическую окраску. ФЕ сделать разведку имеет уже положительно окрашенную оценку — выражение любопытства, любознательности говорящего.

Единицы подгруппы, обозначающие «окончание разговора» (5 единиц) в своём значении имеют сему «прекращения речевого акта».

— Значит, — подвела итог Алёна, — дадим Колывановой пионерское поручение, пусть приведёт свою тётю Тамару к нам на сбор [4, с. 22]. Подвести итог — процессуальный ФЕ, значение: «обобщить, резюмировать». Автор использует данный ФЕ, имеющий оттенок официально-делового стиля с целью придать ситуации иронический характер.

3. Звуки. Мы выделили в отдельную фразеосемантическую группу единицы, не обозначающие слова, но имеющее в своём составе те или иные звуки (11 единиц в 15 употреблений). В основном единицы имеют общее значение «орать, кричать, вопить». Отличительное свойство данных ФЕ — обязательная авторская оценка.

Какое-то тоскующее животное, а может, ночная птица, издавало длинные хриплые вопли [4, с. 124]. Издавать вопли — процессуальный ФЕ, значение: «кричать». Данный ФЕ имеет отрицательную эмоциональную окраску.

4. Присказки. Как отмечает А.А. Осипова, данные единицы используются тогда, «когда нужно опереться на какое-то всеобщее авторитетное знание чего-либо или указать на возможность, допустимость какого-либо выражения, уверения в чём-либо» [3, с. 267]. Зафиксировано

22 единицы в 65 употреблениях. Основную часть составляют единицы модального класса. В 11 единицах встречается компонент «сказать», в 7 единицах — «говорить».

К слову *сказать*, покойный Нинин муж обеих терпеть не мог — Тому считал убогонькой, а Сусанну Борисовну иначе как «мадам Грицацуева» за глаза не называл [5, с.204]. К слову *сказать* — модальный ФЕ, значение: «между прочим, кстати, попутно». Данный ФЕ помогает

автору указать автору на дополнительные сведения о взаимоотношениях героев.

Анализ собранного материала позволил выстроить структуру фразеосемантического поля «человек говорящий», выявить группы с более конкретным значением, а также зафиксировать устойчивые модели построения ФЕ. Л.Е. Улицкая в своих текстах использует единицы с ярко выраженной оценкой с целью создать у читателя определённое мнение о персонажах.

Библиографический список

1. Гашева Л.П. Позиционная вариативность процессуальных фразеологизмов / Актуальные проблемы русского языка: Материалы регион. конф., посв. 70-л. ЧПУ; под общ. ред. Л.П. Гашевой. Челябинск: Юж.-Урал. книж. изд-во, 2005. 540 с.
2. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985.
3. Осипова А.А. Фразеологизмы, характеризующие речевую деятельность персонажей, в рассказах В.П. Астафьева 1980-х гг. / Фразеология и миропонимание народа: Материалы Междунар. науч. конф. в 2 ч. Ч. 2 Фразеология и межкультурная коммуникация; сост. В.Т. Бондаренко, Г.В. Токарев. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2002. с. 265-269.
4. Улицкая Л. Девочки: рассказы. М.: Эксмо, 2009. 288 с.
5. Улицкая Л. Первые и последние: Рассказы. М.: Эксмо, 2011. 352 с.
6. Улицкая Л. Сонечка: Повесть. М.: Эксмо, 2007. 160 с.
7. Улицкая Л. Е. Весёлые похороны: повесть. М.: Астрель, 2012. 222, [2] с.
8. Улицкая Л. Искусство жить: повесть / Сквозная линия: Повесть. М.: Эксмо, 2007. 352 с.
9. Улицкая, Л.Е. Детство сорок девять: рассказы / Людмила Улицкая; ил. В. Любаров. М.: Астрель, 2013. 88 с. [8] с.: ил.
10. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров; Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987. 543 с.
11. Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. 144 с.

The phraseological and semantic field “the person speaking” in the linguistic world-image of L.E. Ulitskaya

Key words: phraseological units of speech activity, speech, linguistic world-image.

АЛЕКСЕЕВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА

аспирант Челябинского государственного педагогического университета, г. Челябинск, Россия

ПОНЯТИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье рассматривается целесообразность введения в лингвистическую науку понятия лексико-семантической картины речевой ситуации, а также место нового понятия в системе языка как переходного звена между языковой картиной и речевой деятельностью.

Ключевые слова: лексико-семантическая картина речевой ситуации, лексико-семантическая группа, когнитивная картина мира, национальная картина мира, языковая картина мира.

На современном этапе развития лингвистической науки разработан целый комплекс взаимосвязанных понятий, описывающих рефлекторный механизм порождения речи. Это мыслительный процесс второй сигнальной системы [8] человека с точки зрения восприятия образов действительности как будущих референтов [9, с. 23], их интерпретации и преобразования в концепты посредством универсального предметного кода [9, с. 39] и последующей реализации с учетом языковых норм.

Слово выступает, с одной стороны, как единица языка, которая является формой существования понятия и выражения эмоций и отношений [2, с. 78], а с другой — как актуализированная в речи языковая единица. Соответственно, и в рамках языковой системы, и в качестве единицы процесса порождения речи слово функционирует как связующее звено и объединяет комплексы смежных лингвистических понятий.

Однако в современной лингвистической науке отсутствует понятие, отражающее связь сознания с лексико-семантическим наполнением конкретной речевой ситуации на уровне языка [6, с. 38], что обуславливает целесообразность введения нового понятия — «лексико-семантической

картины речевой ситуации». Данное терминологическое сочетание обладает потенциалом включения в качестве базовой единицы в систему программированного обучения иностранным языкам, основанного на разработке стандартизированной тематики речевых ситуаций и их лексико-семантической реализации с учетом присущих языковому коллективу стереотипных установок [3, с. 17].

Для объективного определения данного понятия рассмотрим весь понятийный комплекс науки, необходимый для раскрытия связи между системой языка и ее актуализацией в рамках конкретной речевой ситуации.

В плане выражения рассматривается понятие лексем — слова в одном из его значений [1, с. 13]. В плане содержания лексеме соответствует понятие семемы. Лексем и семемы в своей совокупности входят в номинативную систему языка [9, с. 23-24].

Слово как единица речевого процесса напрямую связано с понятием денотата — вербализованного образа предмета или ситуации [9, с. 23-24]. В психолингвистике денотат рассматривается как разновидность концепта, т.е. оперативной единицы памяти [5, с. 90-92], включающей отражение образа действительности, его информационное содержание и интерпретационное поле [9, с. 106], но в отличие от денотата, концепт может включать невербализованные образы.

В соответствии с данным положением З.Д. Попова и И.А. Стернин рассматривают три варианта соотношения концепта, семемы и лексем:

- 1) наличие концепта, но отсутствие семемы и лексем, что объясняет наличие лексических лакун в языке;
- 2) наличие концепта и потенциальной семемы, но отсутствие лексем — данное условие обуславливает использование описательного перевода в процессе межкультурного общения;
- 3) наличие концепта, семемы и лексем, т.е. наличие однозначных лексических соответствий, облегчающих как процесс перевода, так и простого восприятия иноязычной речи [9, с. 23-24].

Учитывая национальную специфику соотношения концепта, семемы и лексем, понятие «лексико-семантической картины речевой ситуации» считаем более универсальным, по сравнению с существующими в языке понятиями тематической группы [3] и лексико-семантической группы [7]. В отличие от данных понятий, которые являются совокупностью денотатов, понятие лексико-семантической картины учитывает наличие лексических лакун и потенциальных семем в языке, т.к. оно непосредственно связано с ситуацией речевого общения, а значит, учитывает не только лексикографическое

значение слов, но и психолингвистическое — упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной лексемой в сознании носителя языка [9, с. 92].

Для обоснования употребления слова «картина» в нашем понятии достаточно обратиться к уже существующему понятию картины мира в современной лингвистической науке. Под картиной мира принято понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в обществе, в групповом и индивидуальном сознании [9, с. 49].

Совокупность представлений конкретного народа о действительности на определенном этапе развития, зафиксированную в единицах языка, называют языковой картиной мира, включающей номинативные, функциональные и образные средства языка, а также его фоносемантику [9, с. 52, 62; 4]. В процессе речи необходимо учитывать также знание национальной когнитивной картины мира, т.е. общих представлений о действительности для всех представителей народа [9, с. 51].

Таким образом, под **лексико-семантической картиной речевой ситуации** понимается совокупность лексем и невербализованных семем, объединенных тематикой конкретной речевой ситуации и отражающих когнитивную, национальную и языковую картины мира в сознании человека как представителя народа.

Введение данного понятия в современную лингвистическую науку является целесообразным, так как не только восполняет недостающее звено понятийного комплекса науки, но и может стать основой для развития современной тенденции программированного обучения иностранным языкам, необходимой для улучшения качества образования, ускорения процесса овладения иностранными языками в условиях роста интегральных процессов глобализации и увеличения числа межкультурных взаимодействий.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта: Наука, 2002. 384 с.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
4. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания [Электронный ресурс] // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки, 2012. N 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-kartina-mira-kak-obekt-lingvisticheskogo-opisaniya> (дата обращения: 23.11.2015).
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
7. Никандрова И.А. О соотношении понятий «функционально-семантический класс слов» и «лексико-семантическая группа» [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2010. N 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatij-funktsionalno-semanticheskij-klass-slov-i-leksiko-semanticheskaya-gruppa> (дата обращения: 23.11.2015).
8. Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949. 455 с.
9. Попова, З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восто-Запад, 2007. 314 с.

The notion of lexical-semantic pattern of speech situation in the modern Russian language science

Key words: lexico-semantic picture of a speech situation, lexico-semantic group, cognitive world picture, national world picture, linguistic world picture.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ МАТЕРИАЛОВ

Материал поступает в редакцию журнала по электронной почте.
Проверяется на соответствие требованиям к оформлению.

Материал проходит экспертную проверку на уникальность, научную новизну и соответствие формату журнала.

В течение 2-х недель автору сообщается о принятии/отклонении материала или необходимости его доработки.

Все принятые материалы формируются в выпуск журнала, периодичность выпусков — каждые 2 месяца.

Выпуск размещается в Научной электронной библиотеке (РИНЦ), постатейно на сайте журнала (www.meteor-city.top), в научной электронной библиотеке открытого доступа КиберЛенинка, а также в крупных международных базах научных данных

По материалам статей, отмеченных экспертами журнала, подготавливаются презентации, инфографика и видеосюжеты ([пример](#)).

Материалы размещаются на новостных каналах журнала ([Youtube](#), [Vk](#), [Facebook](#), [Twitter](#), [Slideshare](#), [Google+](#) и др.), становясь доступными для широкой аудитории.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. К публикации в электронном научно-популярном журнале принимаются различные материалы, соответствующие тематике и миссии Метеор-Сити.

Статья должна быть грамотно написанной (стилистика, орфография и пунктуация), раскрывать заявленную автором тему. Уникальность статьи должна быть выше 80% (проверить уникальность можно [здесь](#)). Объем статьи от 3-х до 20-ти тыс. знаков. Аннотация (+ краткая аннотация длиной не более 160 знаков с пробелами), ключевые слова (не более 10-ти). При цитировании источников, после статьи размещается их список (ГОСТ 7.0.5-2008). Рекомендуются выделять главные пункты (части, ключевые моменты) жирным или курсивом. Схемы, иллюстрации прилагаются к письму отдельным файлом.

Презентация в форматах ppt, pptx, html раскрывающая заявленную автором тему. Текст прилагается отдельным файлом, его уникальность должна быть не менее 80% по text.ru. Под каждой иллюстрацией должна быть ссылка на ее источник. Бесплатные иллюстрации доступны на сайте [freepik.com](#).

Фото- и видеоматериал должны быть уникальными и принадлежать автору. Фото в форматах jpg, jpeg, png и видео в формате avi (либо ссылка на видео, размещенное автором на стороннем ресурсе).

2. Материалы присылаются по электронной почте info@meteor-city.top. В течение 14-ти дней автору сообщается о принятии материала к публикации в электронном журнале, о необходимости доработки или отклонении.

3. Все материалы сопровождаются данными об авторе — Ф.И.О., ученую степень и звание, должность и место работы, адрес электронной почты (по желанию), место жительства.

4. Присланный материал является подтверждением того, что автор дает свое согласие на публикацию материала на сайте журнала, его размещение в РИНЦ ([elibrary.ru](#)), а также на размещение указанных им данных о себе (пункт 3). Авторское право закрепляется за автором и подтверждается авторским знаком, размещаемым под публикацией. Редакция журнала обязуется не передавать материалы третьим лицам или сторонним организациям без согласия автора.